

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

А. А. Володькин

**Интеграция
Латвии, Литвы и Эстонии
в ЕС и НАТО
(1991–2014 гг.)**

Минск
«Беларуская навука»
2016

УДК [339.924+327-049.5](4:474)“1991/2014”

ББК 65.6(4)

В68

Р е ц е н з е н т ы:

член-корреспондент НАН Беларуси В. А. Бобков,
кандидат исторических наук А. Г. Цимбал

Володькин, А. А.

В68 Интеграция Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО
(1991–2014 гг.) / А. А. Володькин. – Минск : Беларуская
навука, 2016. – 212 с.

ISBN 978-985-08-1953-6.

Монография посвящена истории интеграции трех государств Балтии в евроатлантические структуры. Рассматриваются основные этапы этого процесса – от формирования курса на вступление в два ключевых международных института западного сообщества в качестве основного приоритета их внешней политики до включения Латвии, Литвы и Эстонии в работу органов ЕС и структур НАТО в качестве полноправных членов этих организаций. Отмечается важная роль, которую сыграла в этом процессе поддержка соседних стран Северной Европы.

Предназначена для специалистов в области международных отношений, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся современной историей Балтийского региона и процессами восточного расширения ЕС и НАТО.

УДК [339.924+327-049.5](4:474)“1991/2014”

ББК 65.6(4)

ISBN 978-985-08-1953-6

© Володькин А. А., 2016

© Оформление. РУП «Издательский
дом «Беларуская навука», 2016

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

ЕПБО	– Европейская политика безопасности и обороны (общая политика ЕС)
ЕС	– Европейский союз
ДОВСЕ	– Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ИНТЕРРЕГ	– Программа развития трансграничного и межрегионального сотрудничества (программа ЕС)
ИСПА	– Инструмент структурной политики для подготовки к вступлению (программа ЕС)
МАП	– Membership Action Plan – План действий по подготовке к членству (программа НАТО)
НАТО	– North Atlantic Treaty Organization – Организация Североатлантического договора (Североатлантический альянс)
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1994 г. – СБСЕ)
ОВПБ	– Общая внешняя политика и политика безопасности (общая политика ЕС)
ПРМ	– Партнерство ради мира (программа НАТО)
САПАРД	– Специальная программа развития сельского хозяйства и сельской местности (программа ЕС)
СГБМ	– Совет государств Балтийского моря
СЕАП	– Совет евроатлантического партнерства (до 1997 г. – Совет североатлантического сотрудничества)
Северные страны (Nordic countries)	– Принятое в литературе обозначение региональной группы стран, включающей четыре Скандинавских государства (Данию, Исландию, Норвегию, Швецию), а также Финляндию
СЕИ	– Североевропейская инициатива (программа США)
«СИ»	– «Северное измерение» (программа ЕС)

ССАС	– Совет североатлантического сотрудничества (с 1997 г. – Совет евроатлантического партнерства)
Страны Балтии	– Принятое в литературе обозначение региональной группы стран, включающей Латвию, Литву и Эстонию
ТАСИС	– Программа технической помощи странам СНГ (программа ЕС)
ФАРЕ	– Программа помощи Польше и Венгрии для реструктуризации экономики (программа ЕС)
ХЕЛКОМ	– Хельсинкская комиссия по защите окружающей среды Балтийского моря
ЦВЕ	– Центральная и Восточная Европа
BALTBAT (БАЛТБАТ)	– Сводный Балтийский батальон (сформирован тремя странами Балтии)
BALDEFCOL (БАЛТДЕФКОЛ)	– Высший Балтийский оборонный колледж (учрежден странами Балтии в рамках инициативы BALTSEA)
BALTNET (БАЛТНЕТ)	– Балтийская система наблюдения за воздушным пространством (создана странами Балтии в рамках инициативы BALTSEA)
BALTRON (БАЛТРОН)	– Сводная Балтийская военно-морская эскадра (сформирована странами Балтии в рамках инициативы BALTSEA)
BALTSEA (БАЛТСИ)	– Baltic Security Assistance Group – Балтийская группа по содействию безопасности

ВВЕДЕНИЕ

Тема интеграции трех государств Балтии в евроатлантические структуры¹ интересна прежде всего тем, что на сегодняшний день они являются единственным примером достижения полноправного членства в ЕС и НАТО среди стран, некогда являвшихся частью СССР. Не секрет, что о своих намерениях присоединиться к этим международным структурам не раз заявляли и некоторые другие постсоветские государства – Грузия, Украина, Молдова. Однако никому из них пока не удалось добиться даже статуса официального кандидата на вступление, не говоря уже о начале обсуждения конкретных сроков и условий их принятия. Таким образом, опыт Литвы, Латвии и Эстонии является во многом уникальным и уже самим этим фактом заслуживает пристального внимания исследователей. Целью данной работы как раз является анализ того исторического пути, ко-

¹ Во избежание возможных разночтений данного термина автор считает нужным уточнить, что здесь и далее в работе под евроатлантическими структурами понимаются только две крупнейшие и наиболее влиятельные организации западного сообщества – Европейский союз (ЕС) и Североатлантический альянс (НАТО), между которыми уже давно сложилась устойчивая система взаимосвязей, обусловленная как совпадающим в большинстве своем составом стран-участниц обеих организаций, так и сложившимся между ними функциональным «разделением труда» при решении международных вопросов. Соответственно, под евроатлантической интеграцией в работе понимается процесс присоединения государств к этим двум международным институтам и включения в их деятельность.

торый прошли эти три страны от постсоветских государств до членов двух ключевых международных институтов западного сообщества.

Еще одной важной особенностью евроатлантической интеграции государств Балтии, существенно отличавшей этот процесс, например, от интеграции в евроатлантические структуры других стран Центральной и Восточной Европы, стало значительное влияние двух региональных факторов. Речь идет, во-первых, о содействии со стороны соседних стран Северной Европы в реализации евроатлантического курса Эстонии, Латвии и Литвы, а во-вторых, о противодействии ему со стороны России. Еще на рубеже 1980–1990-х гг. северные страны начали устанавливать связи с руководством республик тогда еще советской Прибалтики. Впоследствии по их инициативе был создан целый ряд региональных структур и программ, призванных развивать сотрудничество между государствами, расположенными вокруг Балтийского моря. Однако развитие сотрудничества в Балтийском регионе изначально задумывалось не как альтернатива интеграции стран Балтии в евроатлантические структуры, а скорее как подготовительный этап и дополнительный инструмент их подготовки к выполнению вступительных требований для принятия в эти организации. Северные страны² выступили не только в роли основных внешних инвесторов в развитие экономики стран Балтии, но также стали основными лоббистами их кандидатур в процессах восточного

² От англ. *Nordic states* – распространенное в англоязычной литературе определение региональной группы стран, включающей четыре Скандинавских государства и отличную от них в этноязыковом плане, но близкую в культурно-историческом отношении Финляндию. Ряд авторов (Л. Риден, Л.-К. Уильямс и др.) высказывают мнение, что сам термин «северные страны» постепенно вытесняет в международных отношениях историческое понятие «Скандинавия» как более политкорректный по отношению к той социально-экономической и культурной общности стран Скандинавии и Финляндии, которая сложилась на протяжении XX века.

расширения ЕС и НАТО. И даже тот факт, что далеко не все северные страны сами являлись членами обеих этих организаций, не мешал их политическим лидерам заявлять, что принятие в них Литвы, Латвии и Эстонии полностью отвечает их интересам.

Что касается российского фактора, его влияние было весьма противоречивым и неоднозначным. Прежде всего следует отметить, что отношение России к вступлению стран Балтии в ЕС и НАТО существенно отличалось. Москва никогда открыто не возражала против возможного принятия Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС, даже несмотря на то, что такой шаг мог привести (и как позже оказалось, действительно привел) к определенным трудностям в сфере транспортного транзита и сообщения с Калининградской областью. И, наоборот, позиция России по вопросу о возможном присоединении Балтийских государств к НАТО всегда была категорично негативной – даже во времена относительно либерального и прозападного правления Б. Ельцина. Широко известно, что само существование НАТО воспринималось в постсоветской России как постоянное напоминание о ее поражении в холодной войне, а процесс восточного расширения Североатлантического альянса – как стремление окончательно вытеснить ее с европейского политического пространства. При этом, однако, российская позиция в отношении приема в него различных групп стран-кандидатов существенно различалась. Так, если в отношении стран Центральной Европы (Польша, Чехия, Венгрия) она была достаточно сдержанной, т. е. Москва фактически смирилась с неизбежностью их вступления в НАТО, то в отношении стран Балтии российские протесты были наиболее резкими и последовательными.

Поэтому упорное стремление руководства Литвы, Латвии и Эстонии полностью освободиться от российского влияния и стать полноправными членами евроатлантических структур привело в 1990-х гг. к целому ряду политических

конфликтов в российско-балтийских отношениях, именуемых в некоторых источниках «малой холодной войной». Эти конфликты активно использовались и той, и другой стороной для решения своих внешнеполитических задач. С одной стороны, они помогали балтийским лидерам сформировать на Западе образ Литвы, Латвии и Эстонии как маленьких и уязвимых стран, беззащитных перед лицом мощного и все еще грозного соседа на Востоке, который использовался ими как основной аргумент в пользу своего скорейшего вступления в НАТО и ЕС. С другой стороны, Россия стремилась использовать эти конфликты, чтобы дискредитировать страны Балтии перед лицом Запада как нарушающие основные принципы демократии и прав человека, и, таким образом, воспрепятствовать их приему в евроатлантические структуры.

Неоспоримо и то, что страны Запада не могли игнорировать столь явно выраженную позицию России. Не только потому, что, несмотря на экономический упадок, она оставалась ядерной державой с мощным военным потенциалом, но и потому, что на определенном историческом этапе поддержание партнерских, дружественных отношений с Россией для окончательного утверждения в ней самой западных либерально-демократических ценностей представлялось им гораздо более приоритетной целью, чем немедленная интеграция стран Балтии в западное сообщество. Поэтому решительные изменения в западной политике по вопросу принятия Литвы, Латвии и Эстонии в евроатлантические структуры произошли лишь после того, как стали очевидными две вещи: провал либеральных реформ в России и отсутствие у нее хоть какой-то сформировавшейся внешнеполитической стратегии в отношении своих западных соседей, что со всей ясностью продемонстрировала ее непоследовательная позиция в ходе конфликтов на Балканах и постсоветском пространстве.

Наконец, говоря об актуальности темы, нельзя забывать и о том, что страны Балтии являются непосредственными

соседями Беларуси. И несмотря на это, в отечественной науке очень мало работ, посвященных их развитию в постсоветский период. В большинстве экспертных публикаций на тему их отношений с Беларусью авторы, руководствуясь «прагматическим» подходом, склонны абсолютизировать значение экономических факторов (развитие взаимной торговли, транспортного транзита и т. д.), воздерживаясь от анализа политических процессов в регионе. Однако автор данной монографии считает такой подход в корне не верным – нельзя рассматривать отношения с ближайшими соседями только с позиций экономической выгоды (как с далекими от нас странами Азии, Африки или Латинской Америки). События двух последних лет убедительно показали хрупкость и уязвимость мира в нашем регионе, оказавшемся на самом острие геополитического соперничества России и Запада. Поэтому изучение развития наших ближайших соседей в постсоветский период – эволюции приоритетов и стратегий реализации их внутренней и внешней политики – приобретает сейчас не только сугубо научное, но и практическое значение как важный элемент формирования эффективной стратегии национальной безопасности нашей страны. Автор монографии надеется, что изложенный в ней материал будет полезен и с научной, и с практической точки зрения.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что тема интеграции государств Балтии в евроатлантические структуры затрагивает целый комплекс международных проблем и противоречий. Поэтому неудивительно, что до сих пор методологически она рассматривалась в основном с точки зрения актуальных исследований международной политики и теории международных отношений. Но в данной монографии автор придерживается совершенно иного подхода. На основании многолетнего изучения публикаций по теме можно сказать, что эта работа представляет собой одно из первых (как в отечественной, так и зарубежной исто-

риографии проблемы) исследований с позиций истории международных отношений. Автор стремился показать интеграцию стран Балтии в евроатлантические структуры не с точки зрения подтверждения или опровержения тех или иных политических теорий, а именно как исторический процесс, имевший свои предпосылки, этапы развития, характерные для каждого из этих этапов тенденции и особенности, проследить эволюцию позиций сторон этого процесса, их взаимных ожиданий, задач, которые перед ними возникали, и стратегий их решения.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ

Основу источниковой базы исследования составляют официальные и неофициальные документы Евросоюза, НАТО и Совета государств Балтийского моря (СГБМ), документы государств, членов этих организаций, а также информационные материалы их официальных органов. Исходя из таких критериев, как характер субъектов международных отношений, создавших эти документы, а также специфика самих документов и их значимость с точки зрения рассматриваемой проблематики, данная категория источников была классифицирована на шесть групп. Первую из них составляют базовые документы ЕС, НАТО и СГБМ, определявшие общий характер международной деятельности этих организаций в исследуемый период времени. К ней относятся Маастрихтский, Амстердамский и Ниццкий договоры ЕС [2; 49; 50], стратегические концепции НАТО 1991 и 1999 гг. [298; 299], Лондонская (1990 г.) и Мадридская (1997 г.) декларации Альянса [172; 230], Копенгагенская декларация о создании СГБМ и документ, определивший компетенцию этой организации [164; 296]. В этих источниках проблематика отношений ЕС и НАТО со странами Балтии напрямую не затрагивается. Однако они помогают сформировать общее представление об основных направлениях и механизмах международной деятельности этих организаций.

Вторая группа источников включает документы ЕС и НАТО, связанные с процессом их восточного расширения. В первую очередь это документы, регулировавшие деятель-

ность программы ЕС, ФАРЕ, которая постепенно стала главным инструментом подготовки стран-кандидатов к вступлению в эту организацию [165–167]. Чтобы определить значение распространения действия этой программы на страны Балтии в 1992 г., автор также проанализировал материалы другой программы поддержки ЕС для переходных стран – ТАСИС, сравнивая цель, задачи и ресурсный потенциал обеих программ [253; 295]. К данной группе также относятся документы, принятые в рамках натовских программ Партнерство ради мира (ПРМ) и Плана действий по подготовке к членству (МАП) [255; 256; 302].

К третьей группе источников относятся ежегодные отчеты органов ЕС и СГБМ, на основании которых можно проследить динамику развития тех или иных аспектов сотрудничества ЕС со странами Балтийского региона. Это прежде всего подготовленные в рамках программы «Agenda 2000» ежегодные доклады Еврокомиссии о ходе подготовки каждой из стран-кандидатов к вступлению в ЕС [157–161]. Эти доклады также содержали подробный обзор развития отношений Евросоюза с конкретной страной-кандидатом с момента их установления. Кроме того, к этой группе можно отнести и ежегодные отчеты Комитета старших должностных лиц СГБМ, в которых присутствовала информация о развитии отношений между ЕС и странами региона, а также между ЕС и СГБМ [120–126].

Четвертую, наиболее многочисленную группу составляют документы ЕС и СГБМ, в которых рассматриваются вопросы развития балтийского регионального сотрудничества и участия в нем Евросоюза. В ней отсутствуют документы НАТО, поскольку в исследуемый период эта организация официально не делила в своих документах переходные государства ЦВЕ, являвшиеся главным объектом ее политики восточного расширения, на более узкие региональные группы со своей особой спецификой. Основу данной группы представляют документы ЕС, связанные с формированием его комплексной стратегии в отношении Балтийского региона.

Первым в данном ряду стало послание Еврокомиссии от 25 октября 1994 г., озаглавленное «Координация подхода Евросоюза к Балтийскому региону» [251]. В качестве цели этого документа была провозглашена «разработка комплексного контекста регионального подхода Евросоюза к Балтийскому региону». Послание состояло из четырех частей, в которых говорилось о потенциале международного сотрудничества в Балтийском регионе и о его важном значении для интегрирующейся Европы в свете грядущего расширения ЕС и начала переговоров со странами Балтии о заключении Европейских соглашений, перечислялись основные интересы ЕС в Балтийском регионе и возможные меры по их обеспечению. В двух последних частях документа («Координация» и «Выводы») отмечалась роль ЕС как координатора деятельности всех структур, заинтересованных в развитии регионального сотрудничества на Балтике, и целесообразность сочетания им в своей политике по отношению к этому региону двустороннего и многостороннего подходов.

Идеи «Послания» были развиты в докладе «О текущем состоянии и перспективах сотрудничества в Балтийском регионе», который был подготовлен Еврокомиссией и одобрен Советом на мадридском саммите в декабре 1995 г. [169]. В обзорном порядке в нем рассматривались вопросы предоставления зарубежной помощи трем странам Балтии, а также отдельным регионам Польши и России, расположенным в непосредственной близости от Балтийского моря. Сюда были включены вопросы предоставления помощи из фондов ЕС и международных финансовых институтов, а также помощи, поступающей от стран-членов ЕС на основе двусторонних соглашений с государствами региона. Кроме того, в докладе содержался обзор ресурсов, которые были предоставлены странам Балтийского региона в форме грантов и кредитов с 1990 по 1994 г., а также выводы и рекомендации относительно размеров и характера помощи, которую предполагалось выделить в период с 1995 по 1999 г.

На том же мадридском саммите Европейский совет поручил Еврокомиссии разработать проект программы регионального сотрудничества на Балтике. 10 апреля 1996 г. такой проект был принят Еврокомиссией. В мае того же года он был представлен на конференции глав государств и правительств стран-членов СГБМ в г. Висби (Швеция), а 22 июня официально одобрен Европейским советом. Новая программа получила название «Балтийская региональная инициатива» [300]. Основное внимание в ней уделялось экономическому развитию региона. Были перечислены приоритетные сферы для предоставления международной поддержки в области торговли, инвестиций, инфраструктуры, энергетики, ядерной безопасности, экологии и туризма. Документ включал разделы, посвященные усилению в регионе демократии и политической стабильности и вопросам трансграничного сотрудничества.

В целом «Балтийская региональная инициатива» представляла собой постепенное развитие идей и принципов, изложенных в двух предыдущих документах ЕС. Ключевым принципом его балтийской политики по-прежнему оставалось усиление координации уже действующих в регионе структур вместо создания новых программ и выделения новых ресурсов. Проекты регионального сотрудничества, претендовавшие на финансовую поддержку Евросоюза, должны были вписываться в общие стратегии финансирования программ ФАРЕ, ТАСИС и ИНТЕРРЕГ. Если учесть, что эти программы изначально были ориентированы на поддержку различных групп государств, с различной спецификой, становится ясно, что возможности их взаимодействия были весьма ограничены. Таким образом, «Инициатива» не внесла принципиальных изменений в балтийскую политику ЕС и имела, главным образом, символическое значение, знаменующая собой рост интереса Брюсселя к данному региону.

Кульминацией развития комплексной стратегии ЕС в отношении Балтийского региона стало принятие программы «Северного измерения» («СИ»). Поэтому большую часть ис-

точников четвертой группы составляют документы, связанные с данной инициативой. Главными из них являются первый (2000–2003) и второй (2004–2006) Планы действий «СИ» [131; 305]. Они выполняли функции политических рекомендаций для стран, охваченных этой программой, при выработке ими стратегий и проектов, подлежащих финансированию со стороны соответствующих бюджетных инструментов ЕС. Первый План действий состоял из двух частей: горизонтальной и рабочей. В первой из них перечислялись и анализировались проблемы, стоящие перед регионом, во второй – дан общий обзор целей и перспектив регионального сотрудничества [131, с. 3]. Второй План действий носил более конкретный характер, что объяснялось нуждами грядущего расширения ЕС в Балтийском регионе [305, с. 4]. С процессом расширения были связаны практически все проекты и инициативы, перечисленные в этом документе. Он также состоял из двух частей: основного текста, в котором перечислялись цели и приоритеты «СИ» на указанный период, и Приложения, в котором содержался список конкретных мер по реализации приоритетных задач программы, определенных в его первой части. Активное участие в разработке программных документов «СИ» также принимал СГБМ [155; 226], хотя его предложения далеко не всегда учитывались Еврокомиссией. Помимо Планов действий, автор также изучил и проанализировал документы ЕС, посвященные разработке и принятию программы «СИ» [90; 128; 129; 161], инициативам в рамках этой программы [303; 304] и ее трансформации после окончания срока второго Плана действий [180; 189; 246; 261].

К пятой группе источников следует отнести акты национальных законодательств, международные соглашения и декларации, в которых ЕС и НАТО непосредственно не участвовали, но которые затрагивали вопросы взаимодействия с ними стран Балтийского региона. Здесь, прежде всего, нужно упомянуть Хартию о партнерстве между США и тремя странами Балтии, подписанную в начале 1998 г. в Вашинг-

тоне, в которой выражалась поддержка интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО [130], а также совместные декларации президентов Литвы и Польши 1996 и 1997 гг., в которых говорилось о координации действий двух стран в деле интеграции в европейские и евроатлантические структуры [204; 205]. С учетом того, что решающую роль в вопросе расширения НАТО играли США, большой интерес также представляли информационные материалы Госдепартамента по развитию отношений США со странами Балтийского региона и Северной Европы, в т. ч. в рамках программы Северо-европейская инициатива (СЕИ) [176; 254; 307]. Кроме того, некоторые аспекты взаимодействия стран Балтии с НАТО и их подготовки к вступлению в Альянс были отражены в концепциях и стратегиях национальной безопасности и внешней политики этих трех стран [240; 292], а также в официальных хронологиях развития их отношений с НАТО [177; 260].

Наконец, шестую, весьма небольшую и специфичную группу источников составляют секретные материалы НАТО, обнародованные порталом ВикиЛикс. Они включают документы, связанные с разработкой и принятием Альянсом в 2010 г. плана обороны государств Балтии «Eagle-Guardian» («Орел-защитник») [325–327].

При проведении исследования помимо документальных также были задействованы другие виды источников. Прежде всего, это тексты выступлений официальных лиц стран Балтийского региона и государств, членов ЕС и НАТО [132; 133; 148; 151; 162; 197; 218; 234; 250; 258; 265]. Кроме того, были задействованы новостные публикации из доступных автору средств массовой информации стран региона таких, как «Республика» (независимая газета Литвы) [10; 11; 18; 45; 56; 59; 63; 65; 71–73; 80; 81; 89; 99; 100; 101; 112; 115; 116], «Эхо Литвы» [13; 39; 110], «Тагесшпигель» [252], «Зюддойче Цайтунг» [175; 286], «Дагенс нюхетер» (в русскоязычном переводе агентства ИТАР-ТАСС) [42; 117] а также русскоязычного информационного издания ЕС «Европейский обзор» [70; 74; 103].

Говоря об историографии проблематики интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО и развития их отношений с данными структурами, следует отметить, что в отечественной науке данная тема пока не получила развития. За исключением диссертационной работы автора, защищенной в 2009 г., специальные исследования по данной проблематике не проводились. Отдельные аспекты этих отношений рассмотрены в работах белорусских ученых-международников Е. Достанко и Т. Воротницкой, посвященных общей стратегии расширения Евросоюза на восток [38; 55]. Эти авторы систематизировали большой объем информации по формированию стратегии восточного расширения ЕС и его политики в отношении переходных стран ЦВЕ (включая и государства Балтии). Еще более отдаленное отношение к исследуемой теме имеет работа доктора исторических наук, профессора А. Розанова «Европейская безопасность и НАТО» [87], в которой лишь вскользь затрагиваются отдельные вопросы восточного расширения Альянса, а также статьи таких исследователей, как А. Тихомиров, В. Фрольцов и Н. Халиманович, посвященные отношениям Литвы, Латвии и Эстонии с Беларусью и отдельными странами ЕС. Таким образом, отечественную историографию по теме можно охарактеризовать как крайне фрагментарную.

Российская историография куда более обширна и основательна. Однако для нее характерны две важные особенности. Во-первых, российские авторы уделяли явно второстепенное внимание процессу восточного расширения ЕС и интеграции в него Литвы, Латвии и Эстонии, сосредоточившись, главным образом, на проблематике их присоединения к НАТО. Исключение составила лишь достаточно широкая дискуссия, которая развернулась по поводу программы ЕС «Северное измерение» и участия в ней России. Здесь следует отметить работы российского дипломата и эксперта по Северной Европе Ю. Дерябина, возглавляющего Центр Северной Европы ИЕ РАН, а также Н. Антюшиной, К. Воронова, А. Сергунина, Г. Ткачева и В. Чурова [6; 34; 52;

91; 109]. Последние три автора сформулировали предложения по реформированию данной программы и исправлению имеющихся в ней недостатков.

Отдельно следует выделить работы российского социолога Р. Х. Симоняна – руководителя Российско-Балтийского центра Института социологии РАН и заместителя руководителя Центра североевропейских и балтийских исследований МГИМО [93–96]. Еще на рубеже 1980–1990-х гг. он начал изучать специфику развития республик тогда еще советской Прибалтики и, в частности, причины, которые привели к победе в них сторонников восстановления независимости и реализации прозападного политического курса [93]. Впоследствии Р. Х. Симонян также подробно исследовал тенденции социально-экономического развития Литвы, Латвии и Эстонии в переходный период рыночных реформ. Особого внимания в этой связи заслуживает его анализ специфики процессов приватизации в каждой из трех стран и их отличий от аналогичных процессов в России и странах СНГ [95]. Также исследователь достаточно глубоко проанализировал развитие государств Балтии в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. [96].

Среди вопросов, связанных с определением роли НАТО в Балтийском регионе, особое место занимала проблема российско-балтийских отношений. Этой теме было посвящено множество работ как российских, так и западных авторов, что было обусловлено большой остротой данной проблемы и сохранявшейся вплоть до начала 2000-х гг. неопределенностью вокруг того, смогут ли три государства Балтии отстоять свой внешнеполитический курс на вступление в НАТО, который противоречил геополитическим интересам России в регионе. Для публикаций по данному вопросу характерна наибольшая степень идеологизированности и политической ангажированности. Значительная часть работ как российских, так и западных авторов вместо выявления истинных причин конфликта и поиска путей выхода

из него преследовала цель оправдать позицию одной из сторон и возложить на другую всю вину за его эскалацию.

Однако на протяжении 1990-х гг. эмоционально-политическая и идеологическая риторика постепенно уступает место более взвешенному и объективному подходу. Хотя политическая позиция авторов по-прежнему играет определяющую роль в их исследованиях, для более поздних работ характерна большая сдержанность оценок и аргументация выводов, основанная на учете и анализе интересов и опасений обеих сторон. Для них также характерно стремление найти компромиссные варианты разрешения данного политического конфликта. Среди российских исследований на эту тему можно выделить публикации Ю. Жегловой, Д. Ланько, С. Ознобищева, В. Симиндея и М. Сельковой, а также уже упомянутые работы Д. Володина и А. Вушкарника [19; 43; 57; 77; 123; 219]. Западная позиция по данной проблеме наиболее подробно отражена в докладах бывшего посла США в Литве и Эстонии К. Смита [290] и британского военного эксперта Д. Остина [137]. Позиция стран Балтии раскрывается в работах И. Лиегиса и Г. Виткуса. При этом дипломат Лиегис излагает ее в весьма категоричной форме, в то время как Г. Виткус проводит глубокий анализ проблемы и стремится к максимальной аргументированности выводов.

Из других российских авторов следует отметить работы бывшего заместителя руководителя Центра исследования проблем стран ближнего зарубежья и начальника сектора европейских стран СНГ и Балтии доктора исторических наук А. Н. Сытина [105–108], а также статьи научного сотрудника Центра североευропейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО, кандидата исторических наук В. В. Вороникова [35–37], посвященные эволюции внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии после вступления в Евросоюз и НАТО. В российской историографии также рассматривались вопросы изменения международных подходов к обеспечению безопасности в регионе Балтийского моря после окончания холодной войны. Данной теме были посвящены

работы Ю. Дерябина, Д. Сулова, Ю. Федорова и Д. Тренина [53; 54; 104; 113; 310]. Так, Ю. Федоров, возглавлявший Центр политических исследований в России (ПИР), в статье «Балтийский узел» раскрывает причины неприемлемости российских предложений о формировании в Балтийском регионе зоны нейтральных государств или сугубо регионального военно-политического блока как для государств этого региона, так и для стран Запада. В силу политических причин российские авторы также уделяли особое внимание вопросам развития военного и политического сотрудничества стран Балтии с НАТО. Здесь следует упомянуть работы Д. Володина, А. Вушкарника, Н. Вуколова, Н. Горбунова, а также военных экспертов С. Юрьева, А. Мешкова и А. Николаева [19; 40–43; 46; 68; 102; 117; 119].

В целом, характеризуя российскую историографию по рассматриваемой проблематике, следует отметить, что несмотря на преобладание тенденциозно-негативных оценок евроатлантических устремлений стран Балтии она предоставляет существенный фактический материал, без которого было бы сложно реконструировать многие важные моменты процесса интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО (информация о визитах и встречах, международных соглашениях, изменениях внутреннего законодательства стран Балтии и т. д.). И с точки зрения исторического исследования это выгодно отличает ее от западной историографии, для которой характерно чрезмерное увлечение теоретическими конструкциями, моделями и обобщениями на фоне практически полного отсутствия какой-либо фактической информации, подтверждающей сделанные авторами оценки и выделенные ими тенденции. Особенно это характерно для скандинавских исследователей, связанных с т. н. «копенгагенской школой» в теории международных отношений. Для них характерна сосредоточенность на вопросах формирования региональной идентичности (в том числе в сфере безопасности), значения интеграции стран Балтии в евроатлантические структуры для всего региона и моделях

будущих отношений в треугольнике ЕС – страны Балтии – Россия.

Важное место в европейской историографии занимает проблема определения места Балтийского региона в европейских интеграционных процессах и соотношения региональных и европейских тенденций в политике входящих в него стран. Эта тема получила наибольшее развитие в работах европейских политологов, представляющих направление неорегионализма (Б. Хеттне, О. Уэвер, П. Йознниemi, М. Смит). В рамках этого направления были сформулированы теоретические основы изучения региональной проблематики, определены такие понятия, как «регионализм», «регионализация» и «региональность». Кроме того, датские ученые О. Уэвер и П. Йознниemi разработали свою классификацию современных региональных общностей и выделили четыре основных типа их образования. Эти два исследователя еще в начале 1990-х гг. обратились к балтийской проблематике и одними из первых начали изучать процессы регионализации в этой части Европы [201; 202; 321]. В их работах анализируется становление и развитие балтийского регионализма в конце 1980-х – 1990-е гг., а также рассматривается место данного региона в более широком европейском контексте. К достоинствам работ Уэвера и Йознниemi, посвященных данным вопросам, можно отнести их высокий аналитический уровень и обширную методологическую базу, к недостаткам – чрезмерную склонность к теоретическим обобщениям и весьма скудный фактический материал.

Большой интерес в данной области представляют публикации немецкой исследовательницы Л.-К. Уильямс [328]. Ее работа «Регион Балтийского моря: формы и функции регионального сотрудничества» содержит не только глубокий анализ теоретических подходов к проблеме балтийского регионализма, разработанных вышеупомянутыми политологами-неорегионалистами, но также обширный фактический и исторический материал. Главным достоинством этой работы следует назвать комплексный характер исследования,

основанный на сочетании политологического и исторического подходов. Л.-К. Уильямс рассматривает генезис балтийской региональной идеи, а также факторы, повлиявшие на ее становление и обусловившие современные формы балтийского регионализма.

Вопросы определения места Балтийского региона во внешней политике стран-членов ЕС и выработки балтийского направления в политике этой организации также нашли отражение в европейской историографии. Первый из этих аспектов раскрывается в работах Б. Хёрлина, Д. М. Цеперника, К. Аркера, Э. Барбе, Ф. Терпана, У. Шмальца, Г. Ференбаха, Х. Ойанен, Г. Херольф, Т. Форсберга и др. [134; 135; 144; 183; 184; 192–194; 196; 285; 297]. Что касается формирования балтийской политики Евросоюза, здесь заслуживают внимания исследования Ш. Генцле, Г. Хубеля, Э. Джонсон [185; 203], а также уже упомянутых П. Йознниemi, Л.-К. Уильямс и К. Аркера.

Особое внимание уделялось программе «Северного измерения» ЕС, которая, по мнению многих авторов, стала кульминацией в развитии его балтийской политики. Статьи и публикации, посвященные этой программе, можно условно разделить на две группы. В 1999–2002 гг. наблюдался наибольший интерес к данной инициативе ЕС. В работах этого периода преобладает восторженно-оптимистичная оценка «СИ». Авторы увлекались описанием его новаторских принципов, амбициозных целей и масштаба и лишь вскользь упоминали о весьма ограниченных ресурсах, выделенных ЕС на реализацию этой программы. Здесь можно упомянуть статьи финских исследователей П. Стенлунд, М. Ниссенен, У. Кивикари [214; 293]. В исследованиях более позднего периода преобладают скептические оценки «СИ». Анализируя ход реализации программы за прошедшее время, их авторы указывают на явное несоответствие весьма скромных практических результатов «СИ» тем крупномасштабным целям, которые были заявлены в его программных документах. Первой в этом ряду явилась работа евро-

пейского эксперта по международной политике М. Валя «Северное измерение» как модель отношений между Европейским Союзом и его «ближним зарубежьем» [313]. Исследователь приходит к выводу об отсутствии у программы конкретного содержания и четких приоритетов. Он также предлагает свои идеи в области трансформации «СИ».

Что касается самого принятия государств Балтии в ЕС и специфики его стратегии в отношении этих стран в период их подготовки к вступлению, то, к сожалению, они не получили должного внимания в работах европейских исследователей. Публикации, посвященные этой теме, весьма немногочисленны и носят довольно общий характер [153; 229]. Исключением в этом плане явилась статья немецкого исследователя М. А. Раппа, в которой наряду с обзором общих этапов формирования стратегии ЕС в отношении переходных стран ЦВЕ раскрываются и особенности его отношений со странами Балтии [280]. Поэтому основными источниками информации по данным вопросам стали официальные документы и отчеты ЕС.

Гораздо большее внимание в западной, особенно англо-американской, историографии уделяется развитию политики НАТО в отношении стран Балтии и эволюции его позиции по вопросу их приема в Альянс. Следует отметить, что специальных работ по данной проблематике крайне мало. Из значимых исследований здесь можно выделить монографию британского ученого А. Гайд-Прайса «НАТО и Балтийский регион: к управлению региональной безопасностью» [198] и доклад Центра стратегических исследований США «Расширение НАТО в Балтийском регионе: до и после Праги 2002» [301]. Вопросы установления и развития отношений между НАТО и странами Балтии в начале 1990-х гг. также затрагиваются в монографии Дж. Саймона «Расширение НАТО и Центральная Европа» [288].

К другим направлениям европейской историографии по тематике монографии следует отнести проблемы трансформации системы безопасности в Балтийском регионе, которые

рассматривались в публикациях К. Мётола и Т. Бюлов-Хансен [150; 237] и регионального сотрудничества по безопасности, в т. ч. в рамках партнерства с НАТО, которые занимали заметное место в научных сборниках Шведского национального оборонного колледжа [147; 152; 217; 223; 248; 277; 291; 309; 323] и Финского института международных отношений [187; 220; 310].

Наконец, нужно сказать о разработанности тематики интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в евроатлантические структуры в самих этих странах. В первую очередь, здесь выделяется литовская историография, представленная такими авторами, как Р. Вилпишаускас [316–319], К. Паулаускас [259], Г. Виткус [320], Г. Миньотайте [235] и А. Молис [236]. Так, в работах директора Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета Рамунаса Вилпишаускаса особого внимания заслуживает подробный анализ процесса т. н. вступительных переговоров с ЕС, в ходе которого определялись условия и сроки приема в него государств Балтии. По тематике отношений этих стран с НАТО, прежде всего, стоит отметить доклад литовского исследователя Г. Виткуса «Меняющийся режим безопасности в регионе Балтийского моря», подготовленный в рамках программы исследований НАТО в 2002 г. [320]. Эта работа представляет собой комплексное исследование, содержащее подробный анализ причин распада в регионе старой системы безопасности, известной под названием «северный баланс», и выбора балтийскими государствами натоцентрической модели безопасности. Вопросы обеспечения энергетической безопасности Литвы и других стран Балтии в контексте их интеграции в евроатлантические структуры стали основным предметом исследования другого литовского исследователя Арунаса Молиса [236].

Более скромно представлена латвийская и эстонская историография по данной теме. Вопросы развития военного и политического сотрудничества стран Балтии с НАТО и подключения к нему соседних государств нашли отражение

в работе бывшего представителя Латвии при штаб-квартире НАТО И. Лиегиса [64]. Отдельные аспекты взаимоотношений государств Балтии с ЕС и НАТО после вступления в эти организации рассматривает и латвийский политолог, выпускник Принстонского и Калифорнийского университетов (США), руководитель Института социальных и политических исследований Латвийского университета, Нильс Муишнекс [239]. Из эстонской историографии следует выделить работы бывшего канцлера Министерства обороны этой страны М. Колги и директора Эстонского института внешней политики А. Касекампа [209; 210]. Первый из них подробно анализирует развитие регионального военного сотрудничества государств Балтии под эгидой программы НАТО «Партнерство ради мира», второй – эволюцию политических отношений этих стран с европейскими структурами после вступления в ЕС и их позицию по вопросам развития политической и военной составляющей европейской интеграции в рамках ЕПБО ЕС.

СТРАНЫ БАЛТИИ НА ПУТИ К ПРИЗНАНИЮ СВОЕГО ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

1.1. Внутренние условия формирования курса на евроатлантическую интеграцию

Не будет преувеличением сказать, что формирование курса на интеграцию в ключевые международные институты западного сообщества началось еще в период борьбы народных фронтов Литвы, Латвии и Эстонии за восстановление независимости своих республик от Советского Союза в 1990–1991 гг. Фактически лозунги восстановления независимости с самого начала соседствовали в их программах с лозунгами «возвращения в Европу». Конечно, говорить о том, какие именно формы может принять это возвращение, в период, когда республики тогда еще советской Прибалтики не получили международного признания в качестве суверенных государств, было крайне сложно. И все же именно тогда были сделаны первые шаги в этом направлении. Так, уже в мае 1989 г. в Таллине собрались народные депутаты Литвы, Латвии и Эстонии, чтобы разработать общую региональную платформу, целью которой было совместное достижение суверенитета и независимости, а также налаживание контактов с западноевропейскими странами и международными организациями. Эта инициатива получила название Балтийская ассамблея. Два месяца спустя – в июле 1989 г. ее делегаты договорились о создании региональной организации – Балтийского совета, который должен был заняться осуществлением этих планов. Вопросами координации в области внешней политики также занимался созданный в 1990 г. Совет балтийских государств [29, с. 49].

Естественно, в условиях, когда еще существовал Советский Союз, руководство которого не признавало выхода При-

балтийских республик из своего состава, ведущие страны и международные институты Запада не спешили устанавливать связи с самими этими республиками и их региональными структурами. Поэтому главным их достижением в это время стало установление прямых связей с соседними государствами Северной Европы – Финляндией, Швецией, Данией и их региональными организациями, такими, как Северный совет и Совет министров северных стран. Благодаря содействию министров иностранных дел этих государств 17 ноября 1990 г. в Брюсселе было открыто Балтийское информационное бюро, которое до официального международного признания независимости Литвы, Латвии и Эстонии выполняло функции их неофициального представительства при НАТО и Европейских сообществах. Верховные советы каждой из трех республик делегировали туда своих представителей, которые были подотчетны их министрам иностранных дел и, хотя де-юре не имели дипломатического статуса и привилегий, фактически выполняли дипломатические функции. После международного признания независимости стран Балтии в конце августа – начале сентября 1991 г. Бюро стало их официальным дипломатическим представительством в Брюсселе [224, с. 15]. А в 1992 г. каждая из них открыла в этом городе собственное представительство для поддержания связей с ЕС и НАТО. В конце мая 1991 г. при поддержке датской миссии при НАТО состоялся неофициальный визит литовской делегации во главе с председателем Верховного Совета В. Ландсбергисом в штаб-квартиру этой организации. Таким образом, первые контакты балтийских политических элит с ЕС и НАТО были установлены еще до официального признания независимости Литвы, Латвии и Эстонии.

Теперь необходимо разъяснить, почему страны Балтии так быстро сделали выбор в пользу евроатлантической интеграции и затем так четко и последовательно его придерживались? На то был целый ряд причин. Во-первых, стоит отметить, что прозападная ориентация в этих странах имеет

определенные исторические традиции. Еще на заре формирования их национальной государственности в годы Первой мировой войны видные балтийские политические и национальные деятели, такие, как Ёнас Шлюпас, Стасис Шалкаускас, Оскар де Любич-Милош, Ян Тыниссон и Карель-Роберт Пуста, выступали за ориентацию государств Балтии и их региональных объединений на страны Антанты, обосновывая ее целесообразность необходимостью защиты от притязаний и давления таких сильных и экспансионистски настроенных соседей, как Россия и Германия [29, с. 47]. Затем именно поддержка западных стран на Парижской мирной конференции 1919 г. позволила Литве, Латвии и Эстонии добиться международного признания своего суверенитета и вывода со своей территории иностранных войск. Поэтому весь межвоенный период они рассматривали Великобританию и Францию в качестве основных гарантов своего суверенитета и безопасности. Немаловажное значение имел и тот факт, что страны Запада осудили заключение советско-германского Пакта Молотова-Риббентропа, особенно секретного протокола к нему, о разделе сфер влияния в Восточной Европе и не признали последовавшего в результате этих договоренностей присоединения стран Балтии к СССР в 1940 г. В некоторых из них в послевоенный период даже продолжали действовать дипломатические представительства Литвы, Латвии и Эстонии. Поэтому не удивительно, что балтийские политические элиты позднесоветского и постсоветского периодов, стремившиеся всячески подчеркнуть преемственность с традициями национальной государственности, существовавшей в межвоенное время, выбрали именно прозападный внешнеполитический курс [31].

При этом, как отмечают российские исследователи В. Воротников и А. Сытин, важное значение имел тот факт, что на протяжении всего советского периода истории стран Балтии их население сохраняло связи со своими соотечественниками, эмигрировавшими на Запад. Еще в годы холодной войны литовские, латышские и эстонские интеллектуалы-

эмигранты в США, Великобритании и Швеции идейно обосновали евроатлантический выбор своих народов [35; 108]. Впоследствии, на рубеже 1980–1990-х гг., некоторые из них вернулись на историческую родину и, как отмечает Р. Х. Симонян, наряду с представителями прежней хозяйственной номенклатуры советской Прибалтики участвовали в формировании новой политической элиты Литвы, Латвии и Эстонии, оказывая определенное влияние на ее внутри- и внешнеполитические приоритеты [95, с. 35–36].

Во-вторых, евроатлантическая интеграция рассматривалась как единственная надежная гарантия безопасности стран Балтии. В этой связи основным аргументом выступал тезис о том, что Литва, Латвия и Эстония – малые страны, зажатые между крупными и сильными соседями, которые уже не раз на протяжении истории захватывали и присоединяли к себе их территорию, нисколько не считаясь с мнением населения. Особенно подчеркивается, что неучастие стран Балтии в военных союзах в межвоенный период не помогло им сохранить независимость. Поэтому, чтобы избежать повторения подобного в будущем, им необходимо присоединиться к международным структурам коллективной безопасности, которые бы не находились под контролем этих соседей и, таким образом, могли бы создать определенный противовес их влиянию. Под «опасными соседями», конечно, в первую очередь подразумевалась Россия, на которую общественность Литвы, Латвии и Эстонии возлагала ответственность за уничтожение суверенитета этих государств в 1940 г. и последовавшие за этим массовые репрессии, депортации и вынужденную эмиграцию большей части национальной элиты. Однако, как отмечает в своей статье профессор А. В. Шарапо, опасения чрезмерного усиления Германии после объединения ФРГ и ГДР и потенциального возрождения ее имперских амбиций также имели место среди политических элит стран Центральной Европы и Балтии [87]. Поэтому западные международные институты, прежде всего НАТО, представлялись им универсальным

средством против потенциального экспансионизма как России, так и объединенной Германии, путем военно-политического сдерживания первой и надежного встраивания второй в общую систему коллективной безопасности.

Причем, как отмечает исследовательница финского Центра российских и восточноевропейских исследований университета Хельсинки Е. Драгомир, соображения укрепления безопасности играли важную роль в мотивации вступления не только в НАТО, но и в Евросоюз. По ее мнению, особенно в первые годы после восстановления независимости, в странах Балтии преобладали эмоциональные, а не рациональные оценки западных международных структур и выгод от присоединения к ним [173, с. 296]. Следовательно, ЕС упрощенно воспринимался как сообщество мира, процветания и высокого уровня жизни, а вступление в него – как гарантия защиты национальных экономик Литвы, Латвии и Эстонии от внешних угроз, прежде всего от давления со стороны России и рисков, связанных с нестабильностью и конфликтным потенциалом постсоветского пространства.

Вместе с тем было бы неправильно полностью отрицать в формировании курса стран Балтии на евроатлантическую интеграцию рационально-прагматические мотивы экономической выгоды и сводить все лишь к соображениям безопасности. Тут уместно вспомнить предложенную К. Уолтцем в работе «Теория международной политики» идею «примыкания» («bandwagoning») небольших и слабых государств к более сильным [322, с. 126–127]. В соответствии с ней, небольшие государства, не обладающие существенными ресурсами и международным влиянием, стремятся присоединиться к союзу с более сильными странами, поддержка которых позволит им повысить свой вес в международных вопросах, получить военно-политическую защиту или более выгодные условия для ведения торговли и развития собственной экономики. При этом непременным условием выбора такого пути для малых стран является понимание того, что издержки от такого союза (например, утрата части сувере-

нитета) будут менее значительны, чем предполагаемые выгоды от него [95, с. 37]. И хотя тут также важны политические и геополитические факторы, например, невозможность создания коалиции для поддержания благоприятного баланса сил в регионе без привлечения внешних сил по причине сложных отношений с соседями (что как раз имело место в случае стран Балтии и их отношений с Россией), бесспорно, ведущую роль при этом играют рациональные мотивы.

В отношении Европейского союза такими мотивами, в первую очередь, служили ожидания экономической помощи и дотаций из его структурных фондов. Дело в том, что диспропорции развития различных стран и регионов ЕС и вызванные ими миграционные потоки в рамках общего рынка труда из депрессивных регионов в более благополучные считаются одной из главных угроз европейской интеграции. Поэтому через различные структурные фонды и финансовые инструменты ЕС из его бюджета выделяются значительные суммы на «подтягивание» неблагополучных регионов с более низким уровнем жизни до среднеевропейского уровня. Таким образом, страны Балтии, которые по уровню экономического развития значительно отставали от среднеевропейских показателей, в случае принятия в ЕС вполне могли рассчитывать на серьезные дотации с его стороны. С точки зрения простого обывателя серьезным мотивом служило также открытие западных границ и возможность свободного трудоустройства в странах Западной Европы с гораздо более высоким уровнем оплаты труда и социальных гарантий, чем на родине.

Что касается НАТО, тут также имели место рациональные соображения экономической выгоды. Конечно, вступление в Альянс предполагало существенное повышение собственных расходов на оборону – выделение на ее нужды из бюджета ежегодно не менее 2 % от ВВП страны. Однако контроль за соблюдением этого требования в НАТО был (и остается) не слишком строгим, а возможности привлечения помощи Альянса в материально-техническом оснащении

и подготовке кадров для собственных вооруженных сил значительно превышали эти издержки. К тому же участие в работе международных структур НАТО и размещение на территории стран Балтии объектов натовской инфраструктуры предполагало создание новых рабочих мест, в том числе и для гражданского персонала, что в условиях экономических трудностей переходного периода также нельзя сбрасывать со счетов.

Следующий аспект, который хотелось бы раскрыть в рамках данного раздела, – это вопрос о движущих силах, которые стояли за формированием курса на евроатлантическую интеграцию стран Балтии, в частности, о роли в этом процессе политических элит и общественной поддержки со стороны населения Литвы, Латвии и Эстонии. Хотя в официальных выступлениях балтийских лидеров на международных форумах регулярно подчеркивалось, что стремление их стран к вступлению в ЕС и НАТО стало результатом широкого национального консенсуса по этим вопросам, сейчас среди исследователей (как российских, так и балтийских) распространено мнение, что евроатлантическая интеграция являлась проектом именно политических элит стран Балтии [35; 95; 318]. Роль же широкой общественности в этом процессе была довольно скромной. Так, литовский исследователь Р. Вилпишаускас отмечает, что процесс интеграции в ЕС полностью находился в руках политических элит, главным мотивом для которых были политические вопросы, а не соображения экономической выгоды или структуры торговых связей. Различные экономические группы интересов в странах Балтии (бизнес-круги, фермеры и т. д.) не смогли быстро самоорганизоваться, чтобы лоббировать свои позиции в ходе интеграции в Евросоюз, поэтому политики получили фактически полную свободу рук в этом деле [318]. Прислушиваться к общественному мнению и инициировать общественные дебаты по проблемам вступления в ЕС они начали лишь на финальном этапе – накануне проведения национальных референдумов по данному вопросу. Другой

литовский исследователь В. Урбалис пишет, что к процессу подготовки своих стран к вступлению в НАТО политические элиты старались привлекать как можно меньше внимания и обеспечивать поддержку населения уже постфактум – на этапе, когда решения были уже приняты [312, с. 197].

Характеризуя роль балтийских элит в данном процессе, следует отметить две особенности. Во-первых, для них было характерно редкое единодушие по вопросу присоединения к евроатлантическим структурам – между политическими партиями могли быть существенные разногласия по вопросам внутренней политики, темпам и методам проведения экономических реформ, роли государства в экономике, политики в отношении национальных меньшинств и т. д., но ни одна из крупных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии не ставила под сомнение тезис, что интеграция в евроатлантические структуры является бесспорным и первоочередным приоритетом в сфере внешней политики и обеспечения национальной безопасности. Как указывает В. Воротников, в отличие от их западноевропейских коллег, для социал-демократов стран Балтии был совершенно не характерен евроскептицизм и, приходя к власти, они проводили не менее проатлантическую политику, чем представители правых партий. В этой связи, по мнению вышеназванного исследователя, примечательно, что саму идею консенсуса политических элит по вопросу вступления в ЕС и НАТО наиболее четко сформулировал лидер литовских социал-демократов А. Бразаускас – бывший коммунист, начинавший политическую карьеру еще в государственных структурах советской Литвы. Именно он сказал, что для обеспечения национальной безопасности страны нет альтернативы членству в ЕС и НАТО [35, с. 26] и первым официально заявил о стремлении Литвы вступить в эти организации.

Конечно, нельзя сказать, что противников вступления в НАТО и ЕС на политической арене стран Балтии вообще не было. Но они были представлены лишь мелкими маргинальными и внесистемными партиями, такими как «Социа-

листический народный фронт» в Литве, партии «За права человека в единой Латвии», «За родной язык» и «Партия евроскептиков» в Латвии, «Русская партия» Д. Кленского и «Партия независимости» Эстонии [35, с. 29]. Все эти партии не пользовались серьезной поддержкой граждан Литвы, Латвии и Эстонии, практически не были представлены в их парламентах и потому не оказывали практически никакого влияния на процесс принятия политических решений в этих странах. Что же касается т. н. системных партий, т. е. тех, между которыми шла реальная борьба за власть, то между ними сложился широкий и продолжительный консенсус по данному вопросу. Особенно показателен здесь пример Литвы, где ведущие политические партии регулярно заключали межпартийные соглашения о взаимопонимании по ключевым приоритетам внешней политики страны [35, с. 26; 212, с. 14].

Вторая особенность заключалась в том, что идея «возвращения на Запад» по-разному понималась элитами и обществом. Для элит это был, прежде всего, конкретный план проведения реформ с целью вступления в современные западные институты. Народные массы же воспринимали его в основном через призму исторической памяти – идеализации досоветского периода своей истории и размышлений о том, как хорошо они могли бы жить, если бы включение стран Балтии в состав СССР не прервало их самостоятельного развития в качестве суверенных европейских государств. Поэтому они хотели «вернуться» в ту Европу, из которой их изьяла советская оккупация, и не имели четкого представления о реалиях современной европейской политики и экономики [95; 173, с. 297–298]. Это создавало чрезвычайно выгодную для элит ситуацию, когда можно было, с одной стороны, не объяснять населению детали своей политики, ограничиваясь общими фразами, что она способствует достижению главной цели – «возвращению в Европу», а с другой – использовать этот лозунг для мобилизации общественной поддержки непопулярных правительственных мер по принципу цель оправдывает средства [173].

Охарактеризовать динамику общественного мнения в Литве, Латвии и Эстонии по вопросу вступления этих стран в ЕС и НАТО представляется более сложной задачей, поскольку социологические опросы на эту тему проводились нерегулярно и методика их проведения различными агентствами и исследовательскими центрами существенно отличалась. В одних случаях выборка охватывала представителей всех групп населения соответствующих стран, в других – только граждан, в третьих – наоборот, лишь представителей национальных меньшинств. Отличались и формулировки вопросов: «Поддерживаете ли Вы ЕС / НАТО вообще?»; «Поддерживаете ли Вы вступление своей страны в соответствующие организации?»; «Как бы Вы проголосовали, если бы сейчас прошел референдум о вступлении в них?» и т. д. Все это затрудняет процесс систематизации и анализа найденных данных и позволяет говорить лишь об общих тенденциях с известной долей условности. Некоторые пробелы в найденной статистической информации позволяют заполнить аналитические доклады и статьи европейских исследователей, посвященные изучению общественного мнения в странах-кандидатах по вопросам их вступления в евроатлантические структуры.

Е. Драгомир упоминает, что первые данные о поддержке населением стран Балтии идеи вступления в ЕС были получены еще в 1991 г. Тогда к этой идее положительно отнеслись 51% литовцев, 45% латышей и 37% эстонцев [173, с. 305]. Как отмечает исследовательница, в первой половине 1990-х гг. ЕС представлялся, прежде всего, как политическая гарантия безопасности от предполагаемой российской угрозы, а также в качестве гарантии экономической и социальной безопасности. Общество поддерживало вступление в ЕС, но было неспособно привести рациональные аргументы в пользу этого. Основным аргументом было эмоциональное стремление к политическому объединению с Западом. Однако уже в 1995 г. поддержка ЕС сократилась до 23% в Литве, 35% – в Латвии и 30% – в Эстонии.

В дальнейшем тенденции общественного мнения отличались неустойчивостью. Так, согласно данным, приведенным в докладе директора проекта агентства «Центральный и Восточный Евробарометр» (Central and Eastern Eurobarometer – СЕЕВ) Джорджа Каннингама, в 1996 г. за вступление в ЕС в Литве высказались 35% респондентов, в Латвии – 34%, в Эстонии – 29% [168]. В информационном докладе Европарламента № 41 «Общественное мнение о расширении в странах-членах ЕС и странах-кандидатах» анализируются данные опросов (преимущественно СЕЕВ), проведенных в 1997–1998 гг., которые также демонстрируют значительные колебания общественного мнения в странах Балтии по вопросу вступления в ЕС в течение одного года – от 6 до 11 %.

Наибольшие колебания общественного мнения наблюдались в Литве. После оглашения на саммите ЕС в Люксембурге списка кандидатов первой волны, в который Литва не вошла, количество сторонников вступления в эту организацию заметно сократилось. Однако в 1998 г. оно вновь выросло, что было обусловлено российским экономическим кризисом и твердым намерением правительства начать вступительные переговоры с ЕС. А в 1999 г. произошел очередной спад, обусловленный активизацией общественных дебатов о возможном закрытии Игналинской АЭС по требованию ЕС (80 % литовцев были против закрытия) и весьма непопулярной мерой правительства, принятой по мнению многих в угоду ЕС – отменой смертной казни [173, с. 307]. Кстати, тут следует отметить, что общественность воспринимала вступление в ЕС как «проект правительства и политической элиты». И поэтому отношение к нему во многом определялось общим отношением к политике действующего правительства, к его успехам и неудачам. При этом с середины 1990-х гг. доля сторонников вступления в ЕС в Литве в процентном отношении почти всегда превышала их долю в Латвии и Эстонии. Более подробные данные о динамике общественной поддержки идеи вступления в ЕС в странах Балтии в середине 1990-х гг. приведены в табл. 1.1.

**Т а б л и ц а 1.1. Доля респондентов, высказавшихся
за вступление своей страны в ЕС, % [168; 173; 270; 271; 331]**

Страна	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Литва	23	35	–	51
Латвия	35	34	40	47
Эстония	30	29	35	27

При этом для стран Балтии была характерна достаточно высокая доля неопределившихся по вопросу вступления. Так, в 1997 г. в Латвии она составила почти 27%, в Эстонии – 37%, в Литве – 40%. По доле респондентов, которые заявили, что не имеют достаточной информации о ЕС, Литва заняла второе место среди всех стран-кандидатов (после Болгарии) [270]. Это заставило ее правительство принять в 1998 г. стратегию информирования общественности о ЕС. В том же году с аналогичными инициативами выступили правительства Латвии и Эстонии.

По результатам опросов общественного мнения, наиболее часто в качестве мотивов для вступления в ЕС респонденты называли общий прогресс и стимулирование структурных реформ в экономике. Противники вступления чаще всего называли в качестве своих аргументов опасения потери национального суверенитета и культурной идентичности, доминирования крупных стран ЕС и неспособности бизнеса малых стран Балтии конкурировать с крупными европейскими корпорациями, а также опасения за будущее сельского хозяйства. При этом противники возражали не против самого вступления в принципе, а против его предлагаемых условий и сроков. Доля противников ЕС самой большой была в Эстонии – 1/3. В Латвии она составляла около 1/4, в Литве – 1/10 [331, с. 48]. В социальном разрезе основную группу евроскептиков в странах Балтии, как и в остальных странах-кандидатах, составляли фермеры. Более скептически к вступлению, по сравнению с другими слоями населения, также были настроены пенсионеры, безработные и домохозяйки [271].

Опросы общественного мнения по вопросам безопасности и вступления в НАТО в странах Балтии проводили уже упомянутый СЕЕВ, а также «Барометр новых демократий» (New Democracies Barometer – NDB), «Новый Балтийский барометр» (New Baltic Barometer – NBB) и «Информационное агентство Соединенных Штатов» (United States Information Agency – USIA) Общественное мнение по вопросу вступления в НАТО демонстрировало как схожие тенденции, так и некоторые отличия. К первым следует отнести высокий процент неопределившихся. Так, согласно данным опросов СЕЕВ 1995, 1996 и 1997 гг., среди прочих претендентов на вступление в НАТО страны Балтии отличались более высокой долей неопределившихся – около одной трети [331, с. 48], а в некоторые периоды в Латвии и Эстонии неопределившиеся по данному вопросу и вовсе составляли абсолютное большинство [270]. И хотя наблюдалась общая тенденция к постепенному снижению доли неопределившихся во всех трех странах и пополнению за их счет числа как сторонников, так и противников вступления, даже к началу 2000-х гг., как показал опрос NBB 2000 г., их доля оставалась порядка 22–26% в Литве и Латвии и 13–17% – в Эстонии [173, с. 306].

К отличиям же следует отнести гораздо более явные и резкие различия между мнениями представителей титульных наций и русскоязычных меньшинств. Так, согласно опросу СЕЕВ, проведенному в марте 1996 г., за вступление в Альянс высказались 78% граждан Эстонии, 71% – Латвии и 83% – Литвы. Но когда в этом же году в опрос включили всех жителей, а не только граждан этих стран, цифры упали до 32, 36 и 28% соответственно (правда, с учетом того, что в Литве еще в 1991 г. гражданство было предоставлено всем жителям, а русскоговорящее меньшинство не превышало 10 % населения, такой резкий перепад цифр в этой стране вряд ли можно объяснить лишь включением в опрос «неграждан»). Проведенный NDB в 2000 г. опрос снова продемонстрировал большие расхождения между представителями титульных наций и русскоязычных меньшинств. В Эстонии

цифры составили 70 и 17% соответственно, в Латвии – 58 и 18%, в Литве – 47 и 16% [168].

Достаточно интересны данные, полученные в ходе опроса, проведенного в марте 1998 г. во всех трех странах Балтии совместно Офисом информации и прессы НАТО и МИД Литвы, при координации литовско-британской компании Baltic Surveys Ltd. – члена международной и всемирной группы Гэллэпа. Так, когда респондентам был задан вопрос: «Поддерживаете ли Вы усилия своей страны по вступлению в НАТО?», положительно ответили на него 55% жителей Литвы, 47% – Латвии и 54% – Эстонии. Однако, когда вопрос был задан более конкретно: «Как бы Вы проголосовали, если бы сейчас проводился референдум о вступлении Вашей страны в НАТО?», доля сторонников оказалась несколько меньшей – в Литве «за» проголосовал бы лишь 51% («против» – 25%, не определились 24%), в Латвии – 37, 29 и 34% соответственно, а в Эстонии – 43, 32 и 25%. А на вопрос: «Считаете ли Вы членство в НАТО наиболее эффективным способом обеспечения безопасности вашей страны?» доля ответивших положительно оказалась еще меньшей: 30% – в Литве, 23% – в Латвии и 32% – в Эстонии [271]. Значительная часть респондентов также отметила, что членство в НАТО сопряжено с серьезными затратами и может стать тяжелым бременем для их страны. В Литве и Эстонии такого мнения придерживались 42% опрошенных, а в Латвии – 44%. В табл. 1.2 приведены результаты опроса жителей стран Балтии о предпочтении различных внешнеполитических альтернатив в качестве наилучшей гарантии безопасности своей страны.

Т а б л и ц а 1.2. Лучший способ гарантировать безопасность своей страны, по мнению респондентов стран Балтии, % (источник: [271])

Альтернатива	Литва	Латвия	Эстония
Членство в НАТО	26 (1)	15 (3)	16 (3)
Членство в ЕС	3 (3)	10 (4)	9 (4)
Членство и в ЕС, и в НАТО	23 (2)	26 (2)	30 (1)
Нейтралитет	23 (2)	29 (1)	29 (2)

Как следует из табл. 1.2, наименьшей поддержкой пользовалась идея, что для обеспечения безопасности стран Балтии достаточно лишь вступления в ЕС – даже идея нейтралитета пользовалась большей поддержкой (в Латвии сторонников нейтралитета оказалось больше, чем сторонников любой другой из предложенных четырех опций). Обеспечение безопасности страны путем вступления в НАТО получило наибольшую поддержку в Литве (1-е место). В Латвии и Эстонии этот вариант занял лишь 3-е место. Правда в Эстонии на 1-м месте по числу сторонников оказался вариант обеспечения безопасности страны путем двойного членства – и в ЕС, и в НАТО.

Говоря об основных аргументах сторонников и противников присоединения к Альянсу, стоит отметить, что, по данным все того же опроса 1998 г., во всех трех государствах наиболее распространенным мотивом в пользу вступления было названо обеспечение безопасности страны. В Литве сторонники вступления, обосновывая свою позицию, называли также доверие к НАТО как организации, в Латвии – ожидания повышения уровня жизни, в Эстонии – защиту от России и дополнительные возможности для развития собственных вооруженных сил. Противники вступления в Литве и Эстонии в основном указывали на то, что их страны к нему не готовы. Значительное число респондентов в этих двух государствах предпочитало вступлению в НАТО нейтралитет. В Латвии первое место заняли опасения ухудшения уровня жизни после вступления в Альянс, второе – мнение, что страна к этому не готова, а третье – что вступление может ухудшить отношения Латвии с Россией и Беларусью [271].

Подводя итог, отметим, что на протяжении 1990-х гг. общественное мнение по вопросам вступления в ЕС и НАТО оставалось крайне неустойчивым и претерпевало серьезные колебания под воздействием ряда объективных и субъективных факторов. При этом сторонники вступления и в одну, и в другую организацию редко составляли абсолютное боль-

шинство. Однако за счет наличия большой доли населения, которое не определилось со своей позицией по данному вопросу, противников вступления в странах Балтии всегда было гораздо меньше, чем сторонников. Потенциально эти люди могли пополнить лагерь как сторонников, так и противников евроатлантической интеграции. И это еще раз подтверждает, что ключевую роль в данном процессе играли именно политические элиты стран Балтии, а не общественное мнение.

С точки зрения раскрытия темы исследования определенный интерес также представляют вопросы трансформации политических и экономических институтов стран Балтии в ходе формирования курса на евроатлантическую интеграцию и подготовки к вступлению в ЕС и НАТО. Однако проблематика институциональных трансформаций в постсоциалистических странах чрезвычайно широка, имеет свою специфику, сложный, многоплановый характер и, являясь предметом исследования целого ряда наук (экономики, социологии, политологии и особенно транзитологии), выходит далеко за рамки данного исследования по истории международных отношений. Системный анализ этих вопросов требует проведения отдельного исследования с использованием иных методов, подходов и источников. Поэтому в рамках данной работы будут тезисно рассмотрены лишь отдельные, наиболее значимые, по мнению автора, ее аспекты.

Прежде всего следует отметить, что установить четкую взаимосвязь экономических и политических трансформаций в странах Балтии с формированием и реализацией их курса на евроатлантическую интеграцию достаточно проблематично. Как отмечает исследователь канадского университета г. Оттава И. Качановский, многие эксперты сейчас склонны полагать, что все рыночные преобразования в экономике и формирование многопартийных политических систем в постсоциалистических странах напрямую связаны с их стремлением к интеграции в евроатлантические структуры. Однако, как справедливо указывает Качановский, рыночные

преобразования и формирование многопартийных систем в большей или меньшей степени затронули все без исключения постсоциалистические переходные страны – как те, что впоследствии стали членами ЕС и НАТО, так и те, которые на сегодняшний день даже не подавали заявок на вступление в эти организации [211, с. 3–4]. Следовательно, утверждать, что все политические и экономические реформы в этих странах были обусловлены курсом на евроатлантическую интеграцию, будет преувеличением.

И все же можно выделить некоторые особенности переходных процессов, которые отличали страны Балтии от других постсоветских государств. По мнению известного российского социолога Р. Х. Симоняна, одной из главных таких особенностей был характер проведения приватизации в этих странах. Во-первых, им удалось избежать финансовых пирамид и ваучерных аукционов, характерных для приватизации в России и некоторых других странах СНГ. Поскольку многие предприятия были проданы стратегическим инвесторам, рынок ценных бумаг в странах Балтии развивался медленнее и это защитило их экономику от финансовых спекуляций. Сам процесс приватизации проводился целенаправленно и последовательно – но без форсирования темпов. Как отмечает в этой связи Симонян, в крошечной Эстонии процесс приватизации занял 7 лет, в то время как огромная Россия форсировала его за 2,5 года [95, с. 35]. Во-вторых, нехватка внутренних инвестиций была восполнена не за счет государственного кредитования в рамках инфляционной экономической модели, а путем активного привлечения иностранного, главным образом скандинавского и финского, капитала – благодаря жесткому законодательству о банкротстве (особенно в Эстонии) предприятия были поставлены перед дилеммой: поиск инвестора либо ликвидация. При этом низкорентабельные предприятия были проданы по невысоким ценам, но с жестким условием быстрых последующих инвестиций на модернизацию и реконструкцию производства. И это принесло свои резуль-

таты – уже к 1998 г. в Эстонии 82% предприятий были прибыльными [96, с. 44]. А за счет притока в бюджет средств иностранного капитала эстонское правительство смогло обеспечить финансирование социальных программ, чтобы снизить напряженность в обществе в связи с закрытием ряда нерентабельных производств. Поэтому не удивительно, что Эстония раньше других стран Балтии смогла выполнить требования ЕС по реструктуризации экономики и войти в 1997 г. в «первую волну» кандидатов, с которыми Брюссель начал переговоры о вступлении. Фактически к концу 1990-х гг. эстонская экономика уже была интегрирована в экономику Евросоюза даже без формального членства.

В Латвии и особенно в Литве ситуация отличалась – там сохранялись многие элементы государственного регулирования экономики, а при проведении приватизации активно использовались механизмы государственного кредитования внутренних инвесторов и государственной поддержки отдельных предприятий. Это несколько затормозило приток иностранных инвестиций в экономику этих стран, а следовательно, – ее реструктуризацию и интеграцию в экономику ЕС. И все же главной особенностью балтийской приватизации, отличавшей ее от приватизации в странах СНГ, стало четкое законодательное регулирование и формирование механизмов общественного контроля за приватизационными процессами. Это позволило Литве, Латвии и Эстонии если и не исключить полностью возможности коррупционных схем, то во всяком случае существенно их ограничить и в целом провести приватизацию в строго очерченном правовом поле, что обеспечило ее высокую эффективность [95, с. 36]. Таким образом, характер проведения приватизации и ее итоги (привлечение значительных инвестиций из стран ЕС) в значительной степени способствовали реализации курса стран Балтии на интеграцию в евроатлантические структуры.

В политической сфере трансформации, обусловленные курсом на евроатлантическую интеграцию, были наиболее заметны в процессе формирования доктринальных основ

внешней политики и политики безопасности стран Балтии, а также образования их национальных вооруженных сил. Так, 8 июня 1992 г. Верховный Совет Литвы принял Конституционный акт «О неприсоединении Литовской Республики к постсоветским Восточным союзам», в соответствии с которым Литва не должна была «ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств», а любая деятельность по вовлечению страны в такие союзы и содружества объявлялась враждебной. В 3-й статье данного Акта также подчеркивалось, что на территории республики не может быть никаких военных баз и воинских частей России, СНГ или входящих в него государств [212, с. 13]. Хотя в этом документе ничего не говорилось о НАТО или ЕС, фактически он юридически закреплял геополитическую переориентацию Литвы с постсоветского пространства в сторону Запада. Далее, в середине 1990-х гг. парламенты стран Балтии утверждают концепции национальной безопасности и внешней политики, в которых уже прямо говорится, что обеспечение безопасности Литвы, Латвии и Эстонии напрямую связывается с их интеграцией в евроатлантические структуры [224; 225].

Еще более четко прослеживается влияние курса на интеграцию стран Балтии в евроатлантические структуры на процесс формирования их национальных вооруженных сил. В отличие от других постсоветских республик Литва, Латвия и Эстония не стали формировать свои вооруженные силы на базе тех воинских подразделений советской армии, которые на момент распада СССР находились на их территории. Напротив, страны Балтии настояли на выводе этих войск, взятых в январе 1992 г. под юрисдикцию России, с их территории и приняли решение создавать свои вооруженные силы с нуля. При этом они сразу отказались от прежних советских военных стандартов и новые национальные вооруженные силы изначально формировались по западным

образцам с тем, чтобы впоследствии им было проще взаимодействовать с вооруженными силами стран НАТО и интегрироваться в военную структуру Альянса. С этой целью они начали закупать, а в некоторых случаях и получать в качестве безвозмездной помощи, вооружения и военную технику из Германии, Швеции и Израиля, а с 1994 г. также и из США (после отмены американского эмбарго на поставку вооружений в эти страны) [119].

Руководить вновь созданными вооруженными силами в Эстонии и Латвии были поставлены репатрианты из числа бывших офицеров западных стран. Так, пост министра обороны Эстонии в разное время занимали бывший шведский офицер Х. Ребас [43, с. 120] и отставной полковник армии США А. Эйнселн, прошедший войну в Корее и во Вьетнаме. Пост министра обороны Латвии одно время занимал Валдис Павловскис – в прошлом командир роты американских морских пехотинцев и также участник войны во Вьетнаме [119]. До открытия в 1999 г. Балтийского оборонного колледжа в Тарту для подготовки офицерского состава армий стран Балтии начиная с 1992 г. использовалась подготовка за рубежом – прежде всего, в военных училищах Финляндии и Швеции. Правда, результаты такого подхода были не одинаковы в трех странах. Как отмечает М. Штайнберг, к середине 1990-х гг. лишь Эстония начала переход на стандарты НАТО, тогда как вооруженные силы Латвии и особенно Литвы еще во многом ориентировались на прежние советские и российские системы вооружения [43, с. 121].

1.2. Региональный контекст начала реализации курса на евроатлантическую интеграцию

В годы холодной войны в Балтийском регионе сформировался особый режим в сфере безопасности, который часто называют «северным балансом» (Nordic balance) [320, с. 10]. В его основе лежало стремление северных стран избежать участия в конфронтации сверхдержав. Такая стратегия носила неформальный характер. Она опиралась на традици-

онное региональное сотрудничество этих государств, их историческую и культурную близость, а не на какие-либо международные соглашения или институты [237, с. 151]. Поэтому в каждой из пяти северных стран эта стратегия имела свои особенности, обусловленные характером их отношений с государствами двух противоборствующих блоков. Дания, Норвегия и Исландия стали членами НАТО, однако сделали при этом существенные оговорки о том, что в мирное время на их территории не могут размещаться иностранные войска и стратегическое ядерное оружие блока [150, с. 8]. Швеция и Финляндия провозгласили полный нейтралитет. Однако внешнеполитическая ориентация этих двух государств существенно различалась. Так, шведский нейтралитет был явно прозападным. Хотя эта страна формально не являлась членом НАТО, она наладила обширную сеть контактов с Альянсом. А мощная система национальной обороны, организованная по территориальному принципу, была ориентирована, в первую очередь, на отражение возможного нападения с востока (т. е. со стороны СССР и стран советского блока).

Финский нейтралитет, напротив, носил «просоветский» характер. По договору о дружбе и взаимопомощи 1948 г. между СССР и Финляндией устанавливались особые отношения, позже получившие название политики «финляндизации». Между Москвой и Хельсинки устанавливался особый механизм консультаций, который позволял СССР влиять на внешнюю политику этой страны для обеспечения собственной безопасности [310, с. 21]. В свою очередь Советский Союз отказался от вмешательства во внутреннюю политику Финляндии, в результате чего она, в отличие от стран ЦВЕ, смогла сохранить демократический строй и рыночную экономику. Таким образом, фактически оставаясь западной страной, Финляндия не могла участвовать в западных союзах, таких как ЕЭС, ЗЕС и НАТО, но могла развивать успешное экономическое сотрудничество с государствами обоих блоков, а зачастую также выступать в роли политического посредника между СССР и государствами Запада [56, с. 8].

Нейтральные страны выступали в роли своеобразного буфера между западным и советским блоками. В результате этого острота межблоковой конфронтации на севере Европы была значительно ниже, чем в других частях континента. Как отметил финский исследователь К. Моттола, в этом регионе сформировалась зона сниженной международной напряженности [237, с. 151]. Этому способствовало и его периферийное положение по отношению к основной оси межблокового противостояния, проходившей в Центральной Европе.

Таким образом, режим «северного баланса» предоставлял значительные выгоды странам региона. Во-первых, он гарантировал им относительную безопасность в годы холодной войны. Во-вторых, те из них, которые официально провозгласили полный нейтралитет, смогли выступать в роли посредников между Западом и советским блоком. Наконец, как отмечает исследователь Института Европы РАН Д. Суслов, сложившаяся в регионе международная ситуация способствовала развитию регионального сотрудничества северных государств и консолидации Североευропейского региона [104, с. 10].

Тем не менее северные страны рассматривали формирование модели «северного баланса» как вынужденную меру, обусловленную советским преобладанием в Балтийском регионе в послевоенный период. Российский исследователь Д. Тренин отмечает, что в своем многовековом стремлении закрепиться на Балтике Россия еще никогда не добивалась такого успеха, как в послевоенный период [310, с. 17]. С присоединением Балтийских республик и северной части бывшей Восточной Пруссии СССР получил большую часть восточного побережья Балтийского моря. На южном побережье находились его сателлиты – ПНР и ГДР, а на северо-востоке региона – дружественная Финляндия. Позиции западного блока в Балтийском регионе были намного слабее. Страны НАТО контролировали лишь небольшую территорию на юго-западном побережье, правда, довольно важную в стратегическом плане, поскольку здесь находятся проливы, соединя-

ющие Балтийское и Северное моря и открывающие выход к Атлантике.

О том, что залогом сохранения «северного баланса» было советское преобладание на Балтике, со всей очевидностью свидетельствует та поспешность, с которой страны региона от него отказались после распада СССР. Первыми признаками крушения этой системы стали объединение Германии в 1990 г. и распад Организации Варшавского договора в 1991 г. В результате этих событий Советский Союз лишился двух своих главных союзников в регионе – ГДР и Польши. Но окончательный демонтаж «северного баланса» произошел лишь после провала путча в Москве в августе 1991 г., когда стало очевидно, что центральное правительство СССР уже не может контролировать ситуацию. Первым его этапом стало официальное признание независимости Балтийских республик в сентябре 1991 г., вторым – пересмотр нейтральными странами региона своей прежней политики.

Так, уже осенью 1991 г. правительство Финляндии выступило с инициативой пересмотра советско-финского договора 1948 г. В ходе двусторонних переговоров с СССР оно настаивало на отмене всех его положений, закреплявших особый статус советско-финских отношений и ограничивавших суверенитет Финляндии. Советское правительство пошло на уступки, однако обновленный договор так и не был подписан из-за распада СССР. Новый договор об основах двусторонних отношений был подписан в январе 1992 г. уже с правительством Российской Федерации. Он не содержал никаких дополнительных двусторонних обязательств в сфере безопасности, помимо тех, которые были предусмотрены общими европейскими конвенциями в этой сфере [320, с. 15]. Таким образом, с политикой «финляндизации» было покончено. И хотя в 1992 г. правительство Финляндии заявило о том, что страна продолжит курс на самостоятельную оборону и военное неприсоединение, уже в докладе парламенту по проблемам безопасности в 1995 г. понятие «нейтралитет» не употреблялось [53, с. 71].

Одновременно с Финляндией свою политику нейтралитета пересмотрела и Швеция. В мае 1992 г. парламент этой страны принял решение о сохранении нейтралитета страны лишь в случае войны [320, с. 13]. В мирное время она получала право развивать политическое и военное сотрудничество с другими государствами и международными организациями. Кроме того, обе страны подали заявки на вступление в ЕЭС (Швеция – в 1991 г., а Финляндия – в 1992 г.), что означало упразднение такого важного элемента их прежнего нейтрального статуса, как неучастие в союзах Запада. С этого времени правительства обеих стран, в особенности Финляндии, заявляют о возможности различных «опций» в сфере обеспечения национальной безопасности, не исключая и возможность вступления в НАТО [53, с. 71].

Таким образом, в 1992 г. распад системы «северного баланса» был завершен. Единственной страной, которая стремилась его предотвратить, стала Российская Федерация. Являясь правопреемницей Советского Союза, она, однако, уже не обладала такими политическими ресурсами, которые имелись у СССР. Так, предпринятая в начале 1990-х гг. попытка перенести принципы старой политики «финляндизации» на отношения с восстановившимися независимость республиками Балтии потерпела полный крах. Прибалтийские политические элиты взяли строгий курс на интеграцию своих стран в западное сообщество и отвергли всякую возможность особых отношений с Россией. Принцип неучастия в союзах, образованных на постсоветском пространстве, был даже закреплен в конституциях этих государств [151].

С окончанием эпохи советского преобладания на Балтике начался период неопределенности. Было ясно, что вакуум безопасности, образовавшийся после распада режима «северного баланса», должен быть заполнен. Однако вопрос о том, какая сила займет ведущие позиции в новой системе безопасности региона, оставался открытым на протяжении нескольких лет. В начале 1990-х гг. наиболее вероятным претендентом на эту роль представлялась СБСЕ (ОБСЕ). За

первенство этой организации в вопросах поддержания безопасности в регионе Балтийского моря прямо или косвенно высказывались Россия, Финляндия и Швеция. Однако против этого выступили страны Балтии и Польша. Эти государства придерживались в своей политике четкой проатлантической линии, выступая за усиление американского политического влияния как в Балтийском регионе, так и в Европе в целом. Исходя из этого, они отдавали предпочтение не ОБСЕ, а НАТО как главному институту трансатлантического партнерства. Они также аргументировали свою позицию тем, что возможности ОБСЕ в решении международных проблем крайне ограничены, когда требуется быстрая реакция на изменяющуюся ситуацию или применение силы, чтобы предотвратить эскалацию конфликта [320, с. 20]. В качестве примера при этом приводилась неспособность этой организации урегулировать кризис в бывшей Югославии.

В рассматриваемый период Москва пыталась закрепить за странами Балтии статус постсоветских государств и удержать их в орбите своего политического влияния. Потеря контроля над Прибалтикой рассматривалась в России как крупнейшее геополитическое поражение и крах многовековой политики «прорубания окна в Европу» через Балтику, начатой еще Петром I [57, с. 2]. Поэтому руководство страны всеми силами стремилось сохранить свое влияние на страны Балтии, а позже, когда стало понятно, что это сделать не удастся, по крайней мере, гарантировать их нейтралитет.

Однако у России не было четкой стратегии по сохранению своего влияния в Прибалтике. Предпринимаемые ей в этом направлении политические шаги носили непоследовательный характер и способствовали обострению отношений со странами Балтии. Конфронтация с Россией, несомненно, стала одним из главных факторов, побудивших руководство Литвы, Латвии и Эстонии форсировать процесс интеграции своих стран в западное сообщество. При этом явный приоритет отдавался первоочередной интеграции в НАТО, что было обусловлено двумя факторами. Во-первых, Северо-

атлантический альянс рассматривался в этих странах как единственная эффективная международная структура в пост-биполярном мире, которая может дать своим членам реальные гарантии безопасности. Во-вторых, бесспорным лидером НАТО были и остаются США, единственная мировая сверхдержава. Получить гарантии безопасности именно от нее для Балтийских стран было чрезвычайно важно по геополитическим соображениям. Как отмечает американский дипломат и эксперт по международным отношениям в Балтийском регионе К. Смит, этим государствам присущ комплекс малых стран, окруженных более сильными соседями [290, с. 13].

На протяжении почти всей своей истории земли Прибалтики, так же как и Польши, были объектом политического соперничества двух региональных гегемонов – России и Германии. Поэтому представляется вполне логичным, что с обретением независимости эти страны попытались уравновесить их влияние с помощью третьей, внешней по отношению к региону, силы. В межвоенный период в качестве такого противовеса были выбраны страны Западной Европы, прежде всего Великобритания и Франция. Однако опора на эти государства не смогла гарантировать Литве, Латвии и Эстонии сохранение суверенитета в годы Второй мировой войны и после ее окончания. Поэтому, восстановив независимость в 1991 г., они избрали в качестве магистрального направления своей политики однозначную ориентацию на США как главного гаранта своего суверенитета [3, с. 13]. По мнению некоторых европейских экспертов, ориентация на США в сфере безопасности чрезвычайно выгодна малым странам Балтийского региона, поскольку позволяет им получить гарантии безопасности от мировой сверхдержавы, не рискуя при этом попасть в поле ее тотального геополитического контроля в силу ее географической удаленности [196, с. 177].

Атлантические устремления посткоммунистических стран региона были поддержаны североевропейскими чле-

нами НАТО, особенно Данией, которая в новой международной ситуации рассматривала членство в этой организации как важный стратегический ресурс усиления собственного влияния в регионе. Таким образом, позиции Североатлантического альянса в Балтийском регионе неуклонно крепились. И во второй половине 1990-х гг. уже мало у кого оставались сомнения, что именно НАТО станет основным элементом новой системы безопасности региона.

Изменилось и отношение северных государств к европейской интеграции. История отношений ЕЭС и северных стран насчитывает несколько десятилетий. В отличие от переходных государств региона, уровень их экономического и социально-политического развития был выше средневропейского, и по своим экономическим показателям они значительно опережали некоторых членов этой организации. Таким образом, северные государства полностью соответствовали критериям, предъявляемым для вступления в ЕЭС. Однако к началу 1990-х гг. лишь одно из них (Дания) являлось членом этой организации и участвовало в подписании Маастрихтского договора о создании ЕС. Такая ситуация объяснялась, прежде всего, тремя причинами: многолетним соперничеством между двумя интеграционными группировками в Европе (ЕЭС и ЕАСТ), нежеланием Швеции и Финляндии вступать в западные союзы в условиях биполярного противостояния в Европе и развитием северного регионализма.

Еще в первое послевоенное десятилетие, когда зарождался европейский интеграционный проект, в северных странах появились планы региональной интеграции. Так, в 1948–1949 гг. по инициативе Швеции велись переговоры о создании Скандинавского оборонного союза. Однако в силу неблагоприятных внутри- и внешнеполитических обстоятельств они не увенчались успехом [221, с. 236]. После вступления Дании, Норвегии и Исландии в НАТО и провозглашения нейтралитета Финляндии и Швеции возможности сотрудничества этих стран в военной и внешнеполитической сферах практически сошли на нет. Однако в других областях

перспективы развития регионального сотрудничества по-прежнему оставались довольно высоки. Так, в 1952 г. был создан Северный совет, который стал форумом для межпарламентского взаимодействия северных государств. На его заседаниях обсуждались вопросы социальной политики, унификации законодательства, развития культурных контактов и охраны окружающей среды [237, с. 159]. В том же году северные страны заключили паспортный союз, а в 1954 г. образовали общий рынок труда. Следующим шагом стало создание в 1971 г. Совета министров северных государств, означавшее выход регионального сотрудничества на межправительственный уровень.

Таким образом, в начале послевоенного периода существовала большая вероятность формирования самостоятельного интеграционного центра на севере Европы. Однако этому воспрепятствовали как сложная международная обстановка, связанная с началом блокового противостояния на европейском континенте, так и нежелание некоторых из северных стран поступиться хотя бы частью своего суверенитета. Последний фактор определил и сам характер их сотрудничества. Оно развивалось по пути неформальных консультаций и создания межпарламентских и межправительственных форумов для обмена мнениями (Северный совет и Совет министров северных стран). Государства региона избегали формирования структур с наднациональными полномочиями и принятия строгих интеграционных обязательств. Их совместные действия на международной арене или по унификации законодательства, как правило, базировались на неформальных договоренностях, а не международных соглашениях. Таким образом, несмотря на существенные достижения, возможности северного сотрудничества были довольно ограниченными.

Нежелание северных стран поступиться частью своего суверенитета повлияло и на их отношение к европейской интеграции. На рубеже 1950–1960-х гг. они предпочли членству в ЕЭС присоединение к ЕАСТ. Причина такого выбора

заклучалась не только в их традиционно тесных экономических связях с Великобританией, но и в том, что сотрудничество в ЕАСТ целиком сводилось к экономическим вопросам, в то время как в ЕЭС изначально присутствовали политические проекты будущего развития. Существует мнение, что ЕАСТ стала альтернативой для тех государств, которые разделяли британский скептицизм по поводу углубления европейской интеграции [174, с. 5]. Тем не менее в 1960 г. Дания, вслед за Великобританией, подала заявку на вступление в ЕЭС, а в 1961 г. их примеру последовала Норвегия. Однако эта попытка не увенчалась успехом из-за противодействия Франции, наложившей вето на дальнейшие переговоры с этими тремя странами. Их следующую попытку вступить в эту организацию в 1967 г. постигла та же участь. Получив отказ во второй раз, Дания выступила в 1970 г. с инициативой создания общего рынка северных стран (NORDEK). Но отказ Финляндии участвовать в этом проекте, а также изменение международной ситуации в Европе положили конец этим планам. После ухода Шарля де Голля с поста президента Франции эта страна изменила свое мнение по вопросу принятия в ЕЭС государств ЕАСТ. В итоге в 1973 г. Великобритания, Ирландия и Дания стали членами Европейских сообществ. Одновременно с ними заявку на вступление подала и Норвегия, но на проведенном в этой стране референдуме большинство населения высказалось против вступления. Финляндия и Швеция в указанный период вообще не подавали заявок на вступление, считая членство в ЕЭС несовместимым со своим нейтральным статусом [174, с. 7]. Таким образом, вплоть до расширения 1995 г. Дания оставалась единственной северной страной в составе ЕЭС/ЕС и одним из двух его балтийских членов (наряду с ФРГ). Но даже она проявляла высокий уровень евроскептицизма. Вступив в ЕЭС, Дания стала одним из наиболее последовательных противников углубления европейской интеграции, что проявилось в ходе ратификации Маастрихтского договора в 1992 г.

На рубеже 1980–1990-х гг. ситуация начинает меняться. Традиционная политика нейтралитета и неучастия в европейской интеграции, которая в годы холодной войны была весьма успешной, предоставляя северным странам определенное поле для маневра, в новых условиях стала неэффективной, угрожая обернуться маргинализацией этих государств и превращением их в европейскую периферию. К этому времени идеи традиционного северного регионализма во многом себя исчерпали и им на смену пришли геополитические концепции Нового Севера и Балтийского региона. Главная идея и той, и другой состояла в том, чтобы, используя возможности новой геополитической ситуации, примкнуть к европейской интеграции, но не в качестве периферии, а в роли нового интеграционного центра. Предполагалось, что северные страны выступят в роли ретрансляторов европейских ценностей и моделей развития в переходные страны Балтийского региона и увеличат таким образом свой политический вес в Европе [29, с. 49].

Отдельно следует выделить позицию Дании, которая на рубеже 1980–1990-х гг. активно претендовала на роль посредника и связующего звена в отношениях между Европейским сообществом и северными странами, а позже – между ЕС и Балтийским регионом. Эта страна отстаивала точку зрения, согласно которой дальнейшее развитие регионального сотрудничества северных государств возможно лишь в рамках ЕС. Датский министр иностранных дел У. Эллеманн-Йенсен настойчиво убеждал правительства и общественность остальных северных стран в необходимости вступления в Евросоюз. Такая политика Дании объяснялась амбициозными планами формирования внутри ЕС северного блока, который был бы способен лоббировать региональные интересы в европейских структурах [238, с. 88]. Претендуя на роль регионального лидера, Дания также оказывала активную поддержку Балтийским республикам в их стремлении к самостоятельности. Она вела дипломатическую работу, направленную на скорейшее признание странами ЕС неза-

висимости Литвы, Латвии и Эстонии. Дания открыто осудила силовые акции СССР в Риге и Вильнюсе в январе 1991 г. и одной из первых признала независимость Литвы [238, с. 89].

Примеру Дании вскоре последовали и остальные северные государства. В итоге они значительно опередили остальные страны Европы в развитии отношений с Балтийскими республиками. В конце 1989 г. еще до официального признания их независимости Президиум Северного совета направил в Литву, Латвию и Эстонию делегации для подробного изучения внутривнутриполитической ситуации в этих республиках. Еще одна делегация этой организации была направлена в их столицы в ноябре 1990 г. В декабре того же года при участии министров иностранных дел северных государств состоялось открытие Прибалтийского информационного центра. А в марте 1991 г. Президиум Северного совета пригласил глав правительств Литвы, Латвии и Эстонии выступить на своем заседании в Копенгагене. В начале 1991 г. по инициативе финского парламента была созвана первая балтийская конференция по межпарламентскому сотрудничеству. Кроме того, в начале 1990-х гг. Северный совет серьезно рассматривал возможность подключения Балтийских республик к региональному сотрудничеству северных стран, вплоть до их принятия в эту организацию [163, с. 3–9]. Хотя эти планы так и не были реализованы, они заложили основу дальнейшего прибалтийско-скандинавского сближения, которое впоследствии сыграло существенную роль в деле интеграции всего Балтийского региона в ЕС.

Исчезновение в начале 1990-х гг. такого сдерживающего фактора, как блоковое противостояние в Европе, а также экономические трудности, с которыми столкнулись государства ЕАСТ в условиях углубления европейской интеграции и трансформации ЕЭС в ЕС, побудили их пересмотреть свои отношения с этой структурой. В 1992 г. они заключили с ЕС соглашение о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП), по которому страны ЕАСТ становились частью его внутреннего рынка [174, с. 7]. Вскоре после этого

четыре государства ЕАСТ (Австрия, Финляндия, Швеция и Норвегия) начали переговоры о вступлении в ЕС. В 1994 г. переговоры были завершены. В том же году эти четыре страны провели референдумы по вопросу о вступлении в ЕС. В трех из них на референдуме был получен положительный ответ и с 1 января 1995 г. они стали полноправными членами этой организации. В Норвегии население проголосовало против, и ее отношения с Евросоюзом до сих пор регламентируются соглашением о ЕЭП.

Говоря о роли Евросоюза в Балтийском регионе, необходимо также остановиться на его участии в образовании и деятельности ведущей региональной организации – Совета государств Балтийского моря (СГБМ). Эта структура была создана в марте 1992 г. на конференции в Копенгагене, созванной по инициативе министров иностранных дел ФРГ и Дании – Х.-Д. Геншера и У. Эллеманн-Йенсена. Основателями организации стали 9 государств, расположенных вокруг Балтийского моря, а также Норвегия и Комиссия ЕЭС (с 1993 г. – ЕС), представленная на уровне комиссара по внешней политике. В мае 1995 г. к СГБМ также присоединилась Исландия. В рамках этой организации были созданы рабочие группы по демократическим институтам и правам человека, по экономическому сотрудничеству и по ядерной безопасности. Кроме того, СГБМ является зонтичной организацией, под эгидой которой действуют такие структуры, как Парламентская конференция Балтийского моря, Конференция по субрегиональному сотрудничеству, Союз балтийских городов, Ассоциация торговых палат, Консультативный совет деловых кругов Балтийских стран и др.

Чтобы понять характер взаимодействия ЕС с СГБМ, необходимо уяснить саму природу этой организации. Ключевое значение для ее понимания имеют особенности балтийского регионального сотрудничества, в основе которого лежат принципы инициативы «снизу» и формирования неинституционализированных трансграничных сетей. Такой сценарий развития сотрудничества явно не способствовал обра-

зованию сильных наднациональных структур с четкими механизмами принятия и выполнения решений. И создание СГБМ еще раз это подтвердило. Как отмечают немецкие эксперты С. Гэнцле и Г. Хубель, целью его инициаторов было «создать зонтичную организацию для сотрудничества, которое уже развивается в Балтийском регионе» [185, с. 393]. Сам акт об учреждении СГБМ представлял собой межправительственную декларацию, а не международный документ, требующий ратификации парламентов стран-участниц [185, с. 393]. В документе, определяющем мандат новой организации, в этой связи подчеркивалось, что «этот новый Совет не следует рассматривать в качестве новой формализованной институциональной структуры ... Скорее сотрудничество между соответствующими странами должно носить традиционный межправительственный характер» [296]. А в Копенгагенской декларации о создании СГБМ отмечалось, что организация «будет служить в качестве общего регионального форума, в центре внимания которого будут нужды усиления сотрудничества и координации между странами Балтийского региона» [164].

Таким образом, основной акцент в деятельности СГБМ был изначально сделан на неформальное сотрудничество и обмен мнениями. Организация была лишена возможности нормативного регулирования процессов регионального сотрудничества и формирования его международно-правовой базы. Все это не позволяет говорить о СГБМ как о самостоятельном игроке на международной арене, способном быть равноправным партнером ЕС. Учитывая тот факт, что в 1990-е гг. большинство членов СГБМ либо уже являлись членами Евросоюза, либо рассматривали вступление в него в качестве приоритетной задачи своей внешней политики, гораздо более важной, чем региональная интеграция, его скорее можно рассматривать как организацию-спутник ЕС, зачастую выполнявшую роль инструмента его внешней политики [252, с. 7]. Этим, вероятнее всего, объясняется и неудача попыток Республики Беларусь присоединиться к деятель-

ности СГБМ в условиях ухудшения отношений с Евросоюзом в конце 1990 – начале 2000-х гг.

Несмотря на то что Европейская комиссия была представлена в СГБМ с момента его основания, наблюдатели характеризовали ее участие в работе этой организации вплоть до начала программы «Северного измерения» как «достаточно пассивное» [328]. Такую ситуацию можно объяснить двумя причинами. Первая из них заключалась в том, что вплоть до 4-го расширения Евросоюза в 1995 г. в его внешней политике доминировал средиземноморский вектор. Активизация балтийской политики ЕС вызывала протесты со стороны его наиболее бедных на тот момент южных членов, которые опасались конкуренции за распределение финансовой помощи из европейского бюджета со стороны еще более бедных постсоциалистических стран Балтийского региона [109]. Вторая причина была связана с серьезными сомнениями относительно будущего СГБМ в первые годы его существования, которые были обусловлены сильными противоречиями внутри этой организации [185, с. 405]. Источником этих противоречий стали серьезные трения между Россией и Балтийскими странами по вопросам вывода с их территории российских войск и предоставления гражданских прав русскоязычному населению последних. Таким образом, вплоть до расширения 1995 г. участие Еврокомиссии в работе этой организации носило формальный характер.

1.3. Развитие отношений ЕС и НАТО со странами Балтии до получения ими статуса кандидатов на вступление

Начало 1990-х гг. стало периодом налаживания связей между ЕС и странами Балтии. Этот этап включал две стадии. На первой из них между Евросоюзом и этими государствами устанавливались дипломатические и торговые отношения, заключались соглашения о торговле и сотрудничестве. На второй стадии подписывались Европейские соглашения, устанавливавшие их ассоциацию с ЕС. Следует отметить,

что в тот период эти соглашения не рассматривались Брюсселем в качестве первого шага на пути подготовки переходных стран ЦВЕ и Балтии к вступлению в Союз. Скорее они были задуманы как альтернатива предоставлению им членства в ЕС [135, с. 28].

В это время страны ЦВЕ только вступили на путь экономических и политических реформ, в связи с чем среди них еще сложно было выделить лидеров и отстающих. Поэтому в развитии отношений с государствами данного региона ЕС в тот период в большей степени исходил из геополитических соображений. Приоритетными партнерами Евросоюза стали более крупные центральноевропейские государства, расположенные в непосредственной близости от его границ – Польша, Венгрия и Чехословакия. Польша стала первой из переходных стран региона, установившей официальные отношения с ЕС. Это произошло в сентябре 1988 г. А через год, в сентябре 1989 г. с ней было заключено Соглашение о торговле и сотрудничестве. Это было непреференциальное соглашение, предусматривавшее введение на обоюдной основе режима наибольшего благоприятствования в торговле и постепенную отмену к 1994 г. количественных ограничений на импорт из Польши в страны Общего рынка [160, с. 10–11]. Кроме того, Польша первой из переходных стран региона подписала Европейское соглашение с ЕС, которое устанавливало между ними отношения ассоциации. Соглашение было подписано 16 декабря 1991 г. и вступило в силу 1 февраля 1994 г., хотя его положения, касающиеся торговли, начали действовать с 1 марта 1992 г. в соответствии с предварительной договоренностью.

Началом официальных отношений между ЕС и тремя Балтийскими государствами считается дата 27 августа 1991 г. В этот день страны Евросоюза признали независимость Литвы, Латвии и Эстонии (хотя некоторые его члены сделали это еще раньше – сразу после провала в Москве путча ГКЧП), а затем в течение нескольких дней установили с ними дипломатические отношения. Первоначально эти страны рассмат-

ривались ЕС как часть постсоветского пространства. Как и на другие республики бывшего СССР, на них было распространено действие программы технической помощи ТАСИС. Однако вскоре восприятие этих государств изменилось. Этому способствовала полная переориентация их политики в сторону Запада, а также заявления балтийских лидеров, что их страны восстанавливают государственность, которую они имели в межвоенный период, а не строят ее с нуля, как другие постсоветские республики. Последний факт, безусловно, сближал их со странами ЦВЕ, которые также обрели свою независимость после Первой мировой войны и попали под советский контроль после Второй. В итоге уже с 1 января 1992 г. на государства Балтии было распространено действие программы ФАРЕ [166], что фактически означало их перевод из группы постсоветских стран в разряд государств ЦВЕ. В 1990–1993 гг. ЕС выделил в рамках программы ФАРЕ 1,5 млрд экю на поддержку стран Балтии и Польши. В то же время в рамках программы ТАСИС на поддержку проектов в пределах Балтийского региона было выделено всего 78 млн экю [251]. Из них 15 млн получили Балтийские республики в 1991 г. [295]. Остальная сумма предназначалась для северо-западных регионов России.

Такие огромные различия в финансировании этих двух программ наводят на мысль, что, несмотря на внешнюю схожесть их задач (поддержка посткоммунистических государств на этапе перехода к рынку и демократии), Евросоюз преследовал в ходе каждой из них совершенно разные цели. Главная цель программы ФАРЕ определялась как помощь переходным странам ЦВЕ (изначально – Польше и Венгрии) в реструктуризации экономики. Программа охватывала практически все ее сферы: сельское хозяйство, промышленность, энергетику, образование, торговлю, сферу услуг и даже защиту окружающей среды [167]. При этом основное внимание уделялось развитию частного сектора. Целью программы ТАСИС стало оказание технической помощи для поддержки переходного процесса в постсоветских странах и Монголии.

При этом каждое государство могло получать помощь не более чем по трем направлениям из тех, что были перечислены в списке сфер финансирования программы [253], т. е. ТАСИС не предусматривала крупномасштабной финансовой помощи на реструктуризацию экономики этих стран. Таким образом, можно прийти к выводу, что уже в начале 1990-х гг., когда вопрос о восточном расширении ЕС еще не стоял, деление посткоммунистических государств на сферы ответственности ФАРЕ и ТАСИС фактически наметило новые геополитические границы Европы.

ЕС также развивал торгово-экономические отношения со странами Балтии. 11 мая 1992 г. с Литвой, Латвией и Эстонией были подписаны Соглашения о торговле и сотрудничестве, вступившие в силу в 1993 г., а 18 июля 1994 г. с ними были заключены Соглашения о свободной торговле, которые регулировали торговые отношения между Балтийскими странами и Евросоюзом вплоть до ратификации Европейских соглашений, подписанных с ними в феврале 1995 г. Соглашения о свободной торговле регулировали вопросы платежей, конкуренции и сближения законодательства. Однако их действие не распространялось на продукцию некоторых отраслей (сельскохозяйственной, рыбной, текстильной), в отношении которых вводились особые правила и сохранялись пошлины [157, с. 11; 158, с. 11; 159, с. 11].

Стремление стран Балтии, как и других государств ЦВЕ, добиться полного членства в ЕС, которое, наряду с получением членства в НАТО, стало их главным внешнеполитическим приоритетом, обусловило формирование восточной интеграционной политики Евросоюза. Начало этого процесса связывается с двумя саммитами Европейского совета – в Копенгагене (июнь 1993 г.) и Эссене (декабрь 1994 г.). На первом из них были приняты политические критерии для вступления ассоциированных стран (т. н. копенгагенские критерии). Таким образом, Евросоюз впервые дал официальное обещание принять в свои ряды переходные государства ЦВЕ

[1, с. 5]. На саммите в Эссене были сформулированы принципы для определения кандидатов на вступление среди этих стран, получившие название Эссенской стратегии. Ее ключевыми инструментами стали Европейские соглашения, программа ФАРЕ, структурированный диалог и Белая книга [38, с. 54–55].

С этого времени дебаты в Евросоюзе шли уже не о том, будет ли восточное расширение, а о том, когда оно состоится и какие из стран-кандидатов войдут в него первыми. По этим вопросам позиции государств-членов ЕС существенно расходились. Так, Германия, которая являлась главным инициатором восточного расширения, руководствуясь геополитическими соображениями, отдавала явное предпочтение первоочередной интеграции Польши и других центральноевропейских государств Вышеградской группы. В отношении стран Балтии позиция ФРГ была неоднозначной. Несмотря на то что Г.-Д. Геншер, занимавший пост министра иностранных дел в правительстве Г. Коля, заявил, что Германия является главным «адвокатом» Балтийских стран в деле их присоединения к европейским и евроатлантическим структурам, эти заявления не были подкреплены реальными политическими шагами со стороны ФРГ [143, с. 20]. Такая же ситуация сохранялась и при приемнике Геншера – К. Кинкеле [45, с. 1]. Поэтому благодаря германской поддержке в период между Копенгагенским и Эссенским саммитами, одной из первых среди стран региона была признана в качестве кандидата на вступление Польша. Ее заявка на членство была подана в апреле 1994 г. и принята в том же месяце [135, с. 28]. Что касается стран Балтии, главными сторонниками их интеграции в Евросоюз стали северные государства – сначала Дания, а после расширения 1995 г. также Швеция и Финляндия [39, с. 2].

Таким образом, в период с 1988 по 1991 г. были установлены дипломатические отношения с переходными странами ЦВЕ. В 1989–1992 гг. с ними подписываются так называемые соглашения «первого поколения» – о торговле и сотрудни-

честве [38, с. 53], а в 1991–1995 гг. – Европейские соглашения. При этом в развитии договорно-правовой базы отношений с ЕС сохранялся разрыв между центральноевропейскими и Балтийскими странами. Фактически соглашения, заключенные с Литвой, Латвией и Эстонией, повторяли аналогичные соглашения с государствами Центральной Европы, заключенные 3–4 годами ранее. Исключением в этом плане стали Соглашения о свободной торговле, которые Евросоюз заключил только с государствами Балтии. Причиной тому послужил тот факт, что еще в начале 1990-х гг. с ними заключили аналогичные соглашения Финляндия и Швеция, которые с 1 января 1995 г. вступали в ЕС. Соответственно, они должны были расторгнуть эти соглашения, так как европейские нормы запрещают отдельным членам Сообщества вступать в преференциальные отношения с третьими странами. Но был и другой путь – распространить действие этих соглашений на все страны ЕС, сделав их частью общей договорной базы. И то, что в итоге Швеции и Финляндии удалось пролоббировать в европейских структурах именно этот вариант, красноречиво свидетельствует об их решимости оказывать поддержку странам Балтии в деле их интеграции в ЕС [135, с. 28].

Вообще, четвертое расширение 1995 г. оказало очень важное влияние на активизацию процесса интеграции государств Балтии в Евросоюз. В результате этого расширения новыми членами ЕС стали три государства, ранее входившие в состав ЕАСТ, – Австрия, Финляндия и Швеция. Поскольку два из них находятся в Северной Европе, это расширение часто называют северным. По своему социально-экономическому развитию эти страны не уступали большинству старых членов ЕС, поэтому их принятие не привело к существенным финансовым издержкам Союза. В отличие от переходных стран ЦВЕ, главным препятствием на пути интеграции Швеции и Финляндии в ЕС долгое время оставалось их собственное нежелание присоединиться к этой организации и поступиться частью своего суверенитета.

Вступив в ЕС, эти два государства заняли различную позицию в отношении дальнейшего углубления европейской интеграции. Так, Финляндия стремилась примкнуть к интеграционному ядру Союза и активно участвовать во всех сферах интеграции, включая валютный союз, ОВПБ и ЕПБО. Швеция, наоборот, весьма скептически относилась к углублению европейской интеграции, особенно в политической сфере. Она стремилась сохранить как можно большую самостоятельность внутри ЕС, не вошла в валютный союз и весьма настороженно отнеслась к ЕПБО, расценивая ее как попытку федерализации Европы. В этом плане шведская позиция была близка к датской. Однако, в отличие от Дании, Швеция, вступая в ЕС, не потребовала от Брюсселя особых оговорок и исключений.

С геополитической точки зрения вступление в ЕС Швеции и Финляндии имело очень важное значение. Число его членов, имеющих выход к Балтийскому морю, возросло вдвое (с двух до четырех) и большая часть Балтийского региона оказалась внутри границ Союза. Таким образом, вполне закономерно, что после четвертого расширения существенно возросла вовлеченность ЕС в дела региона и наметилась активизация его балтийской политики. Хотя надежды Дании на формирование внутри ЕС единого блока северных государств не оправдались из-за наличия между ними внутренних разногласий по ряду существенных вопросов, северное расширение привело к изменению внешнеполитических приоритетов Брюсселя. В своих отношениях с переходными странами ЦВЕ Евросоюз не мог игнорировать наличие у его новых членов достаточно обширных и динамично развивающихся связей с Литвой, Латвией и Эстонией [135, с. 28].

Швеция и Финляндия также поспешили использовать новый статус членов ЕС, чтобы повысить свой политический авторитет в регионе, выступив в роли активных посредников между Евросоюзом и переходными государствами Балтии. Совместно с Данией они оказали наибольшую помощь Эстонии, Латвии и Литве в подготовке к вступлению в ЕС

и лоббировали их кандидатуры на саммитах Союза. В значительной степени это объясняет тот факт, что в качестве кандидатов на членство в ЕС страны Балтии стали рассматриваться уже после северного расширения. В июне 1995 г. с ними были подписаны Европейские соглашения, а официальные заявки на вступление они подали в конце года.

Четвертое расширение ЕС также способствовало развитию его сотрудничества с СГБМ. 21 февраля 1995 г. в Брюсселе состоялась встреча представителей «тройки» СГБМ и Европейской комиссии, на которой обсуждались вопросы расширения деятельности программ Евросоюза в Балтийском регионе [120]. Поворотным пунктом в отношениях двух организаций считается саммит СГБМ в Висби, организованный в период председательства Швеции (1995–1996 гг.) [185, с. 405]. С момента своего вступления в Евросоюз эта страна стремилась активизировать его балтийскую политику. Именно она выступила инициатором принятия Балтийской региональной инициативы ЕС, проект которой был представлен на саммите в Висби. С помощью этой программы она стремилась усилить роль СГБМ в развитии регионального сотрудничества.

В программном документе Инициативы отмечалось, что деятельность СГБМ и ЕС в Балтийском регионе носит взаимодополняющий характер. Большинство предложений в этой сфере касалось развития взаимодействия в области экономики и в связи с этим усиления роли Рабочей группы СГБМ по экономическому сотрудничеству. Предлагалось также усовершенствовать механизмы мониторинга проблем регионального развития с целью улучшения координации между проектами и программами, в финансировании которых принимает участие Евросоюз [296]. В 1996–1997 гг. Еврокомиссия председательствовала в Рабочей группе по экономическому сотрудничеству [72], что можно считать еще одним подтверждением особого интереса ЕС к ее деятельности и признания роли СГБМ в целом в развитии экономического сотрудничества в регионе. Поскольку в ЕС программа была

инициирована Швецией, в тексте документа говорилось о ее тесной связи с другой шведской инициативой в Балтийском регионе – Хартией Висби, принятой в рамках шведского председательства в СГБМ и направленной на развитие в регионе экономического и экологического сотрудничества [300].

Новые члены Евросоюза проявили инициативу и в разработке комплексной стратегии в его балтийской политике. Вслед за Швецией, выдвинувшей в 1996 г. проект Балтийской региональной инициативы, Финляндия уже в следующем году выступила с еще более амбициозным проектом «Северного измерения», которое стало частью общей внешней политики Евросоюза. Суть обеих инициатив сводилась к тому, что дальнейшее развитие не только северного, но и балтийского сотрудничества должно происходить под эгидой европейской интеграции.

Следует подчеркнуть, что интеграционная стратегия ЕС в отношении переходных государств Балтии включала два взаимодополняющих измерения. С одной стороны, она являлась частью общей стратегии восточного расширения Евросоюза и в целом развивалась по тем же правилам и прошла те же стадии, что и стратегия в отношении других кандидатов из числа переходных государств ЦВЕ. С другой стороны, она имела некоторые дополнительные характеристики, связанные с особенностями балтийской политики ЕС. Таким образом, чтобы получить ее целостную картину, необходимо проанализировать параллельное развитие обоих этих изменений и выявить наиболее существенные взаимосвязи между ними.

Формирование восточной интеграционной политики ЕС совпало по времени с формированием его политики в отношении Балтийского региона. Фактически эти два политических вектора развивались параллельно и зачастую дополняли друг друга. Так, еще в октябре 1994 г., т. е. накануне принятия Эссенской стратегии, ЕС в послании Еврокомиссии «Координация подхода Евросоюза к Балтийскому региону» впервые признал важность развития балтийского век-

тора своей политики. А после вступления в Союз Швеции и Финляндии в январе 1995 г. обсуждение европейских инициатив в Балтийском регионе происходило в основном на тех же саммитах, где обсуждались вопросы, связанные с восточным расширением.

Первым из них стал саммит ЕС в Каннах (май 1995 г.). На нем была утверждена Белая книга, выполнявшая роль вспомогательного средства по правовой адаптации ассоциированных стран ЦВЕ к нормам Общего рынка. Накануне этого саммита Европейский совет одобрил вышеупомянутое послание Еврокомиссии 1994 г., а на самом саммите принял документ, озаглавленный «Выводы Совета о политике Евросоюза в отношении Балтийского региона», где призвал Еврокомиссию подготовить доклад о текущем состоянии и перспективах сотрудничества в Балтийском регионе [169]. Доклад был подготовлен и одобрен на Мадридском саммите (декабрь 1995 г.). Он содержал обзор финансовой помощи, предоставленной переходным государствам Балтийского региона в период 1990–1994 гг., а также помощи, которую планировалось им предоставить в период 1995–1999 гг. Хотя этот доклад носил информативный характер и не являлся бюджетным документом ЕС [169], его можно назвать вспомогательным инструментом Эссенской стратегии в отношении ассоциированных стран Балтийского региона. Важно отметить, что помимо обзора помощи, предоставляемой Евросоюзом, этот документ содержал и обзор помощи, поступающей от его государств-членов. Таким образом, в нем было отражено решение Мадридского саммита о передаче основных полномочий в вопросе восточного расширения от Еврокомиссии странам-членам [55, с. 41].

На том же саммите были приняты еще два решения, касающиеся ассоциированных стран Балтийского региона. В соответствии с первым из них переговоры о вступлении должны были начаться после окончания межправительственной конференции ЕС, запланированной на 1996 г. [38, с. 56].

Правда, при этом не уточнялось, с какими именно из стран-кандидатов они будут начаты. Кроме того, Европейский совет призвал Еврокомиссию разработать проект программы регионального сотрудничества на Балтике. 10 апреля 1996 г. такой проект был принят Еврокомиссией. В мае того же года он был представлен на конференции глав государств и правительств стран-членов СГБМ в г. Висби (Швеция), а 22 июня официально одобрен Европейским советом. Новая программа получила название «Балтийская региональная инициатива». Она была направлена на поддержку демократии, политической стабильности и экономического роста в регионе. В документе были перечислены приоритетные сферы для предоставления международной помощи и иностранных инвестиций. Помимо уже упомянутых ранее предложений об усилении взаимодействия ЕС и СГБМ в документе были перечислены приоритетные сферы для предоставления международной помощи и иностранных инвестиций в регионе. Предполагалось значительно увеличить объем финансовой помощи переходным странам региона со стороны Евросоюза – с 517 млн экю, предоставленных за 1990–1994 гг., до 950 млн экю, запланированных на период 1995–1999 гг. [300].

Еврокомиссия также выступила с идеей сближения ассоциированных стран региона. Она поддержала планы создания зоны свободной торговли и таможенного союза между тремя Балтийскими государствами и Польшей. В качестве основных инструментов реализации перечисленных в документе задач были названы Европейские соглашения, стратегии подготовки к вступлению и программа ФАРЕ [300]. Таким образом, хотя в самом тексте Балтийской региональной инициативы проблема расширения прямо не затрагивалась, выполнение поставленных в ней задач и реализация предложенных мер были направлены в первую очередь на то, чтобы помочь переходным странам Балтийского региона выполнить вступительные критерии и подготовиться к членству в Евросоюзе.

Характеризуя основные инструменты Балтийской региональной инициативы, следует отметить следующие моменты. Во-первых, в 1997 г. Еврокомиссия одобрила новую концепцию программы ФАРЕ, в соответствии с которой она была переориентирована с нужд общего развития экономик ассоциированных стран на конкретные задачи их подготовки к вступлению в ЕС [74, с. 10–11]. Во-вторых, в 1997 г. на основе заключений Еврокомиссии о ситуации в каждой из стран-кандидатов начинает формироваться стратегия подготовки государств Балтии к вступлению в Евросоюз. Ее основные положения были озвучены членом Еврокомиссии Г. ван ден Бруком во время визита в Латвию и Литву в апреле 1997 г. [103, с. 12–13]. В качестве главной задачи, стоящей перед этими странами на пути их вступления в ЕС, он назвал структурные реформы в экономике. Особый акцент при этом был сделан на структурной перестройке банковской сферы и сельского хозяйства. Значительное внимание уделялось также проблемам модернизации транспортной системы и системы пограничного контроля. Что касается Европейских соглашений с Балтийскими государствами, они вступили в силу лишь через три года после их подписания – 1 февраля 1998 г. [280, с. 126].

Серьезные дебаты внутри ЕС развернулись по вопросам о сроках и очередности приема стран-кандидатов. Германия выступала за то, чтобы эти страны были разделены на группы и приняты в несколько этапов. При этом в первую очередь должны были быть приняты соседние с ней государства Вышеградской группы. Существовал и противоположный подход, получивший название «недискриминационного», или концепции «большого взрыва». В соответствии с ним все страны-кандидаты из ЦВЕ должны были быть приняты в ЕС одновременно. На Мадридском саммите германское предложение о поэтапном расширении было отклонено остальными членами Евросоюза и Еврокомиссии было поручено подготовить заключения о степени подготовленности каждой из ассоциированных стран и их соот-

ветствии вступительным критериям [55, с. 41]. Эти заключения были подготовлены к июлю 1997 г. и стали составной частью программы «Повестка 2000», одобренной на Люксембургском саммите в декабре того же года. Исходя из оценок, представленных в этих заключениях, на саммите было решено начать переговоры о вступлении только с шестью кандидатами: Польшей, Чехией, Венгрией, Словенией, Эстонией и Кипром. По месту проведения саммита эти государства получили название Люксембургской группы. Таким образом, произошла дифференциация ассоциированных стран и выделение среди них приоритетной группы кандидатов первой волны, что стало частичным возвращением к германскому проекту.

По итогам Люксембургского саммита государства Балтии оказались разделены, лишь одно из них – Эстония – попало в список кандидатов «первой волны», в то время как перспективы Латвии и Литвы оставались неопределенными. Это вызвало бурную критику данного решения со стороны их правительств и жалобы на то, что принятие в ЕС лишь одной из стран Балтии пагубно отразится на сложившихся между ними социально-экономических связях. Эстонское руководство, будучи вполне удовлетворенным итогами саммита, напротив, стремилось всячески отмежеваться от подобной критики, а при случае не упускало возможности и подчеркнуть существенные отличия своей страны от южных соседей. Наиболее радикальные высказывания эстонских политиков и вовсе утверждали, что по менталитету и этноконфессиональным корням Эстонию куда правильнее относить к группе северноевропейских, а не Балтийских стран.

Трансформации, произошедшие на рубеже 1980–1990-х гг. в странах ЦВЕ, побудили Североатлантический альянс пересмотреть прежнее отношение к этому региону. Уже на саммите НАТО в Лондоне в июле 1990 г. была принята декларация, в которой Альянс предлагал государствам Организации Варшавского договора (ОВД) установить партнерские

отношения. Эта декларация положила начало переговорам по формуле «четыре плюс два» (четыре страны-победительницы во Второй мировой войне плюс два германских государства), которые завершились объединением Германии 3 октября 1990 г. [288, с. 8]. Фактически произошло не объединение, а инкорпорация ГДР в состав ФРГ, которая являлась членом НАТО. Таким образом, был создан прецедент, когда территория одного из основных государств советского блока перешла в зону ответственности Североатлантического альянса. Для прозападно ориентированных посткоммунистических правительств стран ЦВЕ это событие имело важное символическое значение, поскольку оно наводило на мысль о возможности столь же быстрой и легкой интеграции в западные структуры и других государств ОВД. В итоге уже в 1991 г. Польша, Венгрия и Чехословакия выразили желание подключиться к деятельности Альянса [260]. Поэтому есть все основания считать, что именно объединение Германии стало катализатором всего процесса расширения НАТО на восток.

Первые официальные контакты между НАТО и странами Балтии были связаны с образованием Совета североатлантического сотрудничества (ССАС). 20 декабря 1991 г. министры иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии участвовали в подписании документа, регламентировавшего порядок работы этой новой структуры. В задачи Совета входило развитие между бывшими противниками по холодной войне широкого партнерства, прежде всего в сферах «мягкой безопасности» и кризисного регулирования. На внеочередной сессии ССАС в марте 1992 г. число его членов было увеличено до 35 за счет принятия всех остальных республик бывшего СССР, кроме Грузии. В итоге по своей представительности ССАС приблизился к СБСЕ, включая такие разные государства, как Таджикистан и Польша. Существенные различия интересов его участников сделали работу этой организации малоэффективной и способствовали выдвиганию центральноевропейскими странами требований

о дифференциации партнеров НАТО и предоставлении им полноправного членства в Альянсе [288, с. 13].

Первым из государств Балтии о своем желании вступить в Альянс объявила Эстония. 20 октября 1991 г. на встрече в Мадриде председатель Верховного Совета республики Ю. Нулис сообщил об этом генеральному секретарю НАТО М. Вернеру [19, с. 53]. Однако в последующие два года страны Балтии не поднимали на официальном уровне вопрос о вступлении в НАТО, поскольку с их территории еще не были выведены российские войска. Тем не менее все это время Балтийские государства сохраняли решимость интегрироваться в НАТО.

Это с наглядностью проявилось при решении вопроса о создании национальных вооруженных сил. В отличие от государств ЦВЕ, например Польши, которая выбрала путь реформирования своей старой армии, доставшейся ей в наследство от ПНР и оснащенной в основном советской техникой, Литва, Латвия и Эстония отказались от использования советской военной техники и воинских кадров, оказавшихся после распада СССР на их территории, для строительства собственных вооруженных сил. Вместо этого они приняли решение о формировании с нуля новых национальных вооруженных сил, которые бы полностью соответствовали стандартам НАТО. По этой причине Эстония чуть было не отказалась от военного сотрудничества с Финляндией, которая в начале 1990-х гг. предложила ей поделиться собственным опытом оборонного строительства. Как известно, Финляндия проводит политику неучастия в военных союзах и ее военная доктрина основывается на принципе самостоятельной обороны. Поэтому эстонское правительство согласилось принять финскую помощь, лишь получив заверения от военных структур НАТО в том, что это не мешает приведению вооруженных сил страны в соответствие со стандартами Альянса [231, с. 37].

Вместе с тем сотрудничество НАТО с Балтийскими странами в этот период носило достаточно ограниченный харак-

тер, что объяснялось политической неопределенностью, связанной с присутствием на их территории российских войск. Ведущие страны блока оказывали им помощь в подготовке военных кадров, создании структурных основ национальных вооруженных сил, совместимых с натовскими и способных противодействовать возможной агрессии на период времени, необходимый для получения международной поддержки. При этом они воздерживались от поставок Литве, Латвии и Эстонии оружия и военной техники [68, с. 7].

1994 г. стал рубежом в развитии отношений между странами Балтии и НАТО. В этом году завершился вывод из этих государств войск бывшего СССР, взятых после его распада под юрисдикцию России, а в Альянсе одержали победу сторонники восточного расширения. Кроме того, в 1994 г. была принята программа НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ), которую в странах Балтии были склонны рассматривать как инструмент подготовки к вступлению в Альянс.

Литва, которой удалось раньше остальных стран Балтии заключить соглашение с Россией о сроках вывода войск, первой вновь подняла вопрос о вступлении в НАТО. Вооруженные силы, взятые после распада СССР под юрисдикцию России, были полностью выведены с ее территории в августе 1993 г. 5 января 1994 г. президент Литвы А. Бразаускас направил письмо генеральному секретарю НАТО М. Вернеру, в котором выразил стремление своей страны присоединиться к Альянсу. Вскоре его примеру последовали и другие балтийские лидеры, воодушевленные решением Брюссельского саммита НАТО о начале процесса его расширения на восток. Страны Балтии одними из первых присоединились к принятой на том же саммите программе ПРМ. Так, Литва подписала документ об участии в ней 27 января, Эстония – 3 февраля, Латвия – 14 февраля 1994 г. [43, с. 119]. Примечательно, что решения Альянса о начале процесса расширения и реализации программы ПРМ были приняты как раз тогда, когда вопрос о выводе российских войск из стран ЦВЕ и Балтии был фактически решен (последними они

покинули территорию Эстонии и Латвии в августе 1994 г.). В этой связи министр иностранных дел Эстонии Ю. Луйк охарактеризовал инициативу Альянса как «правильный шаг в правильном направлении в правильно выбранное время» [228, с. 18].

Несмотря на то что эта программа не предполагала никаких гарантий приема в НАТО участвующих в ней стран [255, 178], в Балтийских государствах рассматривали участие в ПРМ как первый шаг на пути к получению членства в этой организации. Поэтому с началом ее реализации открылся новый этап в отношениях стран Балтии с НАТО, основной характеристикой которого стало стремление этих государств к форсированной интеграции в Альянс. В этот период осуществляется разработка планов конкретной совместной деятельности и уточнение размеров помощи блока, направленной на укрепление национальной безопасности Литвы, Латвии и Эстонии [68, с. 7].

Таким образом, в начале 1990-х гг. сложилась весьма благоприятная обстановка для распространения влияния НАТО на переходные страны ЦВЕ и Балтийского региона. Практически все посткоммунистические государства ЦВЕ, включая страны Балтии, провозгласили интеграцию в Альянс неотъемлемой частью своего курса на «возвращение в Европу». Тем не менее руководство НАТО не спешило ставить на повестку дня вопрос о расширении. Анализируя его действия в указанный период, можно прийти к выводу, что Альянс не был готов к столь радикальным и стремительным преобразованиям в восточной части континента и в течение нескольких лет находился в поиске своего места в новой системе европейской безопасности. В это время как внутри Альянса, так и за его пределами высказывались сомнения в целесообразности продолжения его существования после окончания холодной войны. Кроме того, как отмечает британский исследователь А. Гайд-Прайс, в начале 1990-х гг. западные лидеры были удовлетворены развитием сотрудничества с Россией, в том числе и в сфере безопасности [198, с. 14].

Поэтому они, с одной стороны, не видели необходимости в расширении НАТО на страны ЦВЕ в условиях, когда Россия более не рассматривалась как противник, а с другой – опасались, что оно может ухудшить отношения с Москвой и подорвать позиции прозападных демократических сил внутри России.

Однако в 1993–1994 гг. ситуация меняется. Перемена была обусловлена двумя основными факторами. Во-первых, на Балканах и постсоветском пространстве возникают и начинают разрастаться многочисленные очаги вооруженных конфликтов, урегулировать которые были не в состоянии ни ООН, ни ОБСЕ, ни ЕС. Это вновь актуализировало значение НАТО как единственной в Европе силы, способной эффективно действовать там, где необходимо прямое военное вмешательство. Как отмечает А. Гайд-Прайс, для западно-европейских стран Альянс утратил свое прежнее значение как система коллективной обороны, основанная на обязательствах статьи 5 Вашингтонского договора. В новых условиях они начинают рассматривать НАТО прежде всего как эффективный инструмент для стабилизации региона ЦВЕ [198, с. 19]. Во-вторых, после провала в России либеральных реформ Е. Гайдара и октябрьского путча 1993 г. появились серьезные сомнения относительно перспектив дальнейшего развития этой страны по пути демократизации и сближения с Западом [113].

Инициатива в вопросе расширения НАТО на восток исходила прежде всего от военных и политических кругов ФРГ, поддержанных частью администрации Б. Клинтона. По мнению немецкого военного эксперта А. Крона, одним из главных внешнеполитических приоритетов объединенной Германии стало стремление изменить свой статус восточного рубежа НАТО и перенести границу блока дальше на восток за счет принятия в него Польши [217, с. 241–242]. Однако в правительстве Г. Коля не было единства по вопросу расширения Альянса. Так, министр иностранных дел К. Кинкель относился к такой перспективе весьма настороженно.

Наиболее активным сторонником расширения был министр обороны ФРГ Ф. Рюэ, которого поддержала часть руководства бундесвера [198, с. 14]. После того, как федеральный канцлер поддержал позицию Кинкеля, Рюэ активизировал контакты с правительством США, в результате чего сформировалась германо-американская межправительственная группа по лоббированию расширения НАТО. Основными фигурами с американской стороны в ней стали советник по национальной безопасности Э. Лэйк и заместитель госсекретаря по делам Европы Р. Холбрук. Понимая, что позиция администрации Клинтона в отношении принятия в НАТО стран ЦВЕ будет зависеть от поддержки сената, Рюэ инициировал проведение американским центром «Рэнд» исследования общественного мнения по данному вопросу. Осенью 1993 г. совместно с генеральным секретарем НАТО М. Вернером и министром обороны США Л. Аспином он разработал проект программы «Партнерство ради мира» (ПРМ), которая по замыслу авторов должна была стать основным инструментом подготовки будущего расширения на восток [198, с. 14].

В итоге усилия межправительственной группы увенчались успехом и на состоявшемся в январе 1994 г. саммите НАТО в Брюсселе президент США Б. Клинтон заявил, что больше не стоит вопрос о том, будет ли расширение, а лишь о том, когда оно состоится и какие из стран-кандидатов войдут в его следующий раунд. На том же саммите была принята и программа ПРМ. Серьезность намерений Альянса по вопросу расширения подтвердил подготовленный в 1995 г. документ «Исследование о расширении НАТО», в котором были определены требования к кандидатам [294]. Для приема в организацию от них требовалось соответствовать принципам и стандартам Альянса и быть готовыми выполнять принятые в нем процедуры. Однако этот документ так и не дал ответа на вопрос, какие из стран-кандидатов получат приглашение вступить в НАТО и когда именно это произойдет [320, с. 30]. Признавая новую расстановку сил внутри

Альянса, канцлер Коль изменил свою позицию по вопросу расширения. По его настоянию в апреле 1995 г. К. Кинкель выступил с официальной поддержкой этого процесса. Во время своего визита в Польшу в августе того же года Коль заявил, что рассматривает расширения ЕС и НАТО как отдельные процессы. Фактически это означало, что он поддерживает первоочередность расширения НАТО [198, с. 15].

Окончательно решение о начале процесса восточного расширения было принято на встрече министров обороны НАТО в Бергене (Норвегия) в сентябре 1996 г. Несмотря на протест России в лице присутствовавшего на встрече министра обороны И. Родионова, было объявлено, что расширение состоится. Чтобы минимизировать негативную реакцию Москвы, было решено перед переговорами о вступлении конкретных кандидатов разработать проект по сближению НАТО и России, который позволил бы интегрировать ее в европейскую систему безопасности. Центральную роль в данном вопросе играло правительство ФРГ. Совместно с госдепартаментом США оно разработало проект стратегического партнерства с Россией. В итоге, в мае 1997 г. был подписан Основополагающий акт об отношениях России и НАТО, на основании которого был учрежден Совет Россия – НАТО. Таким образом, по мнению его разработчиков в Бонне и Вашингтоне, Россия должна была получить право голоса в вопросах европейской безопасности, но не право вето в отношении решений Альянса [320, с. 31].

В 1995–1997 гг. среди членов НАТО развернулась острая дискуссия о том, какие именно из стран ЦВЕ должны быть приглашены в Альянс. Среди переходных государств региона бесспорным фаворитом была Польша. Ее кандидатуру лоббировали ФРГ и США. К тому же у России, которая активно протестовала против возможного приглашения в НАТО Балтийских стран, рассматриваемых ею как часть постсоветского пространства, было гораздо меньше возражений против приглашения в него Польши [113]. Таким образом, по ее кандидатуре почти сразу был достигнут консен-

сус. Главным сторонником приглашения в Альянс Литвы, Латвии и Эстонии была Дания [150, с. 8]. Однако датские политики понимали, что в тот момент это было практически невозможно. Поэтому реальной целью их лоббирования можно считать моральную поддержку стран Балтии и укрепление посредством этого позиций Дании в регионе. В Германии мнения по данному вопросу разделились. Так, министр иностранных дел К. Кинкель, объявивший себя «адвокатом стран Балтии», поддерживал их приглашение в Альянс. Однако основным инициатор восточного расширения – министр обороны Ф. Рюэ – был категорически против этого. Он считал, что предоставление членства в НАТО хотя бы одной из Балтийских стран разрушит сложившиеся партнерские отношения между ФРГ и Россией [198, с. 16]. Поэтому он гораздо более благосклонно относился к кандидатурам Словении и Румынии. Последнюю кандидатуру активно поддерживала Франция.

Вместе с тем, как отмечает бывший посол Латвии при НАТО И. Лиегис, последнее слово в вопросе выбора кандидатов для приглашения в Альянс оставалось за США [64, с. 10]. Американское правительство впервые ясно выразило свою позицию в отношении возможности приема стран Балтии на совещании министров обороны стран-членов НАТО в Бергене в 1996 г. У. Перри, в частности, отметил, что эти государства однозначно не будут приглашены в первом раунде расширения, поскольку они к этому не готовы [320, с. 30]. В июле 1997 г. накануне Мадридского саммита НАТО правительство США заявило, что поддержит лишь ограниченное расширение Альянса, в которое войдут только три центральноевропейских страны. Партнерам по НАТО пришлось согласиться с решением США и на Мадридском саммите приглашение вступить в Альянс в 1999 г. получили лишь Польша, Чехия и Венгрия.

Характеризуя позицию США по вопросу предоставления членства в НАТО Балтийским странам в 1990-е гг., ее скорее можно было назвать выжидательной, чем негативной,

о чем свидетельствовали заявления ряда американских дипломатов [72, с. 2; 41, с. 1]. Так, на Мадридском саммите было заявлено, что НАТО продолжит политику «открытых дверей». Кроме того, в принятом на нем документе были отмечены усилия стран Балтии по укреплению безопасности региона [230]. А в принятой в 1998 г. Хартии партнерства между США, Литвой, Латвией и Эстонией прямо говорилось, что все подписавшие ее стороны заинтересованы в интеграции Балтийских государств в НАТО [130]. Заявления американских политиков, сопутствовавшие подписанию этого документа, были еще более обнадеживающими для стран Балтии. Так, президент США Б. Клинтон заявил, что его страна полна решимости создать условия для того, чтобы Балтийские государства однажды смогли вступить в НАТО [110, с. 8; 164, с. 34]. На приуроченном к 50-летию Альянса Вашингтонском саммите 1999 г., где в его состав официально вошли Польша, Чехия и Венгрия, была подтверждена приверженность политике «открытых дверей». После него уже не оставалось сомнений, что процесс расширения на восток будет продолжаться. Однако, как и при подготовке к первому раунду этого расширения, кандидаты, которые войдут в следующий раунд, пока не назывались. На саммите было лишь объявлено, что кандидаты второго раунда будут определены не позже 2002 г. [64, с. 11].

ПОДГОТОВКА К ВСТУПЛЕНИЮ В ЕС И НАТО

2.1. Региональная специфика подготовки стран Балтии к вступлению в ЕС. Программа «Северного измерения»

С середины 1990-х гг. важным инструментом внешней политики Европейского союза стали комплексные стратегии развития сотрудничества с сопредельными регионами, получившие название «измерения». Первой инициативой такого рода стал Барселонский процесс, который часто также называют «Южным», или Средиземноморским измерением Евросоюза. Четвертое расширение ЕС изменило место Балтийского региона среди его геополитических приоритетов. Балтийское направление в его внешней политике стало конкурировать со средиземноморским. Так, уже накануне расширения появились первые планы формирования комплексной стратегии ЕС в отношении Балтийского региона. В послании Еврокомиссии от 25 октября 1994 г., озаглавленном «Координация подхода Евросоюза к Балтийскому региону», главной целью его политики в данном направлении была объявлена «разработка комплексного контекста регионального подхода Евросоюза к Балтийскому региону» [251]. В Послании отмечалось, что международное сотрудничество в Балтийском регионе имеет большой потенциал и важное значение для интегрирующейся Европы в свете грядущего расширения ЕС и начала переговоров с Балтийскими странами о заключении Европейских соглашений. Главным приоритетом в политической сфере провозглашалось «усиление безопасности и обеспечение стабильного политического и экономического развития всего региона» [251].

Особое внимание в этой связи уделялось вопросам обеспечения прав человека, включая права национальных мень-

шинств. В сфере экономики в качестве приоритетной определялась задача либерализации торговли, в первую очередь промышленной продукцией. Значительное внимание уделялось вопросам развития в регионе транспортной и энергетической инфраструктуры, привлечения инвестиций, защиты окружающей среды и борьбы с организованной преступностью. В документе также говорилось о роли ЕС как координатора деятельности всех структур, заинтересованных в развитии регионального сотрудничества на Балтике и о целесообразности сочетания им в своей политике по отношению к этому региону двустороннего и многостороннего подходов. Однако в тексте документа неоднократно подчеркивалось, что для реализации предложенных в нем мер по усилению регионального сотрудничества Евросоюз не будет создавать дополнительные программы развития и выделять дополнительные финансовые средства. Вместо этого предлагалось усилить координацию деятельности уже существующих программ развития и структурных фондов, действующих в Балтийском регионе (ИНТЕРРЕГ, ФАРЕ, ТАСИС).

Следующим этапом в формировании комплексного подхода балтийской политики ЕС стало принятие «Балтийской региональной инициативы». Основное внимание в ней уделялось экономическому развитию региона. Были перечислены приоритетные сферы для предоставления международной поддержки в области торговли, инвестиций, инфраструктуры, энергетики, ядерной безопасности, экологии и туризма. В целом данная программа представляла собой постепенное развитие идей и принципов, изложенных в предыдущих документах ЕС по Балтийскому региону. Ключевым принципом его балтийской политики по-прежнему оставалось усиление координации уже действующих в регионе структур вместо создания новых программ и выделения новых ресурсов. Проекты регионального сотрудничества, претендовавшие на финансовую поддержку Евросоюза, должны были вписываться в общие стратегии финансирования программ ФАРЕ, ТАСИС и ИНТЕРРЕГ. Если учесть, что эти программы

изначально были ориентированы на поддержку различных групп государств, с различной спецификой, становится ясно, что возможности их взаимодействия были весьма ограничены.

Таким образом, мнение о том, что с принятием «Балтийской региональной инициативы» у ЕС появилась комплексная стратегия в отношении Балтийского региона, представляется не обоснованным. Она не внесла принципиальных изменений в его балтийскую политику и разочаровала многих сторонников активизации роли Евросоюза на Балтике [232]. Поэтому можно прийти к выводу, что «Инициатива» имела главным образом символическое значение, знаменуя собой рост интереса ЕС к Балтийскому региону и его стремление играть ведущую роль в развитии здесь регионального сотрудничества.

Наиболее важной вехой в развитии комплексной стратегии ЕС в отношении Балтийского региона стала программа «Северного измерения» («СИ»). Хотя географические рамки этой программы были определены гораздо шире границ Балтийского региона, именно он стал основной территорией ее реализации. Значительная роль в осуществлении «СИ» отводилась организациям Балтийского региона, таким как СГБМ, Организация субрегионального сотрудничества стран Балтийского региона, Хельсинкская комиссия и др. Кроме того, все государства, охваченные этой программой, одновременно являлись членами СГБМ. Таким образом, по аналогии с «Южным» (Средиземноморским) «Северное измерение» вполне можно назвать Балтийским.

Британский исследователь К. Аркер выделяет три уровня, на которых формировались предпосылки появления этой программы: уровень стран-членов ЕС, Евросоюза в целом и международный уровень [84, с. 32–34]. На первом из них главную роль сыграло четвертое расширение ЕС, в результате которого его новыми членами стали Швеция и Финляндия. Последняя, по образному выражению финского эксперта Х. Ойанен, попыталась с помощью «СИ» приспособить Евросоюз к своим нуждам и интересам [249, с. 15–17].

Предпосылки формирования этой инициативы на втором уровне К. Аркер видит в предшествующих программах и проектах, которые ЕС осуществлял в Балтийском регионе. Такая точка зрения представляется вполне оправданной, если вспомнить, что при разработке «СИ» Еврокомиссия стремилась максимально связать его с уже действующими в регионе программами и проектами ЕС и не собиралась выделять на его осуществление новых финансовых ресурсов. В плане определения основных направлений регионального сотрудничества и финансовых инструментов ЕС, которые могут использоваться для их развития, «СИ» также не внесло ничего нового: все они уже были перечислены в предыдущих отчетах Еврокомиссии по Балтийскому региону. Наконец, на международном уровне причины появления этой программы обусловлены необходимостью развития политики ЕС в отношении России и стран-кандидатов в Балтийском регионе.

Инициатором программы «СИ» стало правительство Финляндии. Впервые идея новой программы была выдвинута в выступлении П. Липпонена в Рованиеми в сентябре 1997 г. В отличие от Швеции, которая заняла в Евросоюзе самостоятельную позицию и основной упор в своей балтийской политике делала на развитие прямого сотрудничества между странами Балтийского региона без широкого участия Брюсселя, Финляндия стремилась извлечь максимальную выгоду из своего членства в ЕС. В качестве основного ресурса увеличения своего веса в европейской политике она рассматривала 1300-километровую границу с Россией и многолетний опыт тесного экономического сотрудничества с восточным соседом [52]. Не желая оставаться северо-восточной окраиной европейского интеграционного пространства, она рассчитывала с помощью СИ взять на себя роль посредника между ЕС и Россией и, таким образом, играть ключевую роль в развитии отношений Москвы и Брюсселя. Выдвигая инициативу «СИ», Финляндия рассчитывала объединить в рамках этой программы общую стратегию Евросоюза в отношении России, программы подготовки к вступ-

лению в ЕС стран Балтии и Польши, а также коллективную инициативу по развитию европейского Севера в единую стратегию, которая должна реализовываться в рамках общей внешней политики ЕС [328]. МИД Финляндии определил в качестве ее основной цели усиление безопасности, стабильности и устойчивого развития Северной Европы [201, с. 68].

Сначала инициатива Финляндии была воспринята в Брюсселе весьма сдержанно. Особенно негативно к ней отнеслись средиземноморские члены ЕС, которые опасались, что реализация новой программы создаст финансовую конкуренцию Барселонскому процессу. В середине 1990-х гг. между средиземноморскими и балтийскими членами Европейского союза развернулось настоящее соперничество за распределение его бюджетных средств [109]. Являясь на то время самыми бедными членами ЕС, государства Средиземноморья получали финансовую помощь из европейского бюджета и поэтому опасались, что расширение Евросоюза на восток и активизация его политики на севере приведет к оттоку средств из их региона. Франция отнеслась к финскому предложению более благожелательно. Она сочла приемлемым развитие «Северного измерения» в политике ЕС, но лишь при условии, что это не приведет к ослаблению его политики в Средиземноморском регионе [213, с. 245]. Германия поддержала инициативу Липпонена, поскольку активизация политики ЕС на северо-востоке Европы полностью соответствовала ее внешнеполитическим и экономическим интересам [285, с. 217].

На Люксембургском саммите в декабре 1997 г. программа «СИ» была впервые вынесена на рассмотрение Евросоюза. Европейской комиссии было поручено подготовить промежуточный отчет по финскому предложению. На саммите в Вене в декабре 1998 г. отчет был одобрен. В послании Еврокомиссии Европейскому совету содержался перечень программ и инструментов ЕС, имеющих отношение к новой инициативе. Считается, что Венский саммит сыграл решающую роль в принятии программы «СИ». Однако, приняв

финскую программу, Евросоюз внес в нее существенные коррективы, которые, с одной стороны, сделали «СИ» более дешевым и удобным для Брюсселя, а с другой – в значительной степени снизили его изначальный потенциал. Еврокомиссия сразу четко оговорила, что никаких дополнительных средств из бюджета ЕС выделять не будет – речь может идти лишь о перераспределении и более эффективном использовании уже имеющихся ассигнований. В качестве основных источников финансирования новой инициативы назывались уже существующие бюджетные инструменты и программы поддержки ЕС, такие как ФАРЕ, ТАСИС и ИНТЕРРЕГ [293]. Как известно, географические рамки этих программ не ограничены пределами Балтийского региона или Северной Европы. Поэтому «Северное измерение» фактически оказалось лишено собственных источников финансирования.

На очередном саммите ЕС в Кельне, состоявшемся в мае 1999 г., были одобрены «Основные направления по реализации “Северного измерения”». В этом документе отмечалось, что программа будет способствовать укреплению позитивной взаимозависимости Европейского союза, России и других государств Балтийского моря, особенно принимая во внимание процесс расширения ЕС, обеспечивая тем самым безопасность, стабильность и устойчивое развитие Северной Европы [161]. Фактически с этого времени программа «СИ» становится частью ОВПБ ЕС.

В ноябре 1999 г. в Хельсинки состоялась конференция министров иностранных дел стран ЕС и государств, охваченных действием программы «СИ». На ней были определены приоритеты программы и сформирована общая политическая платформа для обсуждения конкретных предложений по ее реализации. Помимо стран ЕС в этом обсуждении также участвовали семь государств-партнеров [201, с. 71]. На Хельсинкском саммите Европейского совета, который состоялся в декабре того же года, Еврокомиссии было поручено подготовить в сотрудничестве с Европейским советом

и государствами-партнерами первый План действий программы «Северного измерения» на 2000–2003 гг. Документ был одобрен на следующем саммите ЕС в Фейре в июне 2000 г. При этом итоговый документ значительно отличался от проектов, обсуждавшихся в 1999–2000 гг. на многочисленных международных форумах, в том числе и на консультациях представителей Евросоюза и МИД Российской Федерации в Москве. Так, изначально планировалось, что он будет включать еще и третью часть – Приложение, в котором будут перечислены конкретные планы и проекты на 2000–2003 гг. Однако в итоговом варианте оно отсутствовало, а в текст Плана было включено лишь несколько проектов, в основном по ядерной безопасности. Кроме того, в документе не были оговорены механизмы выдвижения и критерии принятия новых проектов в рамках «Северного измерения» [109].

Приступив к реализации программы «СИ», ЕС поставил две главные задачи: усиление координации и взаимодополняемости своих программ и проектов, осуществляемых на севере Европы, и развитие сотрудничества между странами данного региона [131, с. 2]. При этом подчеркивалось, что это сотрудничество не должно ограничиваться только традиционной межгосударственной формой, а носить многоуровневый характер. Участников, которых Еврокомиссия планировала подключить к реализации программы, можно разделить на пять категорий: правительства государств Северной Европы; региональные и субрегиональные организации – СГБМ, ХЕЛКОМ, Совет Евро-Арктического региона, Арктический совет и т. д.; органы местного самоуправления государств региона (прежде всего приграничных районов); международные финансовые институты – Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ), Северный инвестиционный банк (СИБ) и т. д.; структуры бизнеса и гражданского общества. Многоуровневость можно отнести к политическим новациям программы «СИ» [34, с. 78]. Она рассматривалась в Брюсс-

селе как главный залог ее эффективности. Однако практическая реализация такого подхода была весьма затруднена, поскольку механизмы взаимодействия различных категорий участников не были четко прописаны. Кроме того, переходные государства региона, прежде всего Россия, оказались не готовы к участию на всех уровнях этого сотрудничества, так как структуры их гражданского общества были еще недостаточно развиты, а международные полномочия органов местного самоуправления не определены.

В программных документах «СИ» также подчеркивалось, что для его реализации ЕС не будет создавать никаких дополнительных структур и бюджетных линий. Основной базой осуществления этой программы провозглашались уже существующие инструменты ЕС, такие как Европейские соглашения с ассоциированными странами региона, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией, соглашения о Европейском экономическом пространстве с Норвегией и Исландией, а также структурные фонды Сообщества: ТАСИС, ФАРЕ (к тому времени переориентированная исключительно на подготовку стран-кандидатов к вступлению в Союз), ИНТЕРРЕГ, САПАРД и ИСПА [131, с. 5–7]. Таким образом, для реализации «СИ» в основном использовались инструменты стратегий подготовки к вступлению ассоциированных стран ЦВЕ, а также Общей стратегии ЕС в отношении России. Это свидетельствует о том, что, несмотря на обилие новаторских формулировок и масштабность целей, декларированных в документах «СИ», реальное назначение программы было гораздо более скромным и фактически сводилось к тому, что она должна была стать вспомогательным элементом вышеупомянутых стратегий Евросоюза.

В качестве ключевого принципа программы «СИ» была провозглашена «позитивная взаимозависимость». Так, в «Основных направлениях по реализации Северного измерения», принятых Европейским советом в мае 1999 г., отмечалось, что оно «может способствовать укреплению позитивной взаимозависимости и, таким образом, усилить безопасность,

стабильность и устойчивое развитие Северной Европы» [161]. Финляндия, инициировавшая эту программу, считала, что развитие такой взаимозависимости будет способствовать усилению всесторонних связей между странами региона и урегулированию политических проблем между Евросоюзом, Балтийскими странами и Россией, смягчив для последней последствия интеграции стран Балтии в западные структуры [34, с. 77]. По мнению разработчиков программы, реализация этого принципа должна была также обеспечить получение максимальной выгоды от экономического взаимодействия Европейского союза, России и Балтийских государств, не вызывая при этом опасной деформации их экономик [328].

Программа «СИ» охватывала практически все сферы сотрудничества в регионе, кроме военной. В ее документах в качестве сферы деятельности были определены следующие направления [128, с. 1; 129, с. 2; 131, с. 8; 305, с. 4]:

- развитие транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры;
- охрана окружающей среды, ядерная безопасность и использование природных ресурсов;
- сотрудничество в области образования, науки и развитие человеческих ресурсов;
- общественное здравоохранение;
- развитие торговли, бизнеса и привлечение в регион инвестиций;
- развитие трансграничного и межрегионального сотрудничества;
- борьба с международной преступностью;
- вопросы юстиции и внутренней политики.

Понятно, что добиться серьезных результатов в развитии такого широкого спектра деятельности для программы, не имеющей ни четкой институциональной базы, ни собственных финансовых ресурсов, было просто невозможно. Поэтому постепенно из этого обширного перечня задач начинают выделяться отдельные направления, которым уде-

ляется больше внимания и которые со временем становятся негласными приоритетами «СИ».

Одной из таких приоритетных областей, где программа «СИ» добилась, пожалуй, наибольших результатов, стала экология. На конференции в Ставангере (Норвегия) в декабре 1998 г. было подчеркнуто, что решение вопросов экологии представляет общий интерес и должно осуществляться на основе многостороннего сотрудничества. В качестве главных проблем, стоявших перед регионом в данной области, были определены вопросы ядерной безопасности, управления опасными отходами и очистка водных ресурсов. Наиболее проблемными регионами в области охраны окружающей среды обычно назывались северо-западная Россия (объекты атомной энергетики и хранилища радиоактивных отходов на Кольском полуострове и в районе Санкт-Петербурга) и Литва (Игналинская АЭС) [90, с. 3].

Финансирование проектов в сфере охраны окружающей среды осуществлялось посредством программ ФАРЕ, ТАСИС и ИНТЕРРЕГ. Первая из них специализировалась на вопросах разработки и формулирования экологических стратегий, политики и законодательства, вторая – на финансировании конкретных экологических проектов, а третья – на развитии природных парков и экологического туризма, программ по измерению загрязнения воздуха, переработке отходов и экспорту технологий очистки воды [128, с. 15]. Значительный вклад внес также Фонд финансирования структурных мероприятий по подготовке к вступлению в ЕС (ФСМ). Он ассигновал более 67 млн евро на развитие систем водоснабжения и очистки сточных вод в Польше, Литве и Латвии [90, с. 4].

Главным достижением сотрудничества в сфере охраны окружающей среды и, пожалуй, наиболее значимым проектом в рамках «СИ» стало создание в период шведского председательства в ЕС в 2001 г. программы Экологического партнерства «Северного измерения» (ЭПСИ). Ее учредителями стали международные финансовые институты, действующие в регионе: ЕБРР, ЕИБ, СИБ и Всемирный банк. Ре-

ализацию программы координирует руководящая группа, которая состоит из представителей Еврокомиссии, Российской Федерации и вышеупомянутых финансовых институтов. В ее задачи входит определение наиболее важных для региона экологических проектов и оценка стоимости их осуществления. Финансированием этих проектов занимается Фонд поддержки ЭПСИ, созданный в июле 2002 г. Решение о финансировании принимает Ассамблея вкладчиков фонда, которую возглавляет Еврокомиссия. На данный момент определено 16 приоритетных проектов в сфере экологии на общую сумму в 2 млрд евро и 5 проектов в сфере управления ядерными отходами на сумму в 20 млн евро [303].

В качестве второго приоритета программы «СИ» можно назвать развитие инфраструктуры региона. Хотя в данной сфере не было создано структур наподобие ЭПСИ, в программных документах «СИ» ей уделялось большое внимание. Здесь выделялись три основных направления: энергетическая, транспортная и телекоммуникационная инфраструктура. Основным проектом в сфере энергетической инфраструктуры являлось строительство североевропейского газопровода по дну Балтийского моря, чтобы осуществлять подачу газа из России в страны ЕС. Важное значение имеет и создание Балтийской нефтепроводной системы (BOPS), целью которой является соединение сети нефтепроводов России с рынками ЕС через финский порт Порвоо и российский порт Приморск. Также можно упомянуть учебные программы по развитию энергосетей, включая природный газ и электричество (Балтийское кольцо), и проект создания Балтийской системы по передаче электроэнергии (BALTEL), который предполагает формирование в регионе единого рынка электроэнергии [52].

Главной целью ЕС в сфере транспортной инфраструктуры было развитие трансъевропейских транспортных сетей (TEN) на территории государств ЕС и их расширение на территорию стран-кандидатов (TINA network), а также создание панъевропейских транспортных коридоров с уча-

ствием соседних государств. Среди транспортных проектов приоритетное место занимали «Коридор 9А» от Хельсинки до Москвы через Санкт-Петербург и «Виа Балтика», призванный связать транспортные системы трех государств Балтии с Финляндией и Польшей. В качестве примеров сотрудничества в сфере транспорта можно привести и такие проекты, как «Северный треугольник» (Мальмо – Стокгольм – Турку – Хельсинки – Выборг); развитие портов Эстонии, Латвии и Литвы, а также порта Санкт-Петербург; исследовательский проект ARCDEV по развитию морского сообщения между Скандинавией и Северо-Западной Россией. Уделялось внимание и развитию приграничной инфраструктуры (Сала – Ваалима, Иматра – Светогорск и др.), морского и паромного транспорта, а также улучшению работы в Балтийском регионе служб спасения на море. Чтобы улучшить координацию текущих инициатив в транспортной сфере, было запланировано создание Балтийского транспортного форума [128, с. 9]. Следует, однако, отметить, что в итоговом документе «Плана действий «СИ» на 2000–2003 гг. раздел «Транспорт» был значительно урезан. В частности, из него был убран ряд конкретных проектов по объединению транспортной системы России с трансъевропейскими транспортными коридорами [109].

В качестве приоритетных задач в области телекоммуникаций были определены привлечение инвестиций для расширения и улучшения телекоммуникационной инфраструктуры региона и выработка общей нормативно-правовой базы в этой отрасли. Так, в Европейских соглашениях, которые определяли взаимоотношения ЕС с Балтийскими странами и Польшей вплоть до их вступления в эту организацию в 2004 г., предусматривались либерализация и гармонизация отрасли в соответствии с принципами *acquis communautaire*. Через программу ФАРЕ им предоставлялась помощь на развитие стабильной правовой базы и проведение институциональной реформы отрасли. Программа ИНТЕРРЕГ также финансирует некоторые телекоммуникационные про-

екты в приграничных регионах российского северо-запада и в странах Балтии. В сентябре 2001 г. СГБМ одобрил новую программу по развитию телекоммуникационного сектора в рамках «СИ», которая получила название Northern eDimension («Северное э-Измерение»). В соответствии с первым «Планом действий» этой программы на 2002–2004 гг. начато осуществление проектов «eSkills», «eKarelia» и «eIndicators», а также ряда краткосрочных проектов и исследовательских программ в области высокоскоростного Интернета и других информационных технологий. Во втором «Плане действий» на 2005–2006 гг. были определены основные направления развития телекоммуникационного сектора в регионе и усиление роли информационных технологий в различных сферах общественной жизни [304].

Еще одним важным направлением «СИ» было объявлено развитие трансграничного и межрегионального сотрудничества на севере Европы. Наибольшее значение в этом плане имела принятая в 1997 г. программа ИНТЕРРЕГ ПС, в которой участвовали все государства Балтийского региона. Она охватывала отдельные районы Швеции, Дании, Германии, Норвегии, Польши, России и Беларуси, а также всю Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Программа была ориентирована на поддержку территориального развития и транснационального сотрудничества. В качестве ее особой цели было провозглашено создание и развитие в регионе стратегического альянса городов, имеющих важное экономическое значение [128, с. 35–36]. Следует также отметить Балтийскую программу сотрудничества (SWEBALTCOP), реализация которой началась в 1998 г. Ее целью стало развитие трансграничного сотрудничества южных и восточных регионов Швеции с Балтийскими странами, Северной Польшей и выходящими к Балтийскому морю регионами Российской Федерации. Наибольшее внимание в рамках этой программы уделялось вопросам экологического и экономического развития, а также модернизации систем местного и регионального управления [128, с. 36].

Среди стран Балтийского региона финская инициатива получила неоднозначную оценку. Так, Швеция и Дания отдавали явное предпочтение развитию регионального сотрудничества в формате СГБМ [34, с. 78]. Кроме того, северные страны были недовольны, что Финляндия выдвинула программу «СИ», предварительно не согласовав ее с ними в Северном совете. Неоднозначно был воспринят и тот факт, что явным приоритетом программы стал северо-восточный вектор и развитие связей с Россией. Северо-восточная ориентация «СИ» устраивала Норвегию. Швеция выступала за приоритетность балтийского вектора, а Дания и Исландия – за развитие в рамках «СИ» северо-западного, атлантического вектора [201, с. 75]. Таким образом, позицию северных стран можно охарактеризовать как сдержанную, но все-таки позитивную. Балтийские страны сначала также отнеслись к предложению Финляндии настороженно. На их взгляд, в инициативе уделялось слишком много внимания районам Крайнего Севера и сотрудничеству с Россией в ущерб развитию южной части Балтийского региона. Латвия также была серьезно обеспокоена, что Финляндия использует «СИ», чтобы перенаправить через свою территорию нефтяной и газовый транзит из России, который шел через латвийские порты [201, с. 75]. Однако с течением времени и Балтийские, и северные страны пришли к пониманию, что активное участие в программе «СИ» предоставляет им хорошие возможности для продвижения своих национальных интересов.

Постепенно северные государства подключались к развитию финской инициативы. В мае 2000 г. Дания организовала в Копенгагене конференцию на тему «Северное измерение и Калининград: европейская и региональная интеграция». Хотя дискуссии на конференции носили неформальный характер, по ее итогам Еврокомиссия подготовила в январе 2001 г. документ «ЕС и Калининград». В апреле 2001 г. по инициативе председательствовавшей в ЕС Швеции в Люксембурге была созвана вторая конференция министров иностранных дел по «СИ». На ней Еврокомиссия предста-

вила пересмотренный список проектов и инициатив данной программы (всего более 320), который охватывал практически все сферы регионального сотрудничества, кроме военной [201, с. 71].

Принятие программы «СИ» также открыло новый этап в отношениях ЕС и СГБМ. Уже в 1998–1999 гг. Еврокомиссия предложила СГБМ определенные сферы деятельности в рамках этой программы. Обсуждение возможностей участия организации в ее реализации проходило в Комитете старших должностных лиц СГБМ и в Рабочих группах по экономическому сотрудничеству и демократическим институтам. В ноябре 1998 г. и феврале 1999 г. состоялись заседания Комитета старших должностных лиц по вопросам координации финансовых инструментов ЕС в Балтийском регионе. А 23–24 марта 1999 г. в Брюсселе состоялась встреча, посвященная политике и программам ЕС в Балтийском регионе [124]. Этой же теме была посвящена еще одна встреча Комитета старших должностных лиц, состоявшаяся в Брюсселе 8–9 февраля 2000 г. На ней также обсуждались механизмы финансирования субрегионального сотрудничества. А заседание Комитета старших должностных лиц, состоявшееся 3 мая в Осло, было полностью посвящено обсуждению проекта Плана действий программы «СИ», предложенного Европейской комиссией [125]. В период председательства ФРГ в ноябре 2000 г. Комитетом старших должностных лиц была создана временная рабочая группа по этой программе [126]. Она подготовила документ, получивший название «Список приоритетов и проектов как вклад в План действий “Северного измерения”», который был представлен на 2-й конференции министров иностранных дел по программе «СИ» в Люксембурге [226]. Для мониторинга реализации первого Плана действий на 2000–2003 гг. Комитет старших должностных лиц назначил страны, ответственные за каждый из девяти приоритетных секторов, обозначенных в Списке [126]. 25 января 2002 г. на специальной сессии в Брюсселе представители этих стран выступили с докладами. По итогам

сессии был обнародован документ, посвященный вкладу СГБМ в План действий программы «СИ» [155].

Впоследствии СГБМ наряду с другими региональными структурами также принимал участие в разработке второго Плана действий программы «СИ» на 2004–2006 гг. Однако, как отмечают немецкие исследователи Гэнцле и Хубель, при разработке программных документов «Северного измерения» Евросоюз далеко не всегда прислушивался к предложениям СГБМ. Более того, по их мнению, в реализации этой программы СГБМ отводилась неоправданно заниженная роль [185, с. 409].

Оценка результатов программы «СИ» сопряжена с серьезными сложностями. Прежде всего это обусловлено тем, что ее цель и задачи были сформулированы слишком абстрактно: усиление сотрудничества и координации, выработка позитивной взаимозависимости и т. д. При отсутствии четких критериев выполнения поставленных задач и ясно сформулированной цели, достижению которой служит их решение, любые оценки достигнутого прогресса будут носить субъективный характер. Исходя из формулировки поставленных перед программой задач, можно с уверенностью сказать, что она была в большей степени ориентирована на процесс сотрудничества, чем на его результаты. В этом смысле программа «СИ» фактически дублировала функции СГБМ, став еще одним международным форумом для неформального диалога ЕС с государствами Балтийского региона.

Можно согласиться с такими исследователями, как Х. Хаукалла и М. Валь, которые указывали на изначальное отсутствие у этой программы четкой направленности и конкретного содержания. Их аргументация строилась на том, что действие программы распространялось практически на все сферы регионального сотрудничества, кроме военной. А из ее программных документов складывалось впечатление, что все они являются приоритетами «СИ». Как писал по этому поводу М. Валь, «когда все является приоритетом, в действительности это свидетельствует об отсутствии при-

оритетов» [313, с. 4]. Правда, в 2001 г. на саммите ЕС в Фейре и министерской конференции в Люксембурге из общего списка все же было выделено несколько приоритетных направлений. К ним были отнесены: экология (включая ядерную безопасность), борьба с трансграничной преступностью и проблема Калининграда [201, с. 70]. Во втором Плане действий программы «СИ» особое внимание уделялось проблемам минимизации негативных последствий для сотрудничества в регионе после вступления Балтийских стран и Польши в ЕС [305, с. 3].

В качестве еще одной важной характеристики программы «СИ» зачастую выделяют ее институциональную слабость. Помимо отсутствия собственных институциональных структур и бюджетных инструментов источником этой слабости являлся комплексный характер программы. Хотя считалось, что «СИ» является частью ОВПБ, цели и задачи программы включали как элементы осуществления внешней политики Евросоюза, так и распространение на страны региона ряда сторон его внутренней политики. Поэтому, как отмечает К. Аркер, Еврокомиссия не могла поручить ответственность за реализацию «СИ» какому-либо одному из своих 20 генеральных директоратов [135, с. 33]. Кроме того, П. Йоэнниemi обращает внимание на тот факт, что Еврокомиссия, осуществлявшая общее руководство программой, не обладала достаточными законодательными и исполнительными полномочиями. Все ее решения должны были утверждаться Европейским советом. Это значительно усложняло процесс принятия решений и ставило развитие программы в большую зависимость от того, какая из стран ЕС в данный момент председательствовала в Совете и, соответственно, интересы какого региона в нем доминировали [201, с. 71]. Не удивительно, что наиболее благоприятными для развития «СИ» были периоды председательства Финляндии, Швеции и Дании [34, с. 81].

Дать объективную оценку прогресса в конкретных областях реализации «СИ», перечисленных в его «Планах дей-

ствий» и других программных документах, также довольно сложно, но по иной причине. Многоуровневый подход и размытая институциональная структура, которые по замыслу разработчиков должны были освободить программу от бюрократизма и придать ей особую гибкость, на практике обернулись путаницей и дублированием функций. Как отмечает российский исследователь К. Воронов, каждое ведомство или структура ЕС, участвовавшие в реализации «СИ», стремились записать успехи программы на свой счет, что вело к их двойному учету [34, с. 83]. В актив программы зачастую записываются проекты, реализация которых началась в рамках ФАРЕ, ТАСИС, ИНТЕРРЕГ или на двусторонней основе между государствами региона задолго до ее принятия (например, Objective 1, ИНТЕРРЕГ ПА, российско-финское взаимодействие на основе межправительственного соглашения 1992 г. о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелии, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и т. д.). В итоге сведения об успехах программы «СИ», представленные в ежегодных отчетах Еврокомиссии, зачастую были существенно завышены.

Фактически за расплывчатыми формулировками о формировании позитивной взаимозависимости и усилении всестороннего сотрудничества стран региона Европейский союз ставил две вполне конкретные задачи: подготовка к вступлению в ЕС Балтийских стран и Польши и обеспечение стабильных поставок энергоресурсов из северных регионов России. Так, К. Аркер отмечает, что программа «СИ» мало что добавила к уже принятым до нее стратегиям подготовки стран-кандидатов к вступлению в Союз и Общей стратегии ЕС в отношении России [135, с. 33]. В этой связи представлялось вполне логичным, что действие программы должно было завершиться после расширения 2004 г., когда большинство участвовавших в ней стран стали членами ЕС и, следовательно, большая часть ее проблемного поля отошла в сферу внутренней политики Союза. Поэтому в ЕС и странах-кандидатах развернулись дебаты о трансформации

«СИ» после окончания срока второго Плана действий программы в 2006 г. В 2002–2004 гг. активно обсуждались проекты трансформации «Северного измерения» в восточное путем подключения к нему помимо России и остальных восточных соседей расширяющегося Евросоюза [91].

Однако, вопреки прогнозам, ЕС продолжает реализацию данной программы и по сей день. Ее развитие после 2006 г. обсуждалось на четвертой министерской встрече по «СИ», состоявшейся в ноябре 2005 г. Было принято решение о выработке документа, который бы определял общие концептуальные основы программы и действовал постоянно, в отличие от принимавшихся ранее трехгодичных Планов действий [206, с. 2]. В принятом на встрече документе отмечалась необходимость более реалистичного подхода к определению целей и задач «СИ», а также сокращение сфер деятельности программы, исходя из ограниченности ее ресурсов [127, с. 4]. 24 ноября 2006 г. был принят документ «Структура политики Северного измерения», в котором были заложены концептуальные основы обновленной программы «СИ». Ее центральным элементом становились четыре «общих пространства» (common spaces), согласованных на саммите ЕС-Россия в мае 2005 г. [246, с. 3]. Отмечалось, что теперь основное внимание программы будет сосредоточено на развитии северо-западных регионов России. В качестве наиболее подходящей для осуществления проектов в рамках «СИ» была определена модель «партнерств» (Partnerships model) по примеру ЭПСИ. В плане финансирования программы сохраняется неопределенность. Так, на министерской встрече 2005 г. основным источником финансирования со стороны ЕС определялся новый Европейский инструмент соседства и партнерства (ENPI) [189, с. 4]. Однако в «Структуре политики Северного измерения» он нигде не упоминается.

Таким образом, во взаимодействии ЕС со странами Балтийского региона в рассматриваемый период можно выделить два этапа. Разделительной чертой между ними стало расширение 1995 г. До него Балтийский регион занимал второсте-

пенную роль в структуре внешнеполитических приоритетов Союза. В условиях, когда только два члена ЕС (Дания и в меньшей степени ФРГ) имели серьезные интересы в данном регионе, его участие в деятельности СГБМ и других региональных структур было номинальным.

Однако такая ситуация начала меняться уже накануне расширения 1995 г., которое зачастую называют «северным». Это видно, например, в послании Еврокомиссии от 25 октября 1994 г. После вступления в ЕС Швеции и Финляндии произошла существенная активизация его балтийской политики. С этого момента начинается разработка планов комплексной стратегии Союза в отношении Балтийского региона. Кульминацией этого процесса стало принятие программы «Северного измерения» ЕС.

В балтийской политике ЕС также можно выделить два основных направления. Первое из них было обусловлено стратегией расширения Евросоюза. Его конечной целью была интеграция большинства государств региона в состав Союза и распространение на них системы коммунитарного права ЕС. Второе направление строилось на восприятии Балтийского региона в качестве объекта внешней политики ЕС, поскольку не все его государства являлись кандидатами на вступление в Союз. Воплощением этого направления стала модель региональных «измерений», впервые опробованная ЕС в Средиземноморском регионе. Такая двойственность балтийской политики Евросоюза привела к размыванию ее целей и задач. В итоге значимый успех был достигнут лишь по первому направлению.

2.2. Особенности подготовки стран Балтии к вступлению в НАТО. Региональные инициативы в рамках программы «Партнерство ради мира»

Важную роль в развитии партнерства между НАТО и переходными странами Балтийского региона сыграли программы регионального военного сотрудничества. Их основными участниками стали три государства Балтии, стремившиеся вступить в Альянс, и ближайшие к ним государства, члены

НАТО (ФРГ, Дания, Норвегия). Центральное место среди проектов регионального военного сотрудничества занимала учрежденная в 1997 г. Балтийская группа по содействию безопасности (BALTSEA). Она стала главным вкладом стран региона в натовскую программу ПРМ. В ее рамках был реализован целый ряд проектов, таких как создание совместного Балтийского миротворческого батальона (BALTBAT), сводной Балтийской военно-морской эскадры (BALTRON), Балтийского оборонного колледжа (BALTDEFCOL) и др. Руководство программой осуществлялось на двух уровнях. На первом из них происходила разработка конкретных проектов и планов их развития. Основным руководящим органом здесь выступал Комитет министров обороны трех Балтийских стран. На втором уровне осуществлялись общая координация и контроль проектов, а также определение размеров международной помощи на их реализацию. Здесь главную роль играла Руководящая группа, в состав которой входили не только страны Балтии, но и заинтересованные в поддержке данной программы западные государства. Для управления конкретными проектами также назначались по два ответственных государства – одно из числа Балтийских и одно из числа западных стран, среди которых наибольшую активность проявляли северные государства и ФРГ [141].

Первым совместным проектом Литвы, Латвии и Эстонии в сфере военного сотрудничества стал BALTBAT. Решение о его формировании было принято тремя Балтийскими странами в декабре 1993 г., т. е. еще до официального принятия программы ПРМ [43, с. 119]. Это формирование создавалось в основном для участия в миротворческих операциях. Для его комплектации каждая из трех стран должна была направить около 200 военнослужащих. «Меморандум о согласии по поводу создания Балтийского батальона» также подписали и другие страны Балтийского региона: Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия. Впоследствии эти государства оказывали существенную помощь в сфере материально-технического обеспечения и подготовки личного состава

батальона. Так, в 1997 г. эстонский контингент BALTBAT проходил подготовку на базе норвежских миротворческих сил в Ливане [46, с. 40]. Впоследствии батальон получил и практический опыт участия в военных операциях. С 1998 г. его подразделения участвовали в операции по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине [140].

Еще одним проектом, осуществленным в рамках программы BALTSEA, стало образование в 1997 г. сводной Балтийской военно-морской эскадры (BALTRON). Ее штаб-квартира была размещена в Эстонии. Главная задача эскадры заключалась в очистке от мин акватории Балтийского моря. Кроме того, она могла быть использована для спасательных операций на море. Еще одна важная функция BALTRON заключалась в отработке военно-морскими силами Балтийских стран военных стандартов НАТО.

Помимо проектов, реализованных в рамках инициативы BALTSEA, можно привести и другие примеры многостороннего и двустороннего военного сотрудничества в Балтийском регионе. Значительную активность в нем проявляли ФРГ, Дания и Польша. Так, в 1997 г. на базе германско-датского командования LANDJUT был образован многонациональный корпус «Северо-восток» («Northeast»), в который вошли немецкая, датская и польская дивизии [217, с. 245]. Штаб-квартира этого формирования размещена в Щецине (Польша). После того, как Польша стала официальным кандидатом на вступление в НАТО, страны Балтии стали активно развивать с ней военное и политическое сотрудничество. В особенности это видно на примере Литвы, которая стремилась перенять «польскую модель» интеграции в НАТО [10, с. 3; 204, 142].

Еще одной важной сферой военного сотрудничества в регионе стала международная помощь государствам Балтии в деле создания национальных вооруженных сил и укрепления их обороноспособности. Главными направлениями здесь стали поставки военной техники и оборудования, а также обучение воинских кадров. Так, подавляющая часть военно-морского флота Литвы, Латвии и Эстонии состоит из судов,

предоставленных на безвозмездной основе Германией [217, с. 244–245]. Значительная часть их офицерского состава обучалась в военных учреждениях Швеции, Финляндии и Дании [290, с. 41]. Отдельно следует выделить позицию Дании, которая фактически взяла на себя роль координатора западных программ по укреплению безопасности стран Балтии. В июне 1997 г. по ее инициативе была сформирована т. н. Копенгагенская группа, которая в дальнейшем на регулярной основе рассматривала вопросы обеспечения потребностей Литвы, Латвии и Эстонии в военной сфере [119, с. 7].

Следующим важным событием в развитии отношений стран Балтии и НАТО стал Мадридский саммит Альянса 1997 г., на котором были названы кандидаты первого раунда расширения. Поскольку ни одна из Балтийских стран в их число не вошла, это побудило руководство Литвы, Латвии и Эстонии отказаться от тактики «форсированной интеграции» и пересмотреть свою прежнюю политику в сторону более реалистичной оценки международной ситуации, более прагматичного и комплексного подхода в подготовке своих стран к вступлению в Альянс [13, с. 1; 89, с. 2].

Прежде всего эти три государства стремились доказать, что в случае приема в Альянс они станут не только «потребителями» безопасности, но смогут и сами внести определенный вклад в укрепление обороноспособности блока. Основной акцент при этом был сделан на участие в миротворческих операциях НАТО. Так, в 1997 г. одно из подразделений VALTBAT прошло подготовку на базе норвежского миротворческого контингента в Ливане [46, с. 39]. Кроме того, военный и гражданский персонал из стран Балтии участвовал во всех миротворческих операциях НАТО на Балканах. Как правило, балтийские миротворцы несли службу совместно с контингентами из северных стран. Конечно, в силу объективных причин практическое значение их участия в этих операциях было не велико. Однако оно призвано было продемонстрировать членам Альянса лояльность Балтийских государств его политике и их готовность активно участвовать

в ее реализации [136, с. 57]. Так, Эстония направила в Боснию и Косово около 900 миротворцев. Как отмечают эксперты американского Центра стратегических исследований, в процентном отношении от численности населения страны это был самый большой вклад среди государств, направивших свои войска в эти миротворческие миссии [301, с. 9].

Кроме того, Литва, Латвия и Эстония стремились сформировать национальные вооруженные силы, полностью совместимые со стандартами блока, что должно было облегчить их последующую интеграцию в его военные структуры. С этой целью проводились регулярные консультации с экспертами НАТО по вопросам военного строительства. Подготовка офицерского состава балтийских армий также в основном осуществлялась в странах НАТО. Большое внимание уделялось и практической отработке натовских стандартов в ходе совместных военных учений. В плане проведения наземных учений наиболее преуспела Литва. Начиная с середины 1990-х гг. на ее территории проводились ежегодные учения «Янтарная долина» и «Зимняя долина», в которых участвовали военные эксперты и воинские подразделения из стран НАТО и остальных государств Балтии. В 1998 г. на ее территории состоялись крупные учения под названием «Балтийский вызов», в которых помимо вооруженных сил стран Балтии приняли участие 2000 военнослужащих США. Что касается военно-морских учений, здесь первенство принадлежало Латвии, которая начиная с 1996 г. провела ряд совместных учений с ФРГ, США и Швецией [42, с. 27].

После Вашингтонского саммита НАТО начался новый этап в отношениях Альянса со странами Балтийского региона. Решение саммита о продолжении политики «открытых дверей» после принятия Польши, Чехии и Венгрии дало старт подготовке к новому раунду восточного расширения НАТО. А тот факт, что государства, которые войдут в следующий раунд расширения, не были названы, способствовал усилению соперничества между странами-кандидатами. На этом же саммите был принят План действий по подготовке к член-

ству (МАП), который стал дополнительным инструментом подготовки кандидатов к вступлению в Альянс. Целью данной программы было помочь этим странам достичь стандартов НАТО и лучше подготовиться к вступлению, исходя из их особенностей и потребностей, которые каждая из них должна была излагать в ежегодных индивидуальных планах [302].

Государства Балтии объективно имели наиболее слабые шансы на вступление, поскольку против их членства в НАТО упорно возражала Россия. Как отмечали некоторые военные эксперты, обеспечить эффективную оборону территории Литвы, Латвии и Эстонии в случае потенциального конфликта с Россией стало бы для НАТО чрезвычайно сложной с геостратегической точки зрения задачей [78]. В этих условиях страны Балтии выработали собственные стратегии по интеграции в Альянс, которые были призваны доказать его руководству, что именно они являются наиболее подготовленными к вступлению среди всех кандидатов и что их принятие будет способствовать усилению не только их собственной безопасности, но и безопасности НАТО в целом [65, с. 7]. Важным элементом этих стратегий становится развитие регионального военного сотрудничества. Оно включало целый ряд программ и проектов, в которых в той или иной степени участвовали практически все государства Балтийского региона, кроме России. Помимо региональных проектов, которые уже были рассмотрены выше, следует упомянуть еще два – BALTDEFCOL и BALTNET.

Одной из главных задач, которая стояла перед Литвой, Латвией и Эстонией в деле интеграции в НАТО, была подготовка кадров для создания вооруженных сил полностью совместимых со стандартами Альянса. В этой связи наиболее значимым для трех государств проектом можно считать создание в г. Тарту (Эстония) высшего Балтийского оборонного колледжа (BALDEFCOL). С 1999 г. это учреждение занимается подготовкой высшего офицерского состава Литвы, Латвии и Эстонии, а также гражданских служащих для работы

в структурах их министерств обороны и генеральных штабов. Колледж получил международное признание, и наряду с представителями оборонных структур Балтийских стран в нем с 2002 г. обучаются специалисты из других государств ЦВЕ, а также из Грузии [140].

Но, пожалуй, наиболее значимым для НАТО стал проект формирования Балтийскими странами единой системы наблюдения за воздушным пространством и обмена данными – BALTNET. Решение о ее создании было принято еще в 1996 г., однако практическая реализация проекта затянулась в связи с необходимостью закупки современных радаров и другой дорогостоящей техники. В итоге система вступила в действие лишь в 2000 г. После присоединения стран Балтии к НАТО и объединения BALTNET с системами наблюдения блока Альянс получил возможность наблюдения и контроля не только за воздушным пространством Литвы, Латвии и Эстонии, но и за соседними регионами России и Беларуси. Как отмечают военные эксперты, радиус действия некоторых входящих в BALTNET радаров достигает 1000 км [19, с. 53].

Существенное развитие получило и польско-литовское сотрудничество. С сентября 1999 г. литовское подразделение участвовало в военной операции НАТО в Косово в составе польского батальона [216]. А в рамках соглашения о двустороннем военном партнерстве на 2001–2003 гг. был сформирован совместный литовско-польский мотострелковый батальон (LITPOLBAT) [227, с. 34].

Хотя столь обширное военное партнерство в регионе создавало предпосылки для формирования региональной системы коллективной обороны, они так и не были реализованы из-за упорного неприятия Балтийскими странами и Польшей любых форм регионализации в сфере безопасности, которые препятствовали бы их интеграции в более широкие западные оборонные структуры. Так, представитель МИД Эстонии Г. Тиидо заявил в 2000 г. на региональной конференции в Стокгольме, что безопасность региона может

быть достигнута лишь путем его включения в общеевропейскую систему безопасности, основу которой составляет НАТО, и поэтому «не может быть и речи об отдельной балтийской системе безопасности» [308, с. 19]. Таким образом, возможности регионального военного сотрудничества были существенно ограничены. Фактически его главная задача сводилась к развитию военного партнерства между переходными государствами Балтии и блоком НАТО и их подготовке к интеграции в военные структуры Альянса.

Следующим направлением стратегий стран Балтии по интеграции в Альянс стало приведение национального законодательства в соответствие с его вступительными требованиями. Так, литовскому сейму пришлось исправить 137-ю статью конституции, которая запрещала размещение на территории страны иностранных войск и военных объектов [19, с. 54]. Кроме того, для государств, «участвующих в евроатлантической интеграции», в январе 2002 г. были введены преференции в сфере военного транзита через литовскую территорию [112, с. 7]. Законодательное закрепление получило и требование НАТО об установлении гражданского контроля над вооруженными силами. Наиболее сложным в выполнении для Балтийских стран оказалось требование Альянса о пересмотре государственных бюджетов и выделении на нужды обороны не менее 2 % ВВП. Накануне Пражского саммита НАТО ближе всех к выполнению этого показателя подошла Литва [301, с. 9].

Важное направление составляла и дипломатическая работа по лоббированию включения Балтийских стран в следующий раунд расширения. Здесь можно выделить два основных подхода: совместное лоббирование, целью которого являлось одновременное принятие в НАТО всех трех республик, и стремление каждой из них доказать, что именно она является наиболее подготовленным кандидатом и ее принятие будет наименее проблемным для Альянса. В качестве примера совместного лоббирования можно привести т. н. «Вильнюсскую группу», в деятельности которой участвовали

практически все страны-кандидаты и ряд западных политиков. Целью данной инициативы, начатой весной 2000 г., было убедить Альянс начать в ноябре 2002 г. переговоры о вступлении с возможно большим числом кандидатов [100, с. 6]. Кроме того, весной 2002 г. состоялись совместные визиты министров обороны Литвы, Латвии и Эстонии в США и ФРГ с целью убедить руководство НАТО в том, что принятие стран Балтии укрепит безопасность Альянса и не создаст серьезных международных проблем [101, с. 6]. Примером индивидуального лоббирования может служить активная пропагандистская работа литовского руководства с американскими конгрессменами [59, с. 6; 165, с. 46] и дипломатами стран НАТО [99, с. 6]. При этом можно согласиться с экспертом Министерства национальной обороны Литвы К. Паулаускасом, что в данном вопросе соперничество между странами Балтии почти всегда преобладало над совместными действиями [259, с. 22].

Таким образом, на рубеже 1990–2000-х гг. в Балтийских странах формируются комплексные стратегии по интеграции в НАТО, к осуществлению которых были привлечены практически все государственные институты. С этой же целью в правительствах и дипломатических ведомствах государств Балтии создаются отдельные структуры по подготовке к вступлению в Альянс, зачастую наделенные весьма значительными властными полномочиями [102, с. 18]. Кроме того, среди политических сил Литвы, Латвии и Эстонии сложился редкий консенсус по данному вопросу. Независимо от того, находились ли у власти правые, левые или центристы, ни одно правительство не подвергло сомнению курс на интеграцию в НАТО. Настойчивость, с которой Балтийские государства добивались членства в этой организации, позволяет сделать вывод о первоочередности данной задачи в системе их внешнеполитических приоритетов в 1990-е гг.

Несмотря на выраженную проамериканскую ориентацию политики государств Балтии и их активное стремление стать членами НАТО, вплоть до начала 2000-х гг. сохранялась

неопределенность относительно того, будет ли новая система безопасности в регионе формироваться под эгидой Североатлантического альянса или вне его рамок. Здесь можно выделить три основные альтернативы:

- формирование в регионе пояса нейтральных государств и, таким образом, превращение его в буферную зону между военно-политическими структурами Запада и постсоветского пространства;

- создание самостоятельной балтийской региональной системы коллективной безопасности;

- обеспечение безопасности региона за счет его интеграции в формирующиеся структуры безопасности ЕС.

Единственным последовательным сторонником реализации первого из этих сценариев была Россия. Для Москвы представлялось чрезвычайно важным любыми средствами предотвратить вступление в НАТО своих бывших союзников по Варшавскому договору и, тем более, бывших республик СССР. Однако после стремительной потери позиций на Балтике в начале 1990-х гг. ее возможности повлиять на ситуацию были крайне ограничены. Поэтому в российском руководстве получает широкое распространение идея нейтрализации Балтийского региона. Ее основой должны были стать перекрестные гарантии безопасности расположенным здесь государствам со стороны Запада и России в обмен на их отказ от участия в каких-либо военных блоках, выходящих за пределы региона. При этом российские предложения не отвергали возможность формирования региональных структур безопасности, а также участия стран региона в процессе европейской интеграции. В качестве главного аргумента в пользу нейтрализации региона Москва называла возможность избежать прямого соприкосновения вооруженных сил НАТО и России и тем самым снизить риск возникновения нового крупномасштабного конфликта в Европе [113].

Однако российские предложения не нашли поддержки за рубежом. Можно согласиться с заместителем директора Центра политических исследований в России ПИР Ю. Е. Фе-

доровым, который указал три причины неприемлемости этого плана как для самих государств Балтийского региона, так и для Запада. Во-первых, в этом случае был бы зафиксирован особый военно-политический статус стран Балтийского региона и их отличие в этом отношении от большинства европейских государств, что, естественно, шло вразрез с их магистральным политическим курсом на «возвращение в Европу». Во-вторых, гарантии безопасности, которые они получили бы от Запада и России в случае провозглашения нейтралитета были в практическом плане намного слабее, чем те, которые им могла предоставить система коллективной обороны в рамках НАТО. Наконец, требование о создании нейтральной буферной зоны между Россией и НАТО означало для многих западных политиков, что, несмотря на прекращение холодной войны, Москва считает вполне вероятным в перспективе начало нового военного противостояния в Европе [113]. Позицию Запада по данному вопросу охарактеризовал британский военный эксперт Д. Остин. Он отметил, что с точки зрения обеспечения безопасности нейтрализация и демилитаризация Балтийского региона не представляет интереса ни для Запада, ни для самих государств этого региона. Она лишь усилит уязвимость малых стран Балтии и принесет односторонние стратегические преимущества России, которая сможет разворачивать превосходящие вооруженные силы в непосредственной близости от этих государств, что в условиях внутренней нестабильности в самой России может представлять серьезную угрозу их безопасности [137, с. 7].

Что касается планов создания региональной организации по безопасности, здесь можно упомянуть проект, выдвинутый администрацией Б. Клинтона в середине 1990-х гг. В соответствии с ним планировалось, что региональная система обороны будет предусматривать союзнические обязательства только на военный период при отсутствии в мирное время единых координирующих органов и объединенного командования. В ее компетенцию должны были входить вопросы

обеспечения мирного развития региона, заполнения «вакуума силы», образовавшегося после распада СССР, и совместное отражение странами региона возможной агрессии без привлечения военной помощи извне. Фактически этот проект представлял собой политическую уступку России. Хотя, как отмечают российские военные эксперты А. Мешков и А. Николаев, такой вариант был достаточно выгоден и для самих США [68, с. 7]. Его реализация позволила бы Вашингтону создать сильный противовес возможному восстановлению российского влияния на Балтике, поскольку ни у кого не вызывало сомнений, что региональный блок будет в целом придерживаться прозападной ориентации. Вместе с тем формально соблюдалось требование Москвы о неучастии государств региона в военной структуре НАТО. Кроме того, этот вариант позволил бы США переложить основное бремя ответственности (в т. ч. и финансовое) за обеспечение безопасности слабых государств Балтии на северные страны, которым отводилась роль локомотива новой региональной системы безопасности. Так, в марте 1996 г. аналитики американского центра РЭНД предложили Швеции, как ведущему государству Северной Европы, самостоятельно или совместно с другими странами взять на себя ответственность за безопасность стран Балтии. Бывший министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд также выразил поддержку идее создания балтийской региональной системы безопасности, в которую бы вошли Швеция, Финляндия и три Балтийских государства.

Таким образом, в середине 1990-х гг. данная идея получила поддержку в политических кругах Запада. Однако Швеция и Финляндия однозначно отказались от участия в данном проекте. Правительство Швеции, в частности, мотивировало свой отказ тем, что издержки, связанные с предоставлением страной военных и политических гарантий государствам Балтии, значительно превысят преимущества, которые ей может предоставить статус региональной сверхдержавы [117, с. 81].

Третий вариант обеспечения региональной безопасности вне рамок НАТО предполагал подключение стран региона в ходе интеграции в ЕС к европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО). Этот вариант имел целый ряд преимуществ перед остальными. Прежде всего, он не противоречил общему политическому курсу переходных государств региона на полномасштабную интеграцию в Европу. Кроме того, интеграция в европейскую систему коллективной безопасности позволяла преодолеть ограниченность ресурсов региона в оборонной сфере и в то же время не обострять отношения ни с одной из великих держав, поскольку и Россия, и США относились к развитию ЕПБО и подключению к ней переходных государств ЦВЕ вполне лояльно [40, с. 42].

Тем не менее, несмотря на все эти преимущества, ЕПБО так и не стала для большинства стран Балтийского региона альтернативой членству в НАТО. В данной связи можно выделить две основных причины, по которым они отдали предпочтение в сфере обеспечения безопасности именно НАТО, а не ЕС. Прежде всего, это незавершенность становления военно-политической составляющей европейской интеграции. Темпы политической интеграции в рамках Евросоюза значительно отстают от интеграции экономической. Дискуссии о формировании общей политики безопасности и обороны начались лишь в 1990-е гг. и сопровождались серьезными разногласиями по ключевому вопросу о том, нужны ли ЕС собственные военные структуры, независимые от командования НАТО [77, с. 14–16]. Значительная часть членов ЕС отвергала такую возможность, выступая против дублирования Евросоюзом функций НАТО. В итоге на саммите в Кельне в 1999 г. было принято компромиссное решение по ЕПБО. Хотя она и стала частью политики ЕС, ее функции сводились, главным образом, к проведению небольших антикризисных и гуманитарных операций в тесном взаимодействии с НАТО. Таким образом, к началу 2000-х гг. военно-политическая составляющая европейской интеграции

находилась еще в стадии становления и формирования самостоятельной системы коллективной безопасности ЕС, способной конкурировать с той, что была создана в Североатлантическом альянсе, представлялось маловероятным.

Вторая причина была связана с внутренними разногласиями в ЕС относительно путей дальнейшего развития ЕПБО. Как было отмечено выше, введение в процесс европейской интеграции военно-политической составляющей вызвало острую дискуссию среди членов ЕС, которая остается актуальной и по сей день.

Говоря об отношении к ЕПБО государств Балтийского региона, следует особо отметить позицию северных стран, которые примкнули к числу наиболее последовательных противников ее усиления. Все они стремились сохранить гарантии своей территориальной безопасности вне рамок Евросоюза [187, с. 219]. Дания, например, ратифицировала Маастрихтский договор, лишь получив право не участвовать в ряде областей европейской интеграции, в т. ч. в сфере ОВПБ (т. н. датские «оговорки»). Для Швеции и Финляндии было крайне важно, чтобы членство в ЕС не противоречило их статусу государств, не участвующих в военных союзах. Поэтому одним из главных условий присоединения к ЕС для них было невмешательство этой организации в вопросы военной безопасности.

Кроме того, все северные страны выступали за сохранение американского присутствия в Европе и ведущей роли НАТО в вопросах европейской безопасности. Как и другие небольшие государства ЕС, они считали, что американское влияние должно стать противовесом растущему политическому доминированию в Европе Франции и Германии. Даже правительства Швеции и Финляндии, которые не являются членами НАТО, заявили, что дальнейшее развитие трансатлантических связей будет способствовать усилению безопасности их стран [132, с. 50]. Наконец, все три государства отдают предпочтение развитию ЕПБО по пути формирования гражданских антикризисных сил (полицейские

формирования, спасательные службы и т. д.), а не системы коллективной обороны, основанной на создании общих воинских подразделений и единого командования [187, с. 221].

Вместе с тем в позициях Дании, Швеции и Финляндии есть существенные расхождения. Они связаны с отношением к развитию политической составляющей европейской интеграции в целом и видением будущих отношений ЕС и НАТО. Так, Дания, являясь членом обеих этих организаций, в соответствии с «оговорками» к Маастрихтскому договору не участвует в выработке и осуществлении ОВПБ и ЕПБО. Поэтому в вопросах военно-политического сотрудничества она отдает явное предпочтение НАТО. Членство в этой организации рассматривается как важный стратегический ресурс страны, повышающий ее вес в европейской политике. Поэтому датское руководство серьезно обеспокоено возможностью ослабления Альянса в результате дальнейшего усиления ЕПБО и более независимой роли ЕС на политической арене. Швеция и Финляндия заняли на этот счет более нейтральную позицию, выступая как за дальнейшее усиление ЕПБО, так и за углубление трансатлантических связей. Северные страны опасаются, что создание в ЕС наднациональных структур по безопасности приведет к его федерализации. Из трех государств лишь Финляндия находит подобный вариант развития европейской интеграции приемлемым для себя [187, с. 220].

Что касается Балтийских стран, то они, не являясь на тот момент полноправными членами Евросоюза, не могли влиять на разработку ЕПБО. Однако, отставая по выполнению экономических критериев вступления от других кандидатов из ЦВЕ, они стремились восполнить этот недостаток за счет политической лояльности [136, с. 57]. Желая продемонстрировать серьезность своих намерений интегрироваться в западное сообщество и играть активную роль в качестве будущих членов ЕС, эти государства были готовы участвовать во всех сферах европейской интеграции, включая и ЕПБО. Вместе с тем они рассматривали участие в ней

лишь как дополнительный фактор обеспечения своей безопасностью, а не альтернативу вступлению в НАТО. Незавершенность формирования ЕПБО и острые разногласия внутри ЕС по ключевым вопросам ее развития, а также скептическое отношение всех его североевропейских членов к усилению данного направления европейской интеграции воспрепятствовали формированию новой системы безопасности Балтийского региона под эгидой Евросоюза.

2.3. Процесс определения конкретных условий и сроков принятия государств Балтии в ЕС и НАТО

Решение Люксембургского саммита вызвало бурную критику как со стороны стран-кандидатов, не вошедших в Люксембургскую группу, так и в самих государствах ЕС. Многие эксперты и политики утверждали, что дифференциация кандидатов на данном этапе приведет к усилению разрыва между ними и дальнейшему отставанию тех стран, с которыми было решено пока не начинать переговоры. Международная обстановка также способствовала изменению позиции Евросоюза по данному вопросу. Косовский кризис 1999 г. возродил стратегические и политические мотивы восточного расширения и способствовал ускорению переговоров о вступлении со странами ЦВЕ [38, с. 57]. В итоге на Хельсинкском саммите в декабре 1999 г. было принято решение о начале переговоров о вступлении с оставшимися кандидатами, в т. ч. с Латвией и Литвой. Эта группа, включавшая шесть государств, получила название Хельсинкской. Решение Хельсинкского саммита отменяло ранее принятую модель расширения, в соответствии с которой кандидаты делились на две группы – первой и второй волны. В основу нового подхода был положен т. н. «принцип регаты» – когда стартовавшие первыми далеко не всегда первыми приходят к финишу [1, с. 6]. При этом точная дата расширения так и не была названа. ЕС лишь дал политическое обещание,

что будет со своей стороны готов принять новых членов к 2002 г. [38, с. 57].

Следующей важной вехой подготовки восточного расширения стало начало непосредственных переговоров о вступлении. С государствами Люксембургской группы они были начаты 31 марта 1998 г., а со странами Хельсинкской группы – 15 февраля 2000 г. Переговоры проводились в форме многосторонних и двусторонних встреч между членами ЕС и странами-кандидатами. Центральным элементом данного процесса стала проверка (screening) европейского права *acquis communautaire*. Этот процесс был начат одновременно с обеими группами кандидатов. Таким образом, в условиях, когда Брюссель еще не принял решения о начале переговоров о вступлении со странами Хельсинкской группы, они получили возможность сократить отставание от кандидатов первой волны.

Для удобства ведения переговоров вся правовая база *acquis* была разделена на 31 главу. Правда, переговоры велись только по 29 из них, поскольку глава 31 («Разное») оказалась пустой, а глава 30 («Институты ЕС») обсуждению не подлежала [280, с. 131]. По рекомендации Еврокомиссии, государства-члены ЕС принимали решение, в каком порядке открывать эти главы с каждой из стран-кандидатов, после чего те должны были провести экспертный анализ этих глав и подготовить отчет о том, какие из перечисленных в них норм уже имплементированы в их национальное законодательство и в какие сроки будут имплементированы остальные нормы. Если страна не могла или не желала принять какие-либо из этих норм к моменту своего вступления, она должна была детально разъяснить эти вопросы в своем отчете. То же самое касалось вопросов, связанных с различием в трактовках норм *acquis*. В первом случае государство могло обратиться к Евросоюзу с просьбой предоставить ему отсрочку в выполнении этих норм, а во втором – с запросом дать их более полное толкование. После получения отчета ЕС вырабатывал общую позицию, которая затем

сообщалась стране-кандидату. Он мог удовлетворить просьбы этой страны, изложенные в отчете, отклонить их или предложить альтернативное решение проблем. В свою очередь страна-кандидат могла либо принять условия Брюсселя (в этом случае глава считалась закрытой), либо отклонить их. Тогда стороны проводили повторные исследования по спорным вопросам и, в итоге, одна из них должна была пойти на уступки. При этом даже те главы, по которым было достигнуто согласие между ЕС и страной-кандидатом, считались закрытыми лишь предварительно. Брюссель объяснял это тем, что европейское право находится в постоянном развитии и за время, оставшееся до расширения, в закрытые главы могут быть внесены существенные изменения, которые потребуют дополнительного согласования. Кроме того, он настаивал, что окончательное решение будет приниматься единым пакетом после согласования позиций по всем главам и завершения переговорного процесса с конкретной страной.

Таким образом, переговоры фактически сводились к тому, что страны-кандидаты должны были принять условия Евросоюза. Возможности добиться уступок от Брюсселя были минимальными, поскольку сама процедура согласования интересов 15 государств-членов ЕС и выработки новой общей позиции занимала длительное время, и страна-кандидат, требовавшая серьезных уступок, рисковала отстать от остальных по темпу переговорного процесса и не попасть в первый раунд расширения. Так, руководству Литвы, чтобы не отстать от остальных кандидатов, пришлось значительно смягчить свою позицию по вопросам о сроках закрытия Игналинской АЭС и о праве Литвы на дальнейшее использование ядерной энергетики [46, с. 6; 66, с. 6]. Фактически между кандидатами развернулось соперничество за то, чтобы быстрее открыть и согласовать все главы *acquis*. На июнь 2001 г. Эстония предварительно закрыла с ЕС 19, Литва – 15, а Латвия – 13 глав [280, с. 136–137].

Последний этап в подготовке расширения был связан с определением конкретной даты вступления государств-кан-

дидатов. Важно отметить, что сроки расширения зависели не только от их готовности выполнить вступительные критерии, но и от готовности самого ЕС принять такое большое количество новых членов. Планировалось, что после восточного расширения число членов Союза увеличится почти в два раза – с 15 до 27. Поэтому была необходима серьезная реформа всех его институтов. Вопросы институциональной реформы занимали центральное место на межправительственной конференции, предшествовавшей подписанию Амстердамского договора. Однако этот договор не решил данной проблемы. Договоренность по вопросу институциональной реформы была достигнута лишь на саммите в Ницце в декабре 2000 г. и закреплена в одноименном договоре [38, с. 58]. После завершения ратификации Договора Ниццы на Копенгагенском саммите в декабре 2002 г. было принято решение о завершении вступительных переговоров с восемью кандидатами, включая всех кандидатов из Балтийского региона. 16 апреля 2003 г. на саммите в Афинах был подписан договор о принятии в ЕС десяти новых стран (к упомянутым восьми добавились Кипр и Мальта). 1 мая 2004 г. после завершения процедуры ратификации данного договора все эти государства стали членами ЕС.

Что касается Североатлантического альянса, в конце 1990-х гг. государства НАТО, прежде всего США, все больше склонялись к односторонним действиям в вопросах европейской безопасности без учета позиции России, что, безусловно, повышало шансы стран Балтии попасть в следующий раунд расширения. Наиболее явными свидетельствами этой тенденции стали действия Альянса во время косовского кризиса 1999 г., а также новая стратегия блока, принятая в том же году. В соответствии с ней Альянс закреплял за собой право на использование военной силы за пределами его государств-членов [299]. При этом согласие Совета безопасности ООН объявлялось желательным, но не обязательным [64, с. 10]. Кроме того, после первого раунда восточного расширения стало ясно, что все заявления российского руко-

водства об «адекватных контрмерах» не имеют под собой оснований и что у России нет реальной стратегии противодействия расширению Альянса [219, с. 35].

Вторую половину 1999 г. и весь 2000 г. можно охарактеризовать как период относительного затишья в дебатах о дальнейшем расширении НАТО. Такая ситуация объяснялась ожиданием смены руководства в двух ключевых для данного процесса странах – США и России. После того, как эти государства возглавили соответственно Дж. Буш-младший и В. Путин, ситуация еще больше усложнилась. Активизация отношений России со странами, которые были отнесены американским правительством к т. н. «оси зла», наводила западных политиков на мысль, что В. Путин пытается сформировать антиамериканский альянс [320, с. 36]. С другой стороны, политика Дж. Буша обострила противоречия между США и странами Западной Европы. Разногласия, в частности, возникли вокруг планов США по созданию системы национальной противоракетной обороны и возможного выхода страны из процесса урегулирования кризиса на Балканах. В этот период высказываются предложения об ограниченном расширении НАТО. Предлагалось, по примеру Люксембургского саммита ЕС, начать переговоры о вступлении лишь с одной из стран Балтии. В случае ЕС была выбрана Эстония, тогда как наиболее подходящей кандидатурой для принятия в НАТО представлялась Литва, которая не имела ни общей границы с основной территорией России, ни значительного русскоговорящего меньшинства и, вдобавок, ближе всех подошла к выполнению условия Альянса о выделении на оборонные нужды не менее 2 % ВВП. По выполнению последнего критерия Эстония также была одним из лидеров среди девяти кандидатов второй волны [301, с. 9]. Наиболее слабым из трех балтийских кандидатов по всем параметрам являлась Латвия.

Последним проектом формирования балтийской региональной системы безопасности вне рамок НАТО стала Кильская инициатива, выдвинутая 19 июня 2000 г. министрами

обороны ФРГ и Швеции. Она предполагала создание регионального форума, в рамках которого министры обороны всех государств Балтийского региона (включая Россию и Норвегию), а также особо заинтересованных стран (Франция, Великобритания, США) должны были регулярно встречаться для обсуждения тем кризисного управления, сотрудничества в поисково-спасательной сфере, подготовки кадров для операций по поддержанию мира, экономических аспектов военного сотрудничества в регионе и т. д. [217, с. 241–245]. Однако государства, к которым была обращена эта инициатива, по-разному оценивали ее значение. В частности, взгляды России и других заинтересованных государств на цели и перспективы региональной организации по безопасности существенно отличались [175, с. 8]. Балтийские страны и Польша поспешили заявить, что единственный способ обеспечить безопасность в Балтийском регионе они видят в его полной интеграции в евроатлантическую систему безопасности и поэтому не поддержат никаких планов по созданию самостоятельной региональной системы безопасности [161]. В итоге 14 мая 2003 г. министры обороны ФРГ и Швеции заявили о завершении Кильской инициативы, объяснив это тем, что ее основные задачи уже реализованы в рамках других структур [217, с. 243].

В 2001 г. международная ситуация кардинально изменилась. Причем перемены начались еще до событий 11 сентября, в результате которых США и Россия стали союзниками по антитеррористической коалиции. Так, Россия воздержалась от протестов в ответ на выступление Дж. Буша в Варшаве в июне 2001 г., в котором он открыто высказался за продолжение восточного расширения НАТО и отверг российскую концепцию «красной линии», проходящей вдоль границы бывшего СССР, восточнее которой Альянс не должен расширяться [265]. Кроме того, еще в мае 2000 г. возобновилась работа Постоянного объединенного совета России и НАТО, которая была прервана по инициативе российской стороны во время косовского кризиса. Все это указывало на

начало новой эры партнерства между Западом и Россией и, как следствие, смягчение российской позиции по вопросу дальнейшего расширения Альянса на восток. Хотя В. Путин и не выразил официального согласия на принятие стран Балтии в НАТО, фактически он признал неизбежность их вступления в Альянс и тщетность попыток этому помешать [11, с. 6]. Таким образом, на пути Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО не осталось никаких серьезных препятствий, и в начале 2002 г. вопрос о начале с ними переговоров о вступлении был фактически решен [320, с. 37].

Как и в первом раунде восточного расширения НАТО, решающее слово при отборе кандидатов для принятия в Альянс принадлежало США. Дебаты по этому вопросу в американском Сенате состоялись в начале 2002 г. при рассмотрении Акта консолидации свободы. Этот документ, принятый Палатой представителей Конгресса США в ноябре 2001 г., призывал остальных членов блока поддержать второй раунд расширения, а также предусматривал финансирование оборонной сферы стран-кандидатов в размере нескольких десятков миллионов долларов [116, с. 2]. К весне 2002 г. американская позиция по вопросу о принятии в Альянс стран Балтии была фактически определена, о чем свидетельствует очень позитивная оценка их подготовки к вступлению, высказанная заместителем министра обороны США Я. Бжезинским в ходе его визита в Балтийские столицы в апреле 2002 г. В мае того же года на встрече глав внешнеполитических ведомств государств НАТО началось международное согласование будущих решений Пражского саммита по вопросу дальнейшего расширения [59, с. 6].

На Пражском саммите НАТО в ноябре 2002 г. все три страны Балтии были официально приглашены в Альянс наряду с еще пятью кандидатами из Центральной и Юго-Восточной Европы. Процесс подготовки к приему новых членов был условно разделен на несколько этапов. Первый из них начался 29 января 2003 г., когда с семью приглашенными кандидатами были начаты переговоры о вступлении [241].

В число этих кандидатов вошли все три государства Балтии. В ходе переговоров эксперты НАТО обсуждали с каждой из стран ее намерение и готовность выполнять военные, политические и правовые обязательства, связанные с членством в блоке. По итогам этого обсуждения по каждому кандидату принималось решение о степени его готовности к вступлению. После этого министры иностранных дел стран-кандидатов направляли в штаб-квартиру НАТО официальные письма с подтверждением намерения и готовности своих государств вступить в Альянс. Каждое из этих писем сопровождалось подробным графиком завершения требуемых для вступления в НАТО реформ [263]. Следующей ступенью стало подписание протоколов о вступлении, которое состоялось 26 марта 2003 г. Затем в течение года проходила процедура ратификации этих протоколов каждым из 19 членом НАТО. Наконец, 2 апреля 2004 г. состоялась официальная церемония принятия в Альянс семи кандидатов: Болгарии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии, Словении и Эстонии [156].

Таким образом, укрепление позиций НАТО в регионе, кульминацией которого стали расширения 1999 и 2004 гг., явилось результатом как внешних, так и внутрирегиональных факторов. К первым следует отнести распад биполярной системы международных отношений и изменение баланса сил на европейском континенте, что привело к распаду существовавшей в Балтийском регионе системы безопасности «северного баланса». К внутрирегиональным факторам можно отнести активную проамериканскую ориентацию переходных государств региона, обусловленную рядом объективных и субъективных причин, среди которых были обострение балтийско-российских отношений и евроскептицизм северных стран.

Еще одним фактором, обусловившим приоритетность вступления в НАТО для переходных государств региона, стало то, что оно представлялось им наиболее легким и быстрым способом интегрироваться в западное сообщество.

Оно не требовало глубоких и долгосрочных реформ в экономике и законодательной сфере как интеграция в ЕС. Принятие решений здесь зависело главным образом от политической воли ведущих членов Альянса и, прежде всего, США. Поэтому развитие сотрудничества с Вашингтоном занимало центральное место в политике этих стран.

Следует также отметить, что Альянс никогда не выделял государства Балтийского региона в качестве отдельного приоритета своей политики. Их присоединение к блоку рассматривалось как часть более широкого процесса расширения на восток. В политике НАТО отсутствовало четкое региональное измерение, и он не выдвигал инициатив в сфере регионального сотрудничества, схожих с программами ЕС «Северное измерение» и «Балтийская региональная инициатива». Все проекты по развитию военного сотрудничества в регионе были инициированы самими странами-кандидатами из числа Балтийских государств и поддержаны отдельными членами НАТО, в первую очередь ФРГ и Скандинавскими странами.

Среди экспертов преобладает мнение, что с принятием в НАТО стран Балтии завершился процесс формирования новой северо-восточной границы западного военно-политического сообщества. Однако есть определенные сомнения насчет того, что с вступлением этих государств процесс расширения Альянса в регионе завершился. Эти сомнения связаны с обострением в последнее время внутривосточной дискуссии в Финляндии и Швеции между сторонниками продолжения прежней политики военного неприсоединения и теми, кто выступает за вступление этих стран в НАТО. Причем принятие в Альянс Балтийских государств существенно укрепило позиции финских и шведских сторонников вступления в НАТО.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ В СТАТУСЕ ПОЛНОПРАВНЫХ ЧЛЕНОВ

3.1. Развитие отношений стран Балтии с НАТО после вступления в Альянс

Принятие Балтийских государств в Североатлантический альянс весной 2004 г. стало важным политическим событием, которое символизировало, с одной стороны, твердую, прошедшую проверку временем приверженность этих государств евроатлантическому курсу, а с другой – готовность ключевых стран Запада, несмотря на связанные с этим сложности, признать их частью своего сообщества. Однако в плане практического взаимодействия с НАТО приобретение Литвой, Латвией и Эстонией статуса полноправных членов не привело к быстрым и радикальным переменам. Как и в предшествовавшее вступлению десятилетие, основными направлениями их сотрудничества с Альянсом оставались: адаптация национальных систем обороны к требованиям и стандартам НАТО; специализация и поиск собственной ниши в рамках складывающейся в Альянсе системы «разделения труда» с целью продемонстрировать остальным членам этой организации, что, несмотря на свои скромные ресурсы, государства Балтии могут быть не только «потребителями» общей безопасности, но и вносить свой вклад в ее укрепление; и, наконец, то, ради чего они прежде всего и стремились в Альянс, – привлечение его ресурсов для укрепления собственного оборонного потенциала. Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений.

Накануне вступления и в первые годы после него в государствах Балтии происходит пересмотр основ национального законодательства в сфере обороны и безопасности в сто-

рону большей детализации форм и задач их взаимодействия с Альянсом. Так, в 2003 г., на заключительной стадии подготовки к вступлению, Латвия приняла концепцию национальной обороны, направленную в первую очередь на формирование профессиональных вооруженных сил и их сотрудничество с военными структурами стран Альянса. В 2007 г. была принята новая концепция национальной обороны Латвии, которая предусматривала приведение численности и боевого состава национальной армии к требованиям НАТО, оснащение войск современным вооружением и военной техникой, а также подготовку объектов инфраструктуры страны к использованию в интересах блока [16]. В рамках этой программы были проведены мероприятия по снижению затрат на содержание вооруженных сил и по оптимизации их системы управления. В результате численность военнослужащих сократилась на 8 %, а в войска поступили новые средства связи и виды вооружений, соответствующие стандартам НАТО. Литва в 2005 г. внесла дополнения в два ключевых документа в сфере безопасности и обороны страны – Закон об основах национальной безопасности 1996 г. и Стратегию национальной безопасности 2002 г. В последней национальной безопасности Литвы напрямую увязывается с эффективностью НАТО в обеспечении международной безопасности и стабильности [145].

Как уже отмечалось, одним из основных требований Альянса к вступающим в него государствам является обязательство ежегодно выделять на оборонные нужды сумму, составляющую не менее 2 % от национального ВВП. По мнению В. Воротникова, поддержание активности в сфере военного строительства и имиджа наиболее последовательных сторонников углубления военно-политической интеграции в рамках НАТО требовало от стран Балтии скорейшего выполнения данного критерия [36]. Однако достичь этого на практике оказалось весьма непростой задачей – ни в годы финансово-экономического кризиса, ни в предшествовавший ему период бурного экономического роста страны Балтии

так и не смогли выполнить данное обязательство. В 2008–2010 гг. Эстония стала единственной из Балтийских стран, которая вплотную подошла к выполнению этого требования. Однако в следующем 2011 г. и она не смогла удерживать эту планку и сократила оборонные расходы [33]. Правда, в последующие два года – 2012 и 2013 гг. – ей все же удалось достичь порога в 2 %. Что касается Литвы и Латвии, их оборонные расходы в докризисный период варьировались в диапазоне 1,1–1,6 % от ВВП, а затем и вовсе опустились ниже 1% (табл. 3.1). Учитывая текущие тенденции, они надеются достичь необходимого уровня оборонных расходов к 2018–2020 гг.

Т а б л и ц а 3.1. Расходы стран Балтии на оборону в 2004–2013 гг., % от ВВП [36, с. 11]

Страна	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Латвия	1,3	1,3	1,6	1,5	1,6	1,2	1,0	1,0	0,9	0,9
Литва	1,4	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	0,9	0,8	0,9	0,8
Эстония	1,6	1,5	1,4	1,7	1,8	1,8	1,8	1,7	2,0	2,0

Наиболее сложная ситуация с выполнением натовских критериев обеспечения собственной обороноспособности сложилась в Латвии. В связи с последствиями мирового финансового кризиса в 2008–2010 гг. оборонный бюджет страны был сокращен почти вдвое. В опубликованном в октябре 2012 г. докладе шведского оборонного агентства FOI под названием «Безопасность и обороноспособность государств Балтии» (The Security and Defensibility of the Baltic States) международные военные эксперты оценили нынешние возможности Латвии противостоять внешним угрозам как гораздо более слабые в сравнении с Эстонией и Литвой [306]. А в ходе разгоревшегося в прессе после его опубликования скандала эстонские военные обвинили латвийское руководство в нецелевом расходовании оборонного бюджета и приписках с целью произвести более благоприятное впечатление

на НАТО. Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что и среди старых членов Альянса далеко не все выполняют требование об оборонном бюджете в 2 % от ВВП.

В силу ограниченности внутренних ресурсов и стремления к максимальной интеграции в военную систему НАТО основной целью реформирования вооруженных сил во всех трех странах становится формирование небольших по численности, но хорошо оснащенных профессиональных армий, отличающихся высокой мобильностью и способных участвовать в военных операциях Альянса за пределами своей национальной территории. С этой целью в 2007 г. Латвия, а в 2008 г. и Литва полностью перешли от призывного способа комплектования личного состава вооруженных сил к контрактному. В Эстонии, хотя и сохраняется в силе закон о всеобщей воинской повинности, подавляющее большинство действующего состава вооруженных сил (приблизительно 3500 из 5500) составляют профессиональные военнослужащие-контрактники [33].

Уже традиционной формой сотрудничества стран Балтии с НАТО стало участие их военных контингентов в проводимых под эгидой Альянса в Балтийском регионе международных учениях. Как правило, помимо членов блока в них принимают участие также военнослужащие Швеции и Финляндии, а иногда к участию в них приглашали даже Россию (например, в ежегодных учениях «BALTOPS»). За прошедшее после вступления Литвы, Латвии и Эстонии десятилетие наиболее крупными учениями НАТО, в которых участвовали их подразделения, стали «BALTOPS» (ежегодно), «Amber Hope» (2005), «Jackal Stone» (2010), «Steadfast Juncture» (2012), «Saber Strike» (2013), «Steadfast Jazz» (2013). По мнению российского исследователя В. Воротникова, данное направление взаимодействия стран Балтии с НАТО относится к наиболее важным – как с практической, так и символической точек зрения [36].

А вот другое традиционное направление взаимодействия с НАТО – в рамках региональных балтийских проектов

и программ сотрудничества в оборонной сфере, получившее существенное развитие во второй половине 1990-х гг., наоборот, после вступления в Альянс пошло на спад. Еще накануне вступления правительства стран Балтии стали заявлять, что некоторые проекты регионального военного сотрудничества более не соответствуют насущным потребностям и являются бесполезной тратой средств. Как отмечает Маргус Колга, в прошлом высокопоставленный чиновник Министерства обороны Эстонии, по этим соображениям, например, в 2003 г. была прекращена реализация проекта BALTBAT [20]. В итоге вскоре после вступления в Альянс из целого ряда региональных проектов в активном состоянии остался лишь BALTDEFCOL, который смог занять свою нишу в подготовке высшего офицерского состава для стран Балтии. В целом, после присоединения к НАТО Литва, Латвия и Эстония быстро теряют интерес к региональному взаимодействию в оборонной сфере и отдают явное предпочтение участию в общенатовских программах и инициативах. Это позволяет прийти к заключению, что развитие регионального военного сотрудничества не являлось для них самоцелью, а служило лишь вспомогательным средством для достижения главной стратегической цели – членства в НАТО. Как только эта цель была достигнута, интерес к региональным проектам стал угасать и многие из них были свернуты.

Говоря о новых направлениях взаимодействия с Альянсом, характеризующих страны Балтии уже в качестве его полноправных членов, следует выделить, во-первых, интеграцию их вооруженных сил в военные структуры НАТО и участие в наметившейся в рамках Альянса системе «разделения труда» и страновой спецификации по решению особых задач в сфере безопасности (центры передового опыта), во-вторых, их участие в международных военных операциях и миссиях НАТО и, наконец, в-третьих – их участие в развитии связей Альянса с другими, не входящими в него странами.

Интеграция в военные структуры НАТО развивалась главным образом по двум направлениям: включение воин-

ских контингентов Литвы, Латвии и Эстонии в Объединенные вооруженные силы (ОВС) и Силы реагирования НАТО (NATO Response Force). Так, в структуру действующей в составе ОВС блока датской мотопехотной дивизии были включены подразделения стран Балтии (по одной мотопехотной бригаде от каждой из них). С 2005 г. подразделения вооруженных сил Литвы и Эстонии, а с 2006 г. – и Латвии участвуют также в Силах реагирования НАТО, образованных в 2003 г. Воссозданный в 2010 г. вместо упраздненного в 2003 г. БАЛТБАТа новый объединенный Балтийский батальон в составе около 800 военнослужащих принял участие в их дежурстве [36, с. 10]. Кроме того, в 2004 г. Система наблюдения за воздушным пространством Балтии (Baltic Air Surveillance Network, BALTNET), создание которой было инициировано еще в рамках балтийского регионального военного сотрудничества второй половины 1990-х гг., была интегрирована в состав Объединенной системы ПВО НАТО (NATO Integrated Air Defence System, NATINADS).

Еще одной важной составляющей членства стран Балтии в Альянсе стало их участие в реализации концепции центров передового опыта НАТО (Centers of Excellence), утвержденной в конце 2003 г. Этим новым структурам отводилась роль основных генераторов экспертных знаний в той или иной сфере деятельности Альянса. Координация их деятельности осуществляется управлением главного командования по трансформации НАТО в Норфолке, США. Первые подобные структуры были образованы в 2005–2006 гг. в Германии и Турции. Всего на 2014 г. их было создано 19, из них 3 – в странах Балтии. При этом создающиеся в различных странах-членах центры передового опыта не должны дублировать друг друга, т. е. каждая страна должна выбрать свою «специализацию» в рамках Альянса. Так, если Латвия, по мнению генерального секретаря НАТО Андерса Фога Расмуссена, особенно преуспела в обеспечении коммуникаций для сил Альянса в Афганистане, то Эстония – в объединении усилий его стран для противодействия кибертерроризму,

а Литва – в актуализации вопросов энергетической безопасности.

Первый подобный центр на территории стран Балтии появился в Эстонии. После массированных кибератак на правительственные серверы и информационные системы страны в 2007 г. эстонское руководство занялось активной разработкой национальных программ киберзащиты. Успехи в данной сфере привели к открытию в мае 2008 г. в Эстонии Центра передового опыта НАТО в области кибернетической защиты (Таллин). Следующим стало создание Центра передового опыта НАТО по энергетической безопасности в Вильнюсе в сентябре 2013 г. Богатый опыт Литвы в реорганизации энергетики с целью снижения зависимости от поставок российских энергоресурсов способствовал одобрению на саммите НАТО в Чикаго идеи открытия в этой стране Центра передового опыта НАТО по энергетической безопасности (Energy Security Centre of Excellence (ENSEC COE)). Выступая на заседании Совета НАТО в Чикаго, президент Литвы Даля Грибаускайте охарактеризовала направления деятельности новой организации следующим образом: «Он будет давать оценки, рекомендации и предложения по поводу эффективных энергетических решений в военной сфере, будет участвовать в разработке образовательных и учебных программ, проводить научные, технические и академические исследования». Аккредитация этого центра на базе центра энергетической безопасности Литвы в г. Вильнюс завершилась 12 октября 2012 г. Наконец, в середине 2014 г. завершилась аккредитация Центра передового опыта НАТО в сфере стратегических коммуникаций в Риге [44].

Стремясь сформировать имидж надежных и активных членов НАТО, страны Балтии начали участвовать в его миротворческих операциях еще задолго до своего вступления в Альянс. Например, уже в 1997 г. в миротворческой миссии НАТО в Боснии и Герцеговине принимала участие эстонская разведывательная рота, а также военный персонал из Латвии и Литвы. Все три государства принимали участие в миро-

творческих операциях в Косово и Ираке. Но самой крупной и наиболее значимой международной операцией, в которой приняли участие военнослужащие стран Балтии, стали действующие под руководством НАТО Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ISAF). Конечно, в абсолютных цифрах участие балтийских воинских подразделений в ISAF незначительно – из более 88 тыс. чел., задействованных в операции, контингенты Литвы, Латвии и Эстонии вместе взятые едва превышают 500 чел. Но если посмотреть на процентное соотношение численности направленных контингентов к общей численности населения участвующих в операции стран, то их вклад выглядит куда весомее – по этому показателю страны Балтии превосходят большинство европейских участников ISAF – Венгрию, Словакию, Чехию, Румынию, Францию и даже Польшу, уступая лишь Германии и Великобритании [2].

Вооруженные силы Литвы участвуют в операции с 2002 г. А с 2007 г. в наиболее беспокойных, южных провинциях Афганистана действуют также военнослужащие подразделения Сил специальных операций Литвы «Айтварас». С 2010 г. они проводят военные операции совместно с афганскими силами национальной безопасности, а также осуществляют их подготовку. Кроме того, с 2005 по 2013 г. Литва руководила Группой восстановления провинции Гор. За это время в миссии приняли участие 17 смен литовских военнослужащих (каждая – примерно по 150 чел.), т. е. более 2500 чел. За этот период Министерством обороны Литвы на обеспечение деятельности Группы было затрачено примерно 88,9 млн евро. МИД Литвы с 2006 г. выделил около 5,2 млн евро на реализацию программ помощи развитию демократии и сотрудничества. Руководство миссией Литва официально завершила 25 августа 2013 г., передав контроль за безопасностью в регионе афганским силам национальной безопасности. В 2014–2015 гг. продолжают действовать литовская группа советников ВВС в Кандагаре и подразделение Сил специальных операций в Южном Афганистане.

Латвия принимает участие в операции в Афганистане с 2003 г. Руководство страны не отказалось от участия в ней даже в условиях кризиса, когда из-за сокращения бюджетных средств и негативного общественного резонанса в 2009 г. было прекращено участие в миротворческой миссии KFOR в Косово. Более того, численность латвийского контингента постоянно возрастала: если изначально в Афганистан было направлено только 9 латвийских военнослужащих, то к 2007 г. их количество увеличилось до 95, а к 2011 г. – до 175 человек. Большая часть латвийского контингента служила под командованием норвежских военных в составе Группы восстановления провинции Фарьяб в ее административном центре г. Мейман. С февраля 2011 г. латвийские военные были также включены в состав возглавляемой литовцами Группы подготовки авиационных специалистов на авиабазе в Кандагаре. Несколько военнослужащих из Латвии также работают в штаб-квартирах регионального командования «Север» Объединенного командования ISAF, Учебной миссии НАТО в Афганистане (NTM–А). На восстановление и демократическое развитие Афганистана после вывода войск НАТО в 2014 г. Латвия планирует в 2015–2017 гг. выделять 500 тыс. долл. ежегодно на цели укрепления афганской армии и полиции.

Эстония присоединилась к американской операции в Афганистане «Несокрушимая свобода» в 2002 г., а с 2003 г. участвует в ISAF. Эстонский контингент численностью в 160–170 чел. в основном дислоцировался в провинции Гельменд в зоне ответственности Великобритании. Эстонские полицейские работают в составе Учебной миссии НАТО в Афганистане (NTM–А). С 2002 по 2012 г. Эстонией была оказана помощь Афганистану (в том числе в результате реализации совместных проектов) в размере около 6 млн евро. После окончания операции «Несокрушимая свобода» Эстония планирует оказывать поддержку Афганистану, направляя военных советников и предоставляя финансовую помощь в размере до 500 тыс. долл. ежегодно в течение 2015–2017 гг.

Помимо непосредственного участия в операции НАТО в Афганистане страны Балтии вносят вклад и в ее транспортно-логистическое обеспечение. Речь идет о т. н. «Северной распределительной системе» – комплексном маршруте поставок нелетальных грузов для снабжения сил ISAF, который начал формироваться после того, как Альянс достиг соответствующих договоренностей о транзите с Россией и другими странами СНГ (в т. ч. Беларусью). Первый поезд из Риги отправился по этому маршруту в мае 2010 г., а с 2012 г. начался и обратный транзит из Афганистана.

Кроме Афганистана военные подразделения и гражданские специалисты стран Балтии принимали участие и в других операциях НАТО. Так, с 1996 г. литовские военные участвовали в двух операциях Альянса в Боснии и Герцеговине. До 2004 г., когда руководство миротворческой миссией в этой стране взял на себя ЕС (операция «ALTHEA»), там прошли службу почти 700 военнослужащих из Литвы. В 1999–2009 гг. литовские военные также присутствовали в составе Сил НАТО для Косово (KFOR). За это время на ротационной основе в Косово прошли службу 832 литовских военных. С 2012 г. Литва вновь направляет 1 специалиста по тыловому обеспечению в штаб KFOR в Приштине. Кроме того, литовские военнослужащие (2–4 чел. на ротационной основе) с 2004 по 2011 г. участвовали в составе Учебной миссии НАТО в Ираке (NTM-I), а в 2013 г. было принято решение направлять до 30 литовских военных и гражданских специалистов для участия в операции «Океанский щит» («Ocean Shield»). Латвийские военнослужащие в разные периоды принимали участие в составе SFOR (с 1996 по 2004 г.) и KFOR (около 20 чел.; с 2000 по осень 2009 г.); также в 2005–2006 гг. Латвия предоставляла материально-техническую и финансовую помощь Учебной миссии НАТО в Ираке. Военнослужащие Эстонии с 1999 по февраль 2010 г. принимали участие в миссии KFOR. В дальнейшем, в связи с переходом вопроса урегулирования ситуации в Косово в компетенцию ЕС, эта миссия прекращена и в ее штаб-квартире остался

лишь один эстонский офицер. Во время операции НАТО в Ливии («Unified Protector») Эстония официально поддержала ее проведение, но непосредственного участия в ее осуществлении не принимала [36, с. 13–14].

Как известно, НАТО является не только военным, но и политическим союзом. И в политической составляющей Альянса страны Балтии также стремятся играть активную роль, зачастую несопоставимую с их объективно ограниченными ресурсами. Так, Литва, Латвия и Эстония являются активными сторонниками сохранения и укрепления трансатлантических связей в европейской политике и противниками тех европейских инициатив в сфере безопасности и обороны, которые могли бы снизить значение НАТО. Они также открыто поддерживают политику «открытых дверей» в отношении дальнейшего расширения Альянса, выступая за принятие в НАТО некоторых постсоветских стран, а также Финляндии и Швеции, пока придерживающихся политики неучастия в военных союзах в мирное время. Более подробно влияние вступления в НАТО на внешнюю политику стран Балтии будет рассмотрено в следующем разделе. Пока же отметим, что после присоединения к блоку некоторые из их дипломатических представительств стали выполнять функции контактных центров НАТО в странах-партнерах. Так, в 2004–2010 гг. посольство Литвы являлось контактным посольством НАТО в Беларуси. С 2013 г. его сменило в этой роли посольство Эстонии. В 2004–2007 гг. и 2011–2012 гг. посольство Эстонии являлось контактным центром НАТО в Финляндии, а в 2007–2010 гг. – в Швеции.

Что касается привлечения ресурсов НАТО для укрепления обороноспособности стран Балтии, это направление сотрудничества было, пожалуй, наиболее проблемным. Еще в период дебатов конца 1990 – начала 2000-х гг. о возможности принятия Литвы, Латвии и Эстонии Альянс столкнулся со сложной дилеммой. С одной стороны, страны Балтии не скрывали, что стремятся в НАТО, прежде всего, ради защиты от предполагаемой угрозы со стороны России. С другой

стороны, сама Россия, с которой Альянс стремился выстроить отношения стратегического партнерства, категорично заявляла, что будет рассматривать принятие соседних государств в военный блок под руководством США как недружественный шаг. В такой ситуации страны НАТО стремились убедить Москву, что принятие государств Балтии прежде всего является актом политической поддержки их последовательного стремления к интеграции в западное общество и ни в коем случае не направлено против безопасности самой России. Чтобы подтвердить эти намерения на практике и лишней раз не раздражать российское руководство, Альянс воздерживался от размещения на территории своих новых балтийских членов крупных военных объектов и даже от разработки стратегических планов обороны их территории в случае возникновения военной угрозы, за что неоднократно получал жалобы и упреки со стороны Литвы, Латвии и Эстонии в том, что НАТО игнорирует их оборонные интересы и вообще считает их второсортными членами. Впрочем, существует и иное мнение о причинах подобной политики Альянса. Так, генерал шведской армии К. Неретнекс аргументирует, что, в силу уязвимого стратегического положения стран Балтии, при возникновении реальной угрозы со стороны России НАТО просто не успеет развернуть на их территории военные силы, достаточные для эффективной обороны [58].

Так или иначе, но на протяжении нескольких лет после принятия стран Балтии действия НАТО по укреплению их обороноспособности в основном ограничивались патрулированием и мониторингом их воздушного пространства, проведением совместных учений и поставками вооружений и военной техники для переоснащения национальных вооруженных сил в соответствии с натовскими стандартами (в том числе и на безвозмездной основе – в рамках американской программы «Foreign Military Financing»). Помимо финансирования США оказывают помощь и другими способами, например, безвозмездно передавая устаревшую или

обновляемую военную технику. Многие европейские страны – члены НАТО – также продолжали оказывать странам Балтии помощь в перевооружении и переходе на единые военно-технические стандарты Альянса. В числе этих государств – ФРГ, Великобритания, Франция, Нидерланды, Норвегия, Дания, Чехия и др. Часть средств поступает на развитие военной инфраструктуры и непосредственно через механизмы общего финансирования НАТО. Так, на модернизацию военно-воздушной базы в Эмари (Эстония) треть из затраченных за 2008–2010 гг. 75 млн евро была получена через Программу НАТО по инвестициям в обеспечение безопасности (NATO Security Investment Programme). Через тот же механизм шло финансирование реконструкции военно-воздушных баз в Зокняй (Литва) и в Лиелварде (Латвия) [36, с. 11].

Модернизация авиабазы в Зокняй уже к моменту вступления в НАТО позволила Литве стать ключевым игроком при реализации одного из наиболее значимых проектов в сфере обеспечения безопасности стран Балтии. Поскольку каждое из этих трех государств по отдельности не может позволить себе приобретение и содержание современной истребительной авиации, при их вступлении в НАТО было принято решение о проведении операции «Baltic Air Policing» (патрулирование воздушного пространства стран Балтии). Первоначально предполагалось, что оно будет осуществляться до 2008 г., затем срок был продлен до 2014 г., а на саммите НАТО в Чикаго в мае 2012 г. было принято решение о бессрочном продлении миссии.

В соответствии с взятыми на себя обязательствами страны НАТО на ротационной основе (каждая смена несет дежурство по 4 месяца) направляют 4 истребителя для патрулирования воздушного пространства Латвии, Литвы и Эстонии. За 10 лет, с марта 2004 г., в патрулировании приняли участие 34 контингента из 14 стран НАТО – Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, США, Турции, Фран-

ции и Чешской Республики. При этом государства Балтии на паритетной основе осуществляют финансирование пребывания военнослужащих в Литве (с 2009 г.), а также расходы на транспортировку личного состава и оборудования (с 2010 г.). Аэродромом базирования «воздушной полиции» является авиабаза Зокняй (под Шауляем, Литва). При этом в последние годы Эстония добивается если не превращения базы Эмари в основной аэродром базирования этой миссии, то, по меньшей мере, принятия одной из трех годовых ротаций.

Под влиянием «украинского кризиса» 2013–2014 гг. миссия воздушной полиции была временно расширена до 10 истребителей после того, как по решению командования НАТО США в начале марта направили в Литву 6 истребителей и 2 самолета-заправщика вдобавок к уже находившимся в Литве с 1 января четырем американским самолетам. Кроме того, Великобритания, Дания, Франция и Германия заявили о готовности увеличить авиационное присутствие в странах Балтии, а в дополнение к заступившим на дежурство в Шауляе с 1 мая британским истребителям на базу Эмари прибыли четыре датских (еще четыре французских самолета, которые также планировалось задействовать в воздушном патрулировании, были переброшены на базу на севере Польше).

Разработка стратегических планов обороны территории Литвы, Латвии и Эстонии в случае военной угрозы была начата Альянсом в ответ на их регулярные просьбы лишь в 2008 г. после российско-грузинского военного конфликта. Однако и в последующие полтора года внутри НАТО не было единства по поводу целесообразности принятия этих планов. Позиция США и восточноевропейских членов НАТО в этом вопросе расходилась с позицией Германии, Франции и Италии. Лишь к началу 2010 г. американцам удалось переубедить руководство Германии и, как свидетельствуют секретные дипломатические документы США, обнародованные порталом WikiLeaks, 22 января 2010 г. именно она формально стала инициатором распространения разработанного Альянсом оборонного плана «Eagle Guardian» («Орел-за-

щитник»), который изначально был предназначен лишь для Польши, также на Литву, Латвию и Эстонию. Его суть главным образом сводилась к тому, что в случае нападения на страны Балтии для их обороны США, Великобритания, ФРГ и Польша должны выделить 9 дивизий, а балтийские порты Германии и Польши должны быть использованы для приема десантных подразделений и военных кораблей США и Великобритании [325].

Как видно из тех же обнародованных источников, этот план, принятый «во избежание ненужных обострений с Россией» в обстановке секретности, в обход стандартной процедуры принятия решений в НАТО, больше напоминал политический проект, чем реальный военный план. В частности, его согласование шло по линии Госдепартамента и дипломатических представительств США без участия Пентагона и ЦРУ. Однако сохранить решение о принятии плана обороны стран Балтии в тайне не удалось – он был обнародован в британской газете «The Guardian» на основе источников портала Wikileaks в декабре 2010 г., т. е. почти сразу после завершения саммита Россия-НАТО в Лиссабоне, который породил множество надежд на улучшение отношений между Россией и НАТО и даже о начале нового этапа сотрудничества между ними. Поэтому информация о секретной разработке и принятии плана «Eagle Guardian» вызвала международный скандал и стала одной из причин ухудшения отношений между Западом и Россией.

«The Guardian» также приводит интересную информацию, что переубедить Германию американцы смогли лишь после компромисса со странами Балтии, по которому в обмен на предоставление им новых гарантий безопасности в виде стратегических планов защиты они должны улучшить отношения с Россией и присоединиться к проводимой американским президентом Б. Обамой политике «перезагрузки» в отношении Москвы.

Таким образом, приняв страны Балтии в свои ряды, Североатлантический альянс вовсе не спешил принимать их

видение угроз безопасности в Европе и предпринимать решительные шаги по увеличению своего военного присутствия в регионе, которые могли бы вызвать обострение отношений с Россией. Естественно, это вызвало определенное разочарование в военных и политических кругах Литвы, Латвии и Эстонии. Опросы общественного мнения демонстрируют, что в 2008–2012 гг. поддержка членства в НАТО и уверенность в том, что Альянс обеспечивает их безопасность и независимость, колебалась на уровне 55–75% (наибольшая – в Эстонии). В то же время в условиях экономического кризиса и необходимости сокращения государственных расходов уже в 2008–2009 гг. сформировалось негативное отношение к участию контингентов стран Балтии в операции НАТО в Афганистане. В 2012 г. уже около 60% жителей Литвы, 72% – Латвии и 55% – Эстонии были против продолжения участия своих стран в этой операции.

Политические элиты стран Балтии рассматривают участие в блоке как важный элемент своей внешнеполитической стратегии, позволяющий их небольшим и не обладающим значительными ресурсами государствам претендовать на участие в решении глобальных проблем. Таким образом, членство в НАТО приносит как символические моральные дивиденды в форме ощущения своей причастности к элитарному клубу западных государств, все еще играющих ведущие роли в современной мировой политике, так и вполне конкретную финансовую поддержку для обновления военной и транспортной инфраструктуры. С другой стороны, несмотря на получение полноправного политического статуса в Альянсе, говорить о завершении процесса интегрирования стран Балтии в его оборонную структуру пока рано. Как свидетельствует опыт последнего десятилетия, готовность НАТО размещать новые военные объекты и укреплять военную инфраструктуру Литвы, Латвии и Эстонии напрямую зависит от изменения характера отношений между Западом и Россией.

3.2. Влияние вступления в ЕС на дальнейшее развитие стран Балтии и их участие в углублении европейской интеграции

Вступление стран Балтии в Евросоюз имело большое значение с точки зрения изменения их международно-правового статуса и характера отношений с европейскими интеграционными институтами. Вместе с тем основные тенденции экономического и политического развития этих государств в первые годы членства не претерпели особых изменений по сравнению с началом 2000-х гг., поскольку процессы адаптации к нормам и стандартам ЕС, а также интеграции в его общее экономическое пространство начались задолго до вступления. После того, как Литва, Латвия и Эстония стали полноправными членами ЕС, в сфере европейской интеграции перед ними еще стояли задачи выполнения дополнительных условий для присоединения к Шенгенской зоне и принятия в зону евро. Тем не менее они получили возможность пользоваться ресурсами ранее не доступных им фондов и иных финансовых инструментов ЕС и в известной степени влиять на принятие решений по поводу дальнейшего развития европейской интеграции. Поэтому в рамках данного раздела необходимо рассмотреть основные характеристики экономического развития стран Балтии уже в новом качестве членов ЕС, их позицию по вопросам развития и углубления основных направлений европейской интеграции (в т. ч. и «Европейской политики безопасности и обороны» – ЕПБО), а также их участие в органах управления Евросоюза, включая выполнение функций председательства в Совете ЕС.

Первые четыре года после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС были периодом активного экономического роста и повышения уровня жизни их населения. Субсидии Евросоюза, приток иностранных инвестиций и устранение барьеров во внешней торговле способствовали развитию экономики. Как отмечает Р. Х. Симонян, в этот период страны

Балтии оценивались многими как цитадели экономического роста и эталон успешного проведения социально-экономических реформ, как государства, получившие максимальные дивиденды от интеграции в западные политические и экономические структуры. По аналогии с Тайванем, Сингапуром и Гонконгом Литву, Латвию и Эстонию даже начали называть «балтийскими тиграми». Они стали самыми быстро развивающимися государствами не только среди стран постсоветского пространства и региона ЦВЕ, но и Европейского союза. Их показатели роста ВВП были в несколько раз выше среднего уровня по ЕС и могли сравниться лишь с темпами роста ВВП Словакии, которая заняла лидирующие позиции в Евросоюзе по этому показателю. С 2000 по 2007 г. ВВП стран Балтии вырос в 2,5–3 раза. В то же время, если посмотреть не на темпы роста, а на реальное значение ВВП, то окажется, что в 2007 г. оно лишь незначительно превысило половину среднего уровня по ЕС (Латвия – 55,7%, Литва – 59,3%, Эстония – 68,8%). В 2000 г. аналогичные показатели составляли 36,7, 39,3 и 45,0% соответственно. Такая ситуация позволяла государствам Балтии пользоваться поддержкой Фонда сплочения и других структурных фондов ЕС. За 2004–2006 гг. Латвия получила из них 1,2 млрд евро, Литва – 1,7 млрд евро, Эстония – 800 млн евро [95, с. 37–38].

И все же было бы неверно утверждать, что рост экономики происходил лишь за счет дотаций ЕС. Структурные изменения, произошедшие в экономиках стран Балтии в процессе подготовки к вступлению в Евросоюз, привели к тому, что ведущую роль в их экономике стала играть сфера услуг. После вступления в ЕС она обеспечивала до 60–70% их ВВП и служила основным источником его роста. По оценке Eurostat, Латвия в 2006 г. вышла на 4-е место в ЕС в оптовой торговле (после Греции, Германии и Великобритании) и в сфере операций с недвижимостью, аренды и лизинга (после Дании, Великобритании и Германии). Кроме того, Латвия и Литва заняли соответственно 3-е и 4-е места после Германии и Великобритании в области транспортно-логи-

стических услуг. Значительный вклад обеспечивала также строительная отрасль, доля которой в экономике стран Балтии увеличилась с 2000 по 2007 г. почти в полтора раза, особенно в Литве. При этом за 2002–2007 гг. объемы строительства выросли в Латвии почти в 7 раз, в Литве – в 3–3,5 раза, в Эстонии – 2,5–3 раза. В целом, оборот в сфере услуг с 2000 по 2007 г. увеличился в среднем в три раза.

Даже промышленность и сельское хозяйство, доля которых в ВВП стран Балтии за период после восстановления независимости сократилась в 3–4 раза, в эти годы демонстрировали существенный рост. По сравнению с 2000 г. объем произведенной промышленной продукции вырос к 2007 г. в Латвии на 39,1%, Литве – на 83,9%, Эстонии – на 87,9%. За те же годы по ценам производителей значительно увеличилась добавленная стоимость в сельском хозяйстве: в Латвии – со 182 до 343 млн евро, в Литве – с 394 до 521 млн евро, в Эстонии – со 137 до 254 млн евро. При этом общее количество сельскохозяйственных производителей существенно сократилось (особенно в Эстонии – почти на треть). А физический объем сельскохозяйственного производства так и не достиг уровня советских лет [96].

Однако бурный экономический рост, происходивший главным образом за счет сферы услуг, вскоре привел к «перегреву» экономики. Структурные изменения в экономиках Литвы, Латвии и Эстонии, которые происходили в процессе их переориентации на рынки Евросоюза и обеспечивали рост в 2000–2007 гг., заложили предпосылки последующего экономического кризиса. Еще в декабре 2006 г. авторитетный британский журнал «The Economist» опубликовал статью, где были названы основные угрозы экономическому развитию стран Балтии. Прежде всего, упоминались: «пузырь» на рынке недвижимости, значительный дефицит по текущим операциям платежного баланса (17,9% ВВП в Латвии, 14,1% ВВП в Литве и 12,5% ВВП в Эстонии), а также резкий рост зарплат в строительстве, торговле и туризме при общем кадровом голоде рынка труда, возникшем за

счет оттока наиболее квалифицированных кадров в другие страны Евросоюза.

Первым неблагоприятным сигналом стало нарастание инфляции (табл. 3.2). Именно она, вопреки первоначальным ожиданиям, не позволила странам Балтии войти в зону евро в 2008 г. Причиной инфляции в первую очередь стала перенасыщенность экономики спекулятивными деньгами из стран Евросоюза, прежде всего из Швеции. Кроме того, вступление в ЕС стимулировало рост потребительских цен. Основным катализатором инфляции послужил рост цен на энергоресурсы – на жидкое топливо и газ он составил в среднем 10–20%, что привело к повышению оплаты жилья и коммунальных услуг. Третий фактор, способствовавший инфляции, – рост цен на медикаменты и медицинские услуги. Особенно актуально это было для Латвии, где лекарства подорожали в среднем на 20%, а услуги врачей – на 60%.

Т а б л и ц а 3.2. Инфляция в странах Балтии
в 2000–2007 гг., % [329]

Страна	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Латвия	2,6	2,5	1,6	3,3	6,2	6,9	6,6	10,1
Литва	1,1	1,6	0,3	-1,1	1,2	2,7	3,8	5,8
Эстония	4,0	5,7	3,6	1,3	3,0	4,1	4,4	6,6

Как отмечает российский социолог Р. Х. Симонян, после вступления в ЕС в странах Балтии наступила эра дешевых и легкодоступных заемных средств. Стремительный рост зарплат и доступность потребительских кредитов способствовали изменению потребительской психологии людей – из «убежденных накопителей» они «эволюционировали в расточителей», привыкших жить не по средствам [95]. Только за три последних предкризисных года (2005–2007 гг.) рост средней зарплаты здесь составил от 30 до 40%. Если же взять весь период с начала 2000-х гг., то доходы населения стран Балтии возросли в 3–3,5 раза.

Однако важно подчеркнуть, что этот рост доходов происходил не в результате соответствующего роста производительности труда, а главным образом за счет внешних заимствований. Так, к началу 2006 г. в Эстонии накопленный объем прямых иностранных инвестиций составил 97,2% ВВП, в Литве и Латвии – соответственно 33,6 и 33,1%. В 2007 г. наиболее значительным он был также в Эстонии – 12,664 млрд долл. США, или 77,2% ВВП, в Латвии – 7,532 млрд долл. (37,5% ВВП), Литве – 10,939 млрд долл. (36,7% ВВП) [95, с. 39–40]. В годы экономического бума государства Балтии стремительно наращивали внешние долги. К концу 2008 г. задолженность Латвии составляла 44 млрд долл. США, т. е. была почти в 9 раз больше золотовалютных резервов страны (5 млрд долл.), Литвы – 35,5 млрд долл., что более чем в 4 раза превышало резервы (свыше 8 млрд долл.). Резервы Эстонии составили только 1/8 от внешней задолженности этой страны, достигшей 29,5 млрд долл. [95, с. 39–40].

В этот же период происходил и быстрый рост государственного аппарата. Особенно отчетливо эта тенденции проявилась в Латвии: с 59,2 тыс. в 1996 г. до 83,6 тыс. в 2007 г. А в 2008 г. в секторе государственного управления этой страны насчитывалось уже 88,3 тыс. чел. Расходы на содержание госаппарата, соответственно, самые большие в Латвии – 20,1% бюджетных средств, в Эстонии – 8,3%, в Литве – 6,5% [95]. В этой связи Р. Х. Симонян, например, замечает, что даже советская бюрократическая система в Латвии обходилась всего 22 тысячами человек [96].

По экспертным оценкам, страны Балтии, наряду с Венгрией, оказались наиболее пострадавшими государствами от финансово-экономического кризиса среди членов ЕС. Конечно, последствия кризиса в Греции и других странах Южной Европы оказались куда более ощутимыми для Евросоюза. Но это связано в большей степени с различным весом тех и других в экономике ЕС и куда менее эффективными попытками последних преодолеть кризисные явления, чем с изначальными масштабами кризисных явлений в их экономиках.

В государствах Балтии кризис сопровождался резким снижением показателей ВВП на душу населения, ростом безработицы, дефляцией (падением потребительских цен) и падением внутреннего спроса вследствие снижения уровня зарплат и фактического прекращения потребительского кредитования. Стремление их населения ускоренными темпами достичь западноевропейского уровня потребления, которое в докризисные годы стимулировалось дешевыми кредитами, привело к росту ипотечных и лизинговых задолженностей. Рынок недвижимости отреагировал на увеличение спроса и доступность кредитных средств многократным увеличением цен на жилье. Банки с преимущественно скандинавским капиталом, которые составляли основу банковского сектора стран Балтии, спровоцировали резкое снижение кредитных ставок и кредитный бум в отрасли, продолжавшийся вплоть до конца 2007 г. Начиная со второй половины 2008 г. финансовый кризис фактически парализовал их работу. Большинство выданных банками кредитов на приобретение недвижимости и строительные работы не возвращались. Поэтому им пришлось осваивать такие новые для себя функции, как управление конфискованными объектами. А поскольку в условиях кризиса на рынке недвижимости продавать эти объекты было нерентабельно, издержки на выполнение этих функций неуклонно росли. В итоге к 2009 г. банки понесли серьезные убытки и фактически прекратили кредитование бизнеса.

Однако кризис в банковской сфере не ограничился одним лишь кредитованием. Банки несли потери и от обслуживания депозитов. Прежде всего, это касалось долгосрочных депозитов. До кризиса по ним были установлены высокие ставки – 7–8% годовых и банкам приходилось выплачивать вкладчикам, среди которых было много крупных компаний, в том числе и страховых, огромные суммы. В то же время население, получив от Евросоюза гарантию депозитных вкладов до 50 тыс. евро, стало увеличивать свои сбережения. Не имея возможности выплачивать прежние высокие проценты,

банки были вынуждены за два года почти десятикратно снизить процентную ставку – с 5% осенью 2008 г. до 0,6% осенью 2010 г. Но, выплачивая даже столь незначительный депозитный процент вкладчикам, балтийские банки работали в убыток. Чтобы избежать обрушения финансово-кредитной системы, государства Балтии были вынуждены субсидировать банки. Наиболее ярким примером такой политики стала покупка государством крупнейшего банка Латвии – «Parexbanka». При этом издержки этой меры оказались столь велики для бюджета страны, что вызвали необходимость двукратного сокращения зарплаты работников государственного аппарата [95, с. 39–40].

Преобладание иностранного, прежде всего скандинавского и немецкого, капитала в банковском секторе стран Балтии, которое в докризисный период рассматривалось как серьезное достижение, открывающее для литовской, латвийской и эстонской экономик широкий доступ к внешним кредитным ресурсам, в условиях кризиса породило целый ряд проблем. Во-первых, скандинавские и немецкие инвесторы не были заинтересованы в поддержке производственных проектов с длительным сроком окупаемости. Во-вторых, решения о политике конкретных банков принимались за рубежом и не учитывали острых проблем, с которыми сталкивались национальные экономики стран Балтии.

Наконец, нужно отметить еще одну специфичную особенность банковской системы стран Балтии в период кризиса: в отличие от других стран ЕС, не входящих в еврозону, их банки выдавали кредиты в евро, в то время как все остальные финансовые операции осуществлялись в местной валюте. Это существенно ограничивало свободу финансовых систем, например, лишало возможности провести девальвацию национальных валют, чтобы повысить конкурентоспособность своих экономик и улучшить условия экспорта. Учитывая общую сумму кредитов, девальвация национальных валют неминуемо обрушила бы банковскую систему.

Для преодоления кризиса правительства Литвы, Латвии и Эстонии пошли на целый ряд непопулярных мер. Не желая бесконечного наращивания объемов внешнего долга, как это имело место в странах Южной Европы, они избрали политику жесткой экономии и «затягивания поясов». Чтобы сократить дефицит государственного бюджета, были свернуты многие социальные программы, снижены зарплаты, ликвидированы некоторые социальные льготы. Первоначально такие меры привели к росту безработицы, закрытию ряда образовательных, культурных и медицинских учреждений.

Это в свою очередь вызвало серьезное недовольство населения и рост социальной напряженности. Осенью 2009 г. у зданий парламентов Латвии и Литвы в Риге и Вильнюсе состоялись уличные демонстрации недовольных граждан [95, с. 41–42]. Недовольство избирателей мерами антикризисной экономии привело и к определенным переменам на внутрисполитическом поле стран Балтии. Во всех трех государствах, хотя и в разной мере, падает популярность правящих правоцентристских и консервативных сил, которые инициировали политику «затягивания поясов» во время кризиса, и растет влияние левых, в том числе и популистских, партий, а также политических сил, ориентирующихся на поддержку национальных меньшинств.

Наиболее сложная ситуация сложилась в Латвии, где в 2011 г. разразился парламентский кризис, завершившийся роспуском парламента по инициативе президента Валдиса Затлерса, одобренной населением страны на национальном референдуме. В результате внеочередных выборов коалиционное правительство вновь возглавил Валдис Домбровскис, который ранее начинал проведение антикризисной политики жесткой бюджетной экономии. В Литве на президентских выборах 2009 г. победила представитель левоцентристской социал-демократической партии Даля Грибаускайте. А по итогам парламентских выборов 2012 г. консервативное правительство Андрияса Кубилюса сменила у власти коалиция левых сил во главе с теми же социал-демократами. И лишь

в Эстонии правоцентристское правительство Андруса Ансипа продержалось у власти все годы кризиса и посткризисного восстановления – вплоть до весны 2014 г.

Еще одной особенностью развития внутривластной ситуации в странах Балтии в период кризиса, которую отмечают и российские, и европейские эксперты (первые с воодушевлением, вторые – с настороженностью), стало «формирование альтернативных центров политической власти» [209, с. 25] в Латвии и Эстонии, противостоящих национальным правительствам этих государств, в результате победы на муниципальных выборах в их столицах партий, ориентированных на поддержку русскоязычных меньшинств и сближение с Россией. Речь идет об эстонской Партии Центра, возглавляемой мэром Таллина Эдгаром Сависааром, и латвийском объединении «Центр Согласия», лидер которого Нил Ушаков в 2009 г. занял пост мэра Риги. Оба политика неоднократно ездили в Москву во главе делегаций деловых кругов своих стран и в целом занимают отличную от правительств Латвии и Эстонии позицию по поводу места России в системе их внешнеполитических приоритетов, выступая за улучшение с ней политических отношений и углубление экономических связей.

И все же странам Балтии удалось избежать экономического банкротства и дестабилизации политической системы. Проводимая их правительствами политика бюджетной стабилизации и сокращения государственных расходов вскоре стала давать результаты и уже к 2011 г. рецессия сменилась экономическим ростом, который продолжился в 2012 и 2013 гг. Как свидетельствует обнародованный в мае 2014 г. доклад Международного Валютного Фонда о состоянии экономик стран Балтии, Эстония, Латвия и Литва практически полностью преодолели негативные последствия кризиса 2008–2009 гг. [139]. Стремление к минимизации внешних заимствований наряду с приверженностью консервативной бюджетной политике позволили не превысить порог госдолга в 60% ВВП, предусмотренный критериями конвергенции

Маастрихтского договора ЕС, установленными для стран, желающих перейти на общую европейскую валюту [86]. Эстония, первой оправившись от кризиса, смогла присоединиться к зоне евро уже в 2011 г. Латвия последовала ее примеру в 2014 г., а Литва – 1 января 2015 г. Поэтому сейчас балтийские политики любят при всяком удобном случае подчеркнуть правильность выбранного курса, основанного на жесткой финансовой дисциплине, и его преимущество перед курсом руководства Греции, которая, имея на момент начала кризиса гораздо лучшие стартовые позиции, умудрилась погрязнуть во внешних долгах и спровоцировать новый кризис европейского масштаба.

Успеху антикризисных реформ способствовал целый ряд социальных факторов. Во-первых, антикризисные программы были осуществлены в достаточно сжатые сроки – их пик пришелся на 2009 г. Как показывает опыт других государств в период кризиса, в условиях экономического спада граждане какое-то непродолжительное время готовы терпеть лишения, связанные с шоковой терапией антикризисных мер и сохранять доверие к политическому руководству страны, – социальный взрыв происходит только если падение уровня жизни приобретает затяжной характер, как в Греции [86]. Во-вторых, большая часть населения стран Балтии еще хорошо помнила опыт выживания в период экономического кризиса первых лет восстановления независимости и потому, в отличие от тех же греков, не воспринимала ситуацию 2008–2010 гг. как нечто экстраординарное. Наконец, население ощущало справедливость проводимой политики, так как сокращения рабочих мест и урезания зарплат затронули не только низовых работников бюджетной сферы (учителей, врачей и т. д.), но и чиновников среднего и высшего звена – премьер-министр Латвии, например, урезал собственную зарплату на 35%, были упразднены многие должности заместителей министров и мэров, сокращено около трети государственного аппарата. И в то же время размеры пенсий остались на докризисном уровне [86].

Таким образом, антикризисные программы государств Балтии в целом оказались успешными и эффективными. Однако этот успех омрачают тенденции массовой эмиграции населения в более благополучные страны Евросоюза в поисках лучшей работы и более высоких заработков, которые особенно усилились в период кризиса. За десять лет, прошедших после вступления в ЕС, население Латвии уменьшилось более чем на 300 тыс. чел. (2319 до 2001 тыс. чел.), или примерно на 13,7%, Литвы – более чем на 400 тыс. чел. (с 3446 до 2943 тыс. чел.), или на 14,5%, Эстонии – на 45 тыс. чел. (с 1351 до 1316 тыс. чел.), или чуть более чем на 2,5% [51]. Конечно, частично это сокращение можно отнести на счет естественной убыли населения в условиях характерного для стран Балтии на современном этапе отрицательного естественного прироста и старения наций. И все же, основной вклад, безусловно, внесла эмиграция.

Массовая трудовая эмиграция из стран Балтии началась почти сразу же после их вступления в ЕС, когда, несмотря на оговоренные Брюсселем временные ограничения, Великобритания и Ирландия в индивидуальном порядке открыли свои рынки труда для мигрантов из новых стран-членов. Еще больше она усилилась в период экономического кризиса, когда обострилась проблема безработицы. Но и в годы посткризисного восстановления экономики и возобновления экономического роста в странах Балтии эмиграция не ослабевает. Как сообщал в июле 2014 г. литовский новостной портал «Delfi» со ссылкой на статистическое бюро «Eurostat», по итогам 2013 г. первое место по оттоку населения среди стран ЕС заняла Латвия с уровнем эмиграции в 7,1%, второе – Литва (5,7%). В Эстонии же этот показатель не превысил 2% [51]. Вообще, по своим миграционным трендам Эстония существенно отличалась от остальных стран Балтии – как масштабами эмиграции, так и ее направлением. В отличие от жителей Латвии и Литвы, которые уезжали в поисках работы, прежде всего в страны Западной Европы, эстонцы предпочитали ездить на заработки в соседнюю

Финляндию, зачастую даже не меняя при этом место своего постоянного проживания [209, с 31].

Эксперты неоднозначно оценивают влияние столь масштабной миграции из стран Балтии на их дальнейшее развитие. Некоторые, как, например, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН Л. Вардомский [127] или директор Эстонского института внешней политики А. Касекамп [209, с. 31], отмечают наряду с негативными и положительные последствия данного процесса. Например, обращается внимание на то, что отток избыточной рабочей силы в условиях роста безработицы способствовал снижению социальной напряженности и нагрузки на государственный бюджет. Однако гораздо чаще встречаются негативные и встревоженные оценки, авторы которых подчеркивают, что, во-первых, уезжают обычно наиболее образованные и молодые кадры, а, во-вторых, при сохранении нынешних тенденций в самое ближайшее время под угрозой окажется не только социальная сфера (число пенсионеров превысит число людей трудоспособного возраста, отчисляющих налоги в бюджет), но и демографическая безопасность Балтийских государств. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что хотя массовая эмиграция в другие страны ЕС и помогает Литве, Латвии и Эстонии решить некоторые текущие проблемы, в ближайшем будущем потеря человеческого капитала может стать для них основным барьером на пути устойчивого развития.

Что касается позиционирования стран Балтии во внутренней политике ЕС и их отношения к дальнейшему развитию европейской интеграции, следует рассмотреть эволюцию их позиций по этим вопросам более подробно. Во время переговоров о вступлении они придерживались преимущественно положительной или нейтральной позиции по вопросам углубления интеграции, в том числе в сфере внешней политики и безопасности, выступая за тесное сотрудничество ЕС и НАТО в этих областях. Однако уже при обсуждении Конвенции о будущем Европы Литва, Латвия и Эстония

стали склоняться в пользу сохранения статус-кво и приоритета старых межправительственных методов принятия решений в ЕС перед наднациональными. На то было две основных причины. Во-первых, они опасались, что предложенный проект европейской конституции приведет к превращению ЕС в супергосударство, в котором суверенитет малых стран, таких, как государства Балтии, просто растворится. Балтийские евроскептики в этот период особенно любили проводить параллели между Евросоюзом и СССР, стараясь вызвать у населения негативные образы прошлого и ассоциации с советским бюрократизмом и планово-директивными методами управления. Во-вторых, их особенно тревожило развитие политических направлений интеграции – таких, как «Общая внешняя политика и политика безопасности» (ОВПБ) и «Европейская политика безопасности и обороны» (ЕПБО), что могло, по их мнению, привести к ослаблению роли НАТО и трансатлантических связей.

Таким образом, на момент своего вступления Литва, Латвия и Эстония были склонны примкнуть к лагерю евроскептиков во главе с Великобританией, выступающему против усиления полномочий европейских наднациональных структур, особенно в политической и военной сферах, где те могут стать конкурентами НАТО. Но уже в первые месяцы своего членства в ЕС они пересмотрели свои прежние подходы. В странах Балтии вскоре поняли, что Еврокомиссия является основным защитником интересов небольших новых членов ЕС перед лицом более сильных партнеров. Поэтому они никогда не поддерживали инициативы, направленные на ослабление полномочий Еврокомиссии. При этом по вопросу о принятии европейского Конституционного договора между тремя странами наметились различия подходов: если Латвия и Эстония заняли выжидательную позицию, то Литва стала первой страной ЕС, ратифицировавшей этот документ еще в 2004 г.

Подписание в 2005 г. вопреки интересам государств Балтии соглашения о строительстве трубопровода «Северный

поток» также заставило их изменить свою политику в сторону большей поддержки углубления европейской интеграции. Они стали выступать за укрепление ОВПБ ЕС, особенно на российском направлении, и формирование общей европейской политики в энергетической сфере. Наконец, быстрый экономический рост и улучшение уровня жизни в первые годы после вступления способствовали росту популярности ЕС и поддержки европейской интеграции у населения Литвы, Латвии и Эстонии. При этом, как отмечает А. Касекампа, усилилась поддержка даже такого направления европейской интеграции, как ЕПБО, ранее вызывавшего множество опасений: ссылаясь на статистические данные опросов агентства Евробарометр, он приводит данные, что в Литве к концу 2006 г. она составила 85%, в Эстонии – 82%, а в Латвии – 76% [210, с. 12].

Поэтому начиная с 2006–2007 гг. правительства стран Балтии стали проводить политику, направленную на всестороннюю поддержку развития европейской интеграции, причем не только вглубь, но и вширь. Все три государства последовательно поддерживают идею дальнейшего расширения ЕС и принятия в него новых членов. Они поддержали принятие в ЕС Хорватии в 2013 г. и выступают за предоставление членства и другим республикам бывшей Югославии. Но особую поддержку они оказывают кандидатуре Турции и приданию официального статуса кандидата на вступление в ЕС Украине. В первом случае, по мнению А. Касекампа, речь идет о «благодарности Турции» за поддержку, которую она оказала кандидатурам стран Балтии при получении ими членства в НАТО [210, с. 12]. Во втором – об активизации внешней политики стран Балтии в отношении новых восточных соседей ЕС, которая будет более подробно рассмотрена в следующем разделе. Следует также отметить, что страны Балтии настороженно относятся к принципу разноскоростной интеграции, опасаясь оказаться на обочине интегрирующейся Европы. Поэтому они без особых дебатов поддержали заключение Лиссабонского договора ЕС.

Поскольку вес государств Балтии в европейской политике не настолько велик, чтобы пытаться оказывать влияние на все ее направления, постепенно стали формироваться приоритетные направления политики Литвы, Латвии и Эстонии в Евросоюзе. Так, для всех трех государств приоритетными стали такие сферы, как энергетическая безопасность и снижение зависимости от поставок энергоносителей из России путем развития энергетической инфраструктуры ЕС (это направление наиболее последовательно отстаивает Литва) и развитие связей с восточноевропейскими республиками бывшего СССР в рамках программы ЕС «Восточное партнерство». Получило продолжение и региональное взаимодействие государств Балтии с северными странами под эгидой ЕС. Развитием программы «Северное измерение» стала новая программа – «Стратегия ЕС для региона Балтийского моря», принятая в 2009 г. Правда, как и все предыдущие инициативы ЕС в этом регионе, она была лишена собственных средств бюджетного финансирования [179].

Если говорить о конкретных приоритетах отдельных государств, то можно отметить, что для Литвы бесспорным приоритетом в ЕС, как и в НАТО, является обеспечение энергетической безопасности путем разработки соответствующей стратегии на уровне Евросоюза, ограничивающей возможности нефтегазовых монополий (прежде всего российских) устанавливать контроль над энергораспределительными сетями европейских стран, а также за счет использования европейских бюджетных фондов для строительных работ по соединению энергетической инфраструктуры стран Балтии с инфраструктурой государств Центральной и Западной Европы. Для Эстонии приоритетными направлениями стали постройка железнодорожной магистрали «Rail Baltic», которая должна связать Таллин и Варшаву, а также формирование единого цифрового рынка ЕС и укрепление кибербезопасности в Европе [209, с. 29].

Важную роль во взаимодействии стран Балтии с Евросоюзом играет участие их представителей в работе руково-

дящих органов ЕС. Как уже отмечалось, страны Балтии получили равное с другими членами представительство в Еврокомиссии уже в 2004 г. С тех пор посты еврокомиссаров занимало несколько видных политических деятелей Литвы, Латвии и Эстонии. Так, в первой Комиссии Ж. Баррозу, которая действовала с ноября 2004 г. по февраль 2010 г., пост вице-президента и комиссара по административной реформе, аудиту и борьбе с коррупцией занял представитель Эстонии Сийм Каллас, ранее занимавший посты министра иностранных дел, министра финансов и даже премьер-министра этой страны. Во второй Комиссии Баррозу (февраль 2010 – ноябрь 2014 г.) он же представлял Эстонию уже в качестве еврокомиссара по транспорту. В нынешнем составе Комиссии Ж.-К. Юнкера, которая приступила к выполнению своих обязанностей в ноябре 2014 г., его сменил другой представитель от Эстонии – Андрус Ансип, также бывший премьер-министр страны, который получил пост вице-президента и комиссара по единому цифровому рынку.

Первым еврокомиссаром от Литвы стала будущий президент страны Даля Грибаускайте. В 2004–2009 гг. она отвечала в первой Комиссии Ж. Баррозу за вопросы бюджета и финансового планирования. В связи с участием в президентской кампании с апреля 2009 г. ее сменил на этом посту бывший министр финансов Литвы Альгирдас Шемета. В 2010 г. во второй Комиссии Баррозу он занял пост комиссара по налогам, таможенному союзу, аудиту и борьбе с мошенничеством, сменив в этой должности представителя Эстонии С. Калласа. В нынешней Комиссии Литву представляет в должности еврокомиссара по здравоохранению и пищевой безопасности бывший министр здравоохранения этой страны Витянис Андриякайтис.

Латвию в первой и второй Комиссиях Баррозу представлял бывший министр финансов Андрис Пиебалгс. В 2004–2010 гг. он занимал пост еврокомиссара по энергетике, а в 2010–2014 гг. – по вопросам развития. В Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера вместо него от страны был делегирован

бывший премьер-министр и главный инициатор латвийской программы выхода из кризиса Валдис Домбровскис, который занял пост вице-президента и комиссара по вопросам евро и социального диалога.

Таким образом, представителям стран Балтии в Еврокомиссии доверяли достаточно важные направления работы. Со стороны европейских структур это можно рассматривать, с одной стороны, как признание высокой профессиональной компетентности балтийских политиков, а с другой – как стремление продемонстрировать, что в ЕС отсутствует дискриминация малых стран.

Что касается другого руководящего органа ЕС, Европарламента, тут влияние стран Балтии несравненно ниже. В 2004 г. из 788 мест в Европарламенте Литва получила 13, Латвия – 9, а Эстония – 6. К следующим выборам евродепутатов 2009 г. в связи с реформированием этого органа ЕС в соответствии с условиями Лиссабонского договора, которые предусматривали сокращение депутатских мест до 732, Латвия и Литва потеряли по одному месту. Количество мест для эстонских европарламентариев осталось неизменным. Поскольку, в силу отсутствия четкой определенности роли Европарламента в системе управления ЕС, этот орган зачастую представляется избирателям малозначимым и не имеющим особого влияния на принимаемые решения, явка на выборы евродепутатов традиционно является одной из самых низких. При этом избранные от стран Балтии евродепутаты представляют весьма широкую палитру политических сил – от консерваторов и либералов до социал-демократов, «зеленых» и партий, представляющих национальные меньшинства (Русский союз Латвии и литовский Союз избирательного действия поляков). Соответственно, в Европарламенте они примыкают к целому ряду фракций различной идеологической направленности, нигде не образуя более-менее заметных групп.

Еще одним руководящим органом Евросоюза является Совет ЕС, возглавляемый поочередно странами-членами

в течение полугода на принципах ротации. Первой из стран Балтии своей очереди дождалась Литва. Литовское председательство в Совете ЕС длилось с 1 июля по 31 декабря 2013 г. Как отмечает директор Института международных отношений и политических наук при Вильнюсском университете Рамунас Вилпишаускас, его основными темами стали: энергетика, развитие стран Балтийского региона, контроль внешних границ Евросоюза и усиление сотрудничества с восточными соседями ЕС в рамках программы «Восточное партнерство» [47]. Следует подчеркнуть, что эта региональная инициатива стала одной из основных тем и латвийского председательства в Совете ЕС, которое пришлось на весьма сложное в плане международной обстановки и противоречий по линии Россия – Запад первое полугодие 2015 г. В то же время Вильнюсский и Рижский саммиты «Восточного партнерства» считаются поворотными моментами в истории этой программы.

3.3. Изменения международной обстановки в регионе и внешней политики стран Балтии после вступления в ЕС и НАТО

После вступления стран Балтии в евроатлантические структуры исследователей-международников беспокоили, главным образом, два вопроса: во-первых, как это скажется на их отношениях с Россией и другими восточными соседями, а во-вторых, как это повлияет на политику их северных соседей – Швеции и Финляндии, за которыми благодаря их многолетней приверженности политике строгого нейтралитета закрепилось в прессе прозвище «евронеutralов». Начнем со второго из этих вопросов.

Вступление в Альянс государств Балтии способствовало усилению в Швеции и Финляндии внутривнутриполитической дискуссии о целесообразности продолжения прежней политики неучастия в военных союзах. После расширения 2004 г. эти две страны оказались с трех сторон окруженными чле-

нами НАТО: с севера и запада – Норвегией и Данией, с юга – ФРГ и Польшей, с юго-востока – Литвой, Латвией и Эстонией. Таким образом, они фактически утратили свой прежний геополитический статус пограничной буферной зоны между Россией и НАТО. В этих условиях началась активизация политических сил, которые выступают за присоединение этих государств к Альянсу.

Следует отметить, что трансформация внешнеполитического курса Швеции и Финляндии началась задолго до расширения 2004 г. В 1991 г. с распадом СССР утратил силу советско-финский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который устанавливал между двумя странами «особые отношения» и препятствовал участию Финляндии в союзах Запада. В результате этого уже в следующем году эта страна вслед за Швецией подала заявку на вступление в ЕС. В 1992 г. Швеция, а в 1995 г. Финляндия официально отказались от дальнейшего определения своего политического статуса в качестве полного нейтралитета [54, с. 104]. Вместо этого была принята формулировка неучастия в военных конфликтах и сохранения нейтралитета лишь в военное время [320, с. 13]. Кроме того, обе страны уже в мае 1994 г. стали участницами натовской программы ПРМ, а вскоре после вступления в ЕС получили статус наблюдателей в ЗЕС [289].

Естественно, трансформация внешнеполитического курса этих двух стран не осталась без внимания в руководстве НАТО. Особый интерес Альянс проявлял к Финляндии, что было обусловлено важным стратегическим положением страны. Финляндия фактически является единственным государством Запада, имеющим значительную сухопутную границу с Россией протяженностью около 1300 км. Кроме того, ее вступление в НАТО, наряду с принятием в него Балтийских стран, позволило бы Альянсу установить контроль над выходом из Финского залива и в случае необходимости полностью перекрыть коммуникации российских ВМС на Балтике. Поэтому руководство блока неоднократно подчер-

кивало свое желание видеть Финляндию в рядах этой организации. Так, еще в октябре 1992 г. на заседании группы ядерного планирования НАТО было заявлено, что «Финляндия соответствует всем требованиям, предъявляемым к членам союза» [68, с. 8].

На протяжении 1990-х гг. в Финляндии и Швеции усиливаются позиции сторонников вступления в НАТО. При этом, как отмечает российский дипломат и исследователь Ю. Дерябин, в Финляндии это происходило гораздо быстрее, чем в Швеции [53, с. 71]. Это было обусловлено тем, что финский нейтралитет был связан, прежде всего, с вынужденной ориентацией на позицию СССР в годы холодной войны. По мнению некоторых финских экспертов, в 1990-е гг. необходимость учитывать позицию России в отношении НАТО также играла сдерживающую роль в развитии связей Финляндии с Альянсом. Тем не менее в экспертных и политических кругах этой страны постепенно формируется мнение, что продолжение прежней политики военного неприсоединения и самостоятельной обороны не соответствует складывающейся в регионе ситуации [68, с. 8]. Поэтому в правительственном докладе по проблемам безопасности, представленном в 1997 г., закреплялась возможность Финляндии обращаться за военной помощью извне, если собственных ресурсов страны окажется недостаточно для отражения агрессии. Таким образом, на смену прежней концепции «самостоятельной обороны» приходит новый принцип, получивший название «убедительной обороны» [54, с. 104]. Новый оборонный курс Финляндии Ю. Дерябин характеризует как политику «опций», которая предполагает различные варианты обеспечения безопасности страны в изменяющихся международных условиях, не исключая и ее возможное вступление в НАТО. По его мнению, наиболее четко эта политическая линия проявилась в период президентства М. Ахтисаари (1994–2000 гг.), которого Ю. Дерябин называет одним из главных сторонников интеграции Финляндии в НАТО [54, с. 105].

Что касается Швеции, ее нейтралитет сложился гораздо раньше финского, задолго до начала холодной войны, и носил традиционный характер (не был закреплен в каких-либо законодательных актах). Он позволил стране избежать разрушений двух мировых войн, что в немалой степени способствовало ее нынешнему процветанию. Поэтому политика военного неприсоединения пользуется чрезвычайной популярностью у населения страны, и ее правительство неоднократно подчеркивало на протяжении 1990-х гг., что шведская политика военного неприсоединения остается неизменной. Однако, как и в Финляндии, в Швеции нарастает дискуссия о целесообразности вступления в НАТО, в которой позиция политической элиты зачастую расходится с общественным мнением. В 1996 г. оппозиционная Либеральная партия стала первой политической силой, открыто поддержавшей идею вступления Швеции в НАТО [289]. Хотя возглавлявший в то время правительство страны социал-демократ И. Карлссон заявил, что обсуждение этого вопроса поднято преждевременно и его необходимо отложить на будущее, его преемник на посту премьера, Г. Персон, активно поддерживал расширение сотрудничества Швеции с Альянсом в рамках программы ПРМ, миротворческих операций на Балканах, а также в деле подготовки стран Балтии к вступлению в НАТО. Последнее направление занимало особо важное место во внешней политике страны. Об этом свидетельствовал и громкий политический скандал, разразившийся осенью 2000 г. в связи с докладом двух представителей шведского штаба обороны, в котором они заявили, что вступление в НАТО стран Балтии неблагоприятно скажется на безопасности Швеции, так как оно будет способствовать обострению отношений с Россией и усилению напряженности в Балтийском регионе. Военное командование и Министерство обороны поспешили отмежеваться от этих выводов, заявляя, что каждая страна региона вправе сама выбирать свой путь обеспечения национальной безопасности. А политические эксперты и обозреватели ведущих шведских газет почти

единогласно поддержали стремление стран Балтии вступить в НАТО, отмечая, что это позволит перенести основную линию обороны Швеции от острова Готланд к российско-балтийским границам [42, с. 26].

Вопрос о принятии в НАТО Балтийских государств имел важное значение и для политического курса Финляндии. Как свидетельствует доклад Исследовательской службы конгресса США, одной из главных причин, по которой президент страны М. Ахтисаари в 1996 г. высказался против ее возможного вступления в НАТО, было нежелание вступать в Альянс раньше стран Балтии. Как считали некоторые финские политики, вступление в НАТО Финляндии прежде, чем этого добьются Балтийские страны, только усилило бы негативную реакцию России и свело на нет шансы Литвы, Латвии и Эстонии быть принятыми в Альянс [289]. Таким образом, можно сделать вывод, что и в Швеции, и в Финляндии окончательное решение вопроса о присоединении к НАТО было отложено до того времени, когда в НАТО будут приняты страны Балтии.

После расширения Альянса в 2004 г., когда его новыми членами среди прочих стали Литва, Латвия и Эстония, политические дебаты в Швеции и Финляндии вновь обострились. В Швеции основными сторонниками присоединения к НАТО стали правые партии, которые добились успеха на следующих парламентских выборах в стране. В Финляндии ни одна политическая сила открыто не поддерживает присоединение к Альянсу, однако ряд партий, в т. ч. и правящая социал-демократическая, рассматривают членство в НАТО как реальную альтернативу нынешнему политическому курсу. Наибольший процент сторонников присоединения к блоку наблюдается в крупнейшей оппозиционной партии страны – Национальной коалиционной партии (НКП), возглавляемой Ю. Катайненом (60 %). Наибольший процент противников присоединения – в Левом союзе (ЛСФ) и Союзе «зеленых» (около 80%), которые, однако, имеют очень мало мест в парламенте. Диаметрально противоположных точек зрения по

данному вопросу придерживаются и два экс-президента страны, сохраняющих значительное влияние в ее политической жизни – М. Ахтисаари и М. Койвисто [54, с. 107].

Как отмечает Ю. Дерябин, и в Финляндии, и в Швеции дебаты о вступлении в НАТО обычно обостряются в период предвыборных кампаний и вновь затихают после их завершения. Что касается динамики общественного мнения по данному вопросу, то за три года, прошедшие с момента вступления в НАТО стран Балтии, процент противников присоединения к Альянсу неуклонно снижался (64% – в 2004 г., 57% – в 2005 г. и 55% – в 2007 г.) [54, с. 108], хотя в целом сторонники сохранения нынешней политики военного не-присоединения все еще составляют большинство. Характеризуя аргументы сторонников присоединения к Альянсу в Финляндии и Швеции, можно отметить, что в целом они схожи с аргументами, высказывавшимися в странах, которые уже вступили в НАТО. Однако в отличие от стран Балтии «российская угроза» среди этих аргументов практически не фигурирует. Зато ряд политиков и представителей финского бизнеса считают, что вступление в НАТО должно рассматриваться как неотъемлемая часть общего процесса интеграции страны в западные структуры, началом которого стало вступление в ЕС в 1995 г. [54, с. 109]. Это позволяет сделать вывод, что решение данного вопроса в обеих странах не связано с пересмотром их геополитических ориентиров и будет зависеть главным образом от развития их внутривнутриполитической конъюнктуры.

Следует также отметить, что ключевую роль в вопросе определения дальнейшего статуса двух неприсоединившихся стран Северной Европы будет играть позиция Финляндии. Несмотря на официальные заявления руководства этой страны о том, что она сейчас не испытывает «дефицита безопасности» и, следовательно, не имеет причин для изменения нынешнего курса, в правительственных и военных кругах детально анализируются возможные выгоды и издержки от вступления в НАТО. Вопрос об окончательном определении

характера отношений Финляндии с Альянсом все еще остается актуальным. Что касается Швеции, в данном вопросе она вероятнее всего будет ориентироваться на позицию Финляндии и действовать согласованно с ней. В случае присоединения последней к НАТО, Швеция окажется со всех сторон окруженной членами Альянса. Сохранение в таких условиях неприсоединившегося статуса будет весьма проблематичным.

Рассмотрев внутренние трансформации и основные направления взаимодействия Литвы, Латвии и Эстонии с НАТО и ЕС в период после получения ими статуса полноправных членов этих организаций, представляется целесообразным и важным также определить, как повлияли эти процессы на изменение их внешней политики, в т. ч. и в отношении нашей страны. В данной сфере можно выделить две основных тенденции. Во-первых, это активизация отношений с соседями – постсоветскими государствами Восточной Европы, которым до вступления в евроатлантические структуры особого внимания не уделялось. Если раньше страны Балтии стремились всячески отмежеваться от своих постсоветских соседей (о чем свидетельствует, например, их категорический отказ от идеи формирования Балтийско-Черноморского союза в начале 1990-х гг. [14]), то теперь они стремятся максимально использовать свое геополитическое положение, чтобы стать ведущими посредниками в отношениях между евроатлантическими структурами и постсоветским пространством – во всяком случае, его западной, восточноевропейской частью. Обосновывая свою особую роль в процессах трансляции и поддержки западных либерально-демократических ценностей в постсоветских государствах, они подчеркивают важность передачи этим странам своего уникального опыта трансформации от составных частей советской командно-административной системы к обществам, полностью соответствующим европейским стандартам устойчивой демократии и свободного рынка.

Во-вторых, балтийские политики и не скрывали, что добиваются членства в ЕС и НАТО не только в целях укреп-

ления национальной безопасности своих стран, но и увеличения их веса в международной политике. Конечно, можно долго спорить о том, насколько самостоятельны они теперь в принятии своих внешнеполитических решений и насколько «слышны их голоса» в евроатлантических структурах. Но следует согласиться, что при решении конкретных внешнеполитических задач, особенно в отношениях с несопоставимо более крупными и сильными государствами, использование возможностей Евросоюза и НАТО может оказаться очень важным ресурсом. В этой связи показательной тенденцией стало стремление стран Балтии перенести решение части своих внешнеполитических задач на уровень Евросоюза, в т. ч. включая их в ОВПБ ЕС. Например, они лоббировали принятие на европейском уровне мер по диверсификации импорта энергоресурсов в целях снижения односторонней зависимости от их поставок из России.

Эту тенденцию особенно подчеркивает российский историк А. Н. Сытин, отмечая, что наиболее ярко она проявилась в их политике в отношении России [106]. Правда, здесь следует заметить, что для российских авторов вообще свойственно абсолютизировать частные и весьма специфичные нюансы российско-балтийских отношений, автоматически обобщая их оценку на характеристики всей внешней политики этих стран и не обращая особого внимания на характер их взаимодействия с другими государствами. Так, если посмотреть на развитие отношений Литвы и Латвии с Беларусью, можно найти и ряд обратных примеров, когда страны Балтии, наоборот, пытались уйти от невыгодной для них жесткой общей политики Евросоюза в отношении нашего государства.

Что касается российского направления внешней политики стран Балтии, то вышеназванная тенденция в ней во многом обусловлена самим характером отношений между Россией и ЕС. Как отмечает эстонский исследователь К. Л. Ниельсен, в своей европейской политике Россия всегда стремилась максимально использовать для решения своих задач формат

двусторонних межгосударственных отношений с отдельными странами ЕС и свести к минимуму взаимодействие с его коллективными институтами. Такой подход, по его мнению, объясняется тремя факторами: во-первых, еще старой, оставшейся с советских времен, традицией игнорирования европейских наднациональных структур как несущественных и второстепенных по сравнению с межгосударственными отношениями; во-вторых, тем, что благодаря своему ресурсному и военному потенциалу Россия ощущала свое превосходство над каждым государством Европы в отдельности, но не над Евросоюзом как целым. Наконец, этому способствовала и сложная, длительная процедура принятия решений в ЕС, основанная на согласовании позиций всех стран-членов и достижении приемлемого компромисса. Такая процедура внутреннего согласования чрезвычайно усложняет переговоры с ним внешних партнеров, поскольку требует больших временных затрат и почти не оставляет поля для маневров и политического торга – ведь всякая корректировка или встречное предложение требуют нового согласования позиций всех членов. Так или иначе, но Москва предпочитала договариваться не с ЕС, а с его ключевыми государствами-членами – Германией, Францией, Италией, рассчитывая на то, что эти страны затем распространят достигнутые договоренности на отношения всего Евросоюза с Россией. Естественно, это не устраивало остальных членов ЕС, которые считали себя ущемленными, так как фактически оказывались отстраненными от принятия решений, которые будут вынуждены выполнять. Поэтому средние и малые страны Евросоюза, к которым относятся и государства Балтии, стремились, наоборот, максимально подчинить регулирование отношений с Россией коллективным институтам ЕС [245, с. 119].

Вообще, накануне присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к НАТО и ЕС преобладало два диаметрально противоположных мнения о том, как это повлияет на их отношения с Россией. Первое из них, которого придерживалось большинство российских авторов, основывалось на негативных прог-

нозах их неминуемого ухудшения в связи с «упорным нежеланием» стран Балтии учитывать российские интересы в регионе (например, автоматически предоставить гражданство всему русскоязычному населению или присоединиться перед вступлением в НАТО к адаптированному Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), что должно было гарантировать России сохранение прежнего военного баланса в регионе после расширения блока), а также в связи с их стремлением «усилить антироссийские настроения» в евроатлантических структурах. С другой стороны, балтийские авторы в основной своей массе были склонны к оптимистичным прогнозам. По их мнению, со вступлением Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО отношения должны были неминуемо улучшиться, поскольку исчезал сам предмет балтийско-российских разногласий, вызванный прежней неопределенностью их геополитического статуса. Проще говоря, они надеялись, что Москва в конце концов смирится с интеграцией государств Балтии в западное сообщество и начнет выстраивать отношения с ними на равноправной взаимовыгодной основе, вписав их в более широкий контекст своего партнерства с Западом.

Реальное же развитие событий после 2004 г. опровергло и те, и другие прогнозы. На деле вступление государств Балтии в ЕС и НАТО практически не привело к каким-либо серьезным изменениям в характере их отношений с Россией. Да они и не могли измениться в одночасье, поскольку, как справедливо отмечает директор латвийского Высшего института социальных и политических исследований Н. Муижнекс, это именно тот случай, когда отношения определялись не столько рациональными интересами сторон, сколько их иррациональными стереотипными представлениями о себе самих и друг о друге [239, с. 4–6]. Эти стереотипы оказались так глубоко укоренены в современной идентичности и той, и другой стороны, что на их изменение потрется много времени. Таким образом, такие значимые и резонансные события, как присоединение государств Балтии

к НАТО и ЕС в 2004 г. или российско-грузинский военный конфликт 2008 г., конечно, оказывали определенное воздействие на характер балтийско-российских отношений, но преобладающим фактором в них все же оставалась инерция прежних лет.

Как и до 2004 г., в последующее десятилетие российско-балтийские отношения варьировались в диапазоне от сдержанного диалога и осторожных попыток найти точки соприкосновения по взаимовыгодным направлениям до откровенной политической конфронтации и открытых взаимных обвинений. Некоторые изменения произошли лишь в перечне приоритетных проблем в их повестке. Так, отошли на второй план российские претензии по поводу прав русскоязычного населения Латвии и Эстонии, особенно той его части, которая еще не имела гражданства этих стран. Объяснялось это просто: после вступления в ЕС неграждане в Латвии и Эстонии оказались даже в более привилегированном экономическом положении по сравнению с остальными жителями. Они получили равные с гражданами этих стран права на перемещение и трудоустройство в пределах Евросоюза, а вдобавок еще имели возможность и безвизового въезда в Российскую Федерацию. С другой стороны, ослабевают и претензии государств Балтии по поводу бесконечного затягивания российской стороной процедуры ратификации заключенных с ними договоров о демаркации государственной границы. Ранее эта проблема вызывала серьезную обеспокоенность, поскольку существовали обоснованные опасения, что неурегулированность вопроса о границе может быть использована, чтобы помешать их вступлению в НАТО. Но после того, как вступление в евроатлантические структуры стало свершившимся фактом, актуальность этой темы заметно снизилась [106].

Другие темы, ранее имевшие второстепенное значение, наоборот, выходят на передний план. К ним можно отнести вопросы поставок и транзита российских энергоносителей, а также идеологические войны в сфере исторической памяти

и ответственности России за действия СССР в отношении Балтийских республик. После принятия государств Балтии в ЕС Россия больше не могла применять по отношению к ним двойные дискриминационные тарифы за поставляемые нефть и газ. В соответствии с нормами действующего с 1997 г. между ней и Евросоюзом рамочного Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, Россия была вынуждена снизить тарифы на поставляемые в страны Балтии энергоресурсы до того уровня, по которым они поставлялись остальным государствам ЕС [245, с. 120]. Кроме того, странам Балтии удалось пролоббировать принятие на европейском уровне антимонопольных норм, запрещавших поставщикам энергоресурсов устанавливать контроль над энергораспределительными сетями внутри ЕС, что вызвало бурное негодование у российских нефтегазовых монополий. В свою очередь России удалось заключить с Германией выгодное соглашение о реализации масштабного проекта строительства по дну Балтийского моря трубопровода «Северный поток», основная задача которого состояла в том, чтобы перенаправить транзит российских углеводородов в Европу в обход государств Балтии, Беларуси и Польши. Естественно, это вызвало протесты Литвы, Латвии и Эстонии, однако их попытки заблокировать реализацию данного проекта через институты ЕС успехом не увенчались.

Что касается конфронтации по поводу исторической памяти XX века, следует упомянуть такие события, как инцидент с «Бронзовым солдатом» (перенос летом 2007 г. памятника советским воинам, погибшим при изгнании из Эстонии гитлеровских завоевателей в ходе Второй мировой войны, из центра на окраину Таллина), вызвавший скандал в российско-эстонских отношениях, а также отказ балтийских лидеров участвовать в юбилейных торжествах в Москве по случаю годовщины Дня Победы. Это вызвало шквал обвинений со стороны России в адрес стран Балтии в осквернении памяти о Второй мировой войне и героизации пособников нацизма, которые озвучивались в том числе и россий-

скими официальными представителями с трибун различных европейских и международных структур. В свою очередь Литва, Латвия и Эстония неоднократно пытались поднять вопрос об ответственности России как правопреемницы СССР за преступления сталинского режима против их народов и о выплате компенсаций за период советской оккупации. В этой связи стоит упомянуть, что депутаты этих стран сыграли не последнюю роль в инициировании принятия Европарламентом резолюции от 2 апреля 2009 г. о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и фашизма [171] и резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», которая фактически уравнила ответственность гитлеровского и сталинского тоталитарных режимов за развязывание Второй мировой войны [281]. Однако на этом успехи государств Балтии в деле вовлечения евроатлантических структур в пересмотр оценок исторических событий XX века по большей части и закончились. Их попытки распространить на других членов ЕС и НАТО свое видение российской угрозы и добиться проведения этими организациями более жесткой политики в отношении Москвы не имели особого успеха [245, с.120] вплоть до начала российско-украинского конфликта 2014 г. Об этом свидетельствует продолжение регулярных саммитов Россия – ЕС, создание и деятельность (с небольшим перерывом в 2008–2009 гг.) Совета Россия – НАТО, а также упорный отказ руководства Североатлантического альянса вплоть до российско-грузинского военного конфликта 2008 г. начать разработку реальных планов обороны Литвы, Латвии и Эстонии.

Гораздо сильнее вступление в евроатлантические структуры повлияло на внешнюю политику государств Балтии в отношении других постсоветских стран, особенно шести республик европейской части бывшего СССР, включенных в 2009 г. в сферу действия программы ЕС «Восточное партнерство», в том числе и Беларуси. Как отмечает А. Н Сытин,

уже в 2004–2008 гг. страны Балтии, особенно Литва, начали позиционировать себя в качестве основных ретрансляторов демократических западных ценностей в постсоветские государства [106]. Правда, сложно согласиться с мнением этого исследователя, что они так поступали лишь «по указке Запада». Гораздо более убедительной представляется версия, что таким образом они стремились повысить свой вес в европейской политике, в определенной степени конкурируя на этом поле с таким более крупным региональным игроком, как Польша. В пользу такой гипотезы свидетельствует и им же приведенная информация, что активность в развитии отношений со странами СНГ проявляли, прежде всего, Литва и Латвия, тогда как Эстония, успешно интегрирующаяся в региональное сообщество северных стран, не проявляла к этому направлению особого интереса. Таким образом, решающим фактором в этом плане служили все же национальные интересы, экономические связи и внешнеполитические амбиции каждой из Балтийских стран, а не какая-то общая директивная линия.

Как уже отмечалось, государства Балтии являются убежденными сторонниками дальнейшего расширения Европейского союза. Исходя из этого они видят одну из основных задач своей внешней политики на современном этапе в поддержке и продвижении демократических и рыночных реформ в странах «Восточного партнерства» с той целью, чтобы в перспективе они также могли присоединиться к европейским интеграционным структурам. В практическом плане это выражается в различных программах помощи по формированию более эффективных и открытых систем государственного управления, обучению гражданских и военных чиновников, продвижению электронных технологий в сфере управления и подготовке специалистов по защите от киберпреступности. Так, начиная с 2003 г. в Балтийском оборонном колледже (BALTDEFCOL) в г. Тарту (Эстония) проходят обучение представители высшего офицерского состава из Грузии. В последующие годы к ним также присоеди-

нились представители еще нескольких постсоветских стран – Украины, Молдовы, Азербайджана и Армении [182].

Наибольшую активность в развитии отношений с государствами «Восточного партнерства» проявляет Литва. В отличие от Латвии и Эстонии она преследовала в отношении этих стран не только абстрактные политические, но и вполне конкретные экономические интересы – особенно в сфере транспорта и транзита. Так, 12 мая 2008 г. в Вильнюсе министры транспорта Литвы, Беларуси и Украины подписали соглашение «О развитии перевозок грузов в направлении Балтийское море – Черное море». А несколькими годами ранее между этими тремя странами был налажен маршрут перевозки грузов контейнерным поездом «Викинг». В связи с закрытием по требованию ЕС Игналинской АЭС в 2009 г. перед Литвой встала проблема импорта электроэнергии. Поэтому с 2008 по осень 2010 г. велись длительные трехсторонние переговоры об организации в Литву транзита украинской электроэнергии через территорию Беларуси, которые однако завершились безрезультатно [15, с. 55].

Следует отметить также особую позицию Литвы по развитию отношений с Беларусью. Если первая половина 2000-х гг. стала периодом «замораживания» политических контактов – сначала на высшем и высоком, затем и на всех остальных уровнях, то начиная с 2005 г. отмечается их столь же постепенное «размораживание». Кульминацией этого процесса стал обмен официальными визитами глав государств в 2009–2010 гг. Можно сказать, что, идя на такой шаг, президент Литвы Д. Грибаускайте проявила политическую смелость, поскольку, несмотря на имевшее место в 2008–2010 гг. кратковременное потепление в отношениях между ЕС и Беларусью, лидеры стран Евросоюза не спешили возобновлять политические контакты с высшим руководством нашей страны [15, с. 51–52]. А когда в 2012 г. Брюссель принимал решение о введении санкций в отношении Беларуси, Литва сначала высказывала сомнения в их целесообразности, а затем выступала за их максимальное смягчение [66].

Таким образом, можно утверждать, что среди стран ЕС Литва первой шла на улучшение отношений с Минском и последней соглашалась на ужесточение общей политики Евросоюза в отношении нашей страны.

Развитие программы «Восточное партнерство» стало одной из ключевых тем литовского председательства в ЕС, которое выпало на вторую половину 2013 г. На Вильнюсский саммит этой программы, который был запланирован на конец ноября, литовское руководство возлагало огромные надежды, поскольку в ходе него планировалось подписать соглашения об ассоциации с ЕС четырех из шести стран «Восточного партнерства», еще не вовлеченных в российский проект евразийской интеграции. Особые усилия Литва прилагала к подготовке подписания договора об ассоциации с ЕС Украины. Так, еще в феврале 2013 г. в Вильнюсе состоялась встреча президентов Литвы и Украины Д. Грибаускайте и В. Януковича, где вместо обсуждения двусторонних отношений стороны сосредоточились на условиях предлагаемого договора об ассоциации. Тогда же Д. Грибаускайте подчеркнула в беседе с В. Януковичем, что Украина должна сделать свой выбор между ассоциацией с ЕС и участием в Таможенном союзе [111]. После состоявшегося в марте того же года заседания Парламентской ассамблеи Литвы, Польши и Украины и 9-го заседания литовско-украинской комиссии по сотрудничеству в вопросах европейской интеграции, центральной темой которых также стало обсуждение ассоциации Украины с ЕС, представители высшего политического руководства Литвы поспешили заявить о полной готовности Украины к подписанию соответствующего договора на грядущем саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе [75]. Однако украинское руководство никак не прокомментировало эти заявления, а за неделю до саммита приостановило подготовку к подписанию договора об ассоциации. Наряду с отказом Азербайджана от подписания аналогичного договора, это стало главным разочарованием Вильнюсского саммита, омрачившим итоги литовского пред-

седательства в ЕС. По мнению экспертов, впечатление от такого провала несколько скрасило лишь неожиданное потепление отношений с Беларусью, которая во время саммита согласилась начать переговоры о заключении с ЕС соглашения об облегчении визового режима и реадмиссии [88].

Что касается Латвии, то до вступления в ЕС в отношениях с восточными соседями ее внешнеполитический интерес ограничивался абстрактной формулировкой «поддержание добрососедских отношений» [61]. Однако уже в Концепции внешней политики страны 2004 г. появляется задача содействовать укреплению связей ЕС с его новыми восточными соседями – Беларусью, Украиной, Молдовой и странами Закавказья и способствовать усилению его роли в этом регионе. Также Латвия как представитель ЕС и НАТО брала на себя обязательства поддерживать развитие в этих странах демократии и гражданского общества и укрепления безопасности региона [106]. В отличие от Литвы, Латвия не преследует в регионе СНГ каких-либо особых собственных интересов, подчеркивая, что в своей политике на данном направлении она полностью ориентируется на приоритеты, обозначенные в европейской политике соседства, – такие, как развитие программы «Восточного партнерства», облегчение визового режима и образование еврорегионов.

В отношении большинства государств СНГ, включая Украину, политика Латвии ограничивается чисто формальными контактами и политическими декларациями. Кроме России, реальные экономические интересы связывают ее лишь с Беларусью. Как известно, благодаря своему транзитному потенциалу Латвия несколько лет входила в десятку ведущих внешнеторговых партнеров нашей страны. В политической сфере Латвия, будучи членом ЕС, была вынуждена присоединиться к санкционной политике Брюсселя в отношении белорусского руководства. Однако латвийские политики не выступали с особой критикой белорусского режима, а в 2012 г. совместно с литовцами выступили за пересмотр в сторону смягчения введенных в отношении Беларуси

санкций ЕС. Благодаря подобной позиции Латвия стала первой (и пока единственной) из соседних стран-членов ЕС, с кем Беларусь в том же году ввела в действие режим малого приграничного движения [106].

Из трех государств Балтии Эстония проявляет, пожалуй, наименьший интерес к развитию отношений со странами СНГ. В доктринальных документах, определяющих основы эстонской внешней политики, об отношениях с ними вообще не упоминается. В Доктрине национальной безопасности 2010 г. говорится лишь о готовности Эстонии оказывать этим государствам посильную помощь в освоении новейших информационных технологий при условии соблюдения ими европейских стандартов в области демократии и прав человека [106]. Несколько большее внимание региону СНГ уделяется в ежегодных докладах министра иностранных дел Эстонии. В них говорится о его важном значении для обеспечения европейской безопасности и о том, что НАТО и ЕС должны предоставить странам СНГ хотя бы в отдаленной перспективе возможность достижения полноправного членства в этих структурах [118].

Поскольку ни с одним из государств СНГ, кроме России, Эстония не имеет сколько-нибудь значимых экономических связей, ее приоритеты в регионе определяются чисто политическими мотивами – приверженностью той или иной из постсоветских стран идеям демократии и интеграции в евроатлантические структуры. По этой причине Беларусь в их число не входит – до 2009 г. Эстония оставалась единственной страной Балтии, которая не имела в Минске своего посольства. В 2013–2014 гг. отношения несколько оживились, в том числе и в связи с выполнением эстонским посольством на основе ротации функций контактного представительства НАТО в Беларуси. Но куда большее внимание на пространстве «Восточного партнерства» руководство этой страны уделяет Украине, Молдове и Грузии. Так, на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г. Эстония активно лоббировала идею приема в Альянс Украины и особенно

Грузии [106]. Грузия же является и основным получателем эстонской экономической помощи – в 2012 г. ее объем превысил 400 млн евро [82]. В связи с особым вниманием эстонского руководства к проблемам глобального соперничества за энергетические ресурсы в последнее время эта страна также проявляет возросший интерес к государствам Средней Азии, заявляя, что данный регион имеет важное стратегическое значение для ЕС и НАТО [97].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть основные особенности процесса интеграции государств Балтии в евроатлантические структуры. Прежде всего, их курс на вступление в ЕС и НАТО имел свои исторические предпосылки и был обусловлен рядом внутренних и внешних факторов. К первым из них следует отнести сложившийся к моменту восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии консенсус среди их политических элит по приоритетным целям внешней политики этих стран – вне зависимости от того, какие политические силы приходили к власти в ходе очередных выборов, курс на евроатлантическую интеграцию оставался неизменным. Общественное мнение практически не оказывало значимого влияния на этот процесс. Как показывают многочисленные опросы общественного мнения, сторонники вступления Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО далеко не всегда составляли абсолютное большинство. Однако их процент всегда превышал долю тех, кто выступал категорически против членства в этих организациях. Большинство же населения не имело четкого мнения по данному вопросу вплоть до начала 2000-х гг., когда правительства государств Балтии начали проводить целенаправленные информационно-пропагандистские кампании в пользу вступления в евроатлантические структуры. Таким образом, интеграция этих стран в ЕС и НАТО справедливо считается «проектом элит», к реализации которого широкая общественность была подключена лишь накануне вступления, когда основные решения были уже приняты.

Что касается внешних факторов, то здесь в первую очередь следует отметить переориентацию соседних Финляндии и Швеции, ранее придерживавшихся политики строгого нейтралитета, на активное участие в европейской интеграции. Вступив в ЕС (но не в НАТО), эти государства стали оказывать весьма ощутимую поддержку (как экономическую, так и дипломатическую) странам Балтии в их стремлении вступить в обе эти организации. Швеция и Финляндия фактически стали основными лоббистами принятия стран Балтии в Евросоюз. В случае вступления в НАТО аналогичную роль исполняли Дания и Норвегия.

Российский фактор также сыграл немаловажную роль. Он выступал одновременно и основной аргументацией странами Балтии своего непоколебимого желания вступить в евроатлантические структуры, и основным препятствием на этом пути. Вплоть до завершения вывода с их территории в 1994 г. войск бывшего СССР, взятых под юрисдикцию России, правительства этих государств старались воздерживаться от открытых заявлений о намерениях присоединиться к ЕС и особенно к НАТО. Впоследствии Россия регулярно пыталась использовать темы ущемления гражданских прав русскоязычных меньшинств в Латвии и Эстонии и незавершенности процедур делимитации и демаркации границ со всеми тремя государствами, чтобы дискредитировать их политические режимы перед Западом и воспрепятствовать их принятию в НАТО. Российские политики (особенно Е. Примаков) неоднократно заявляли, что если НАТО перейдет «красную черту» границ бывшего СССР, это будет рассматриваться как враждебный шаг и вызовет ответные меры. Однако Косовский кризис и первый раунд восточного расширения НАТО в 1999 г. со всей очевидностью показали, что Россия не готова пойти в своем противодействии политике Запада дальше дипломатических протестов. А сближение между Москвой и Вашингтоном, которое наметилось в период первого президентского срока В. Путина, позволило Альянсу до определенной степени сгла-

дить российские протесты и принять окончательное решение о приеме стран Балтии в 2002 г.

Вопреки популярному мнению инициатива в вопросах присоединения к евроатлантическим структурам принадлежала не самим НАТО и ЕС, а государствам Балтии, точнее их политическим элитам. Как показывают события первой половины 1990-х гг., обе организации первоначально оказались не готовы к такому развитию событий – они поддерживали рыночные реформы и демократические преобразования в переходных странах, но не рассматривали возможность их принятия в свои ряды в обозримой перспективе. Однако настойчивость и активность стран ЦВЕ и Балтии в этом вопросе побудили их уже в 1993–1994 гг. изменить свою позицию и начать формирование стратегии своего восточного расширения.

При этом ЕС гораздо раньше, чем НАТО, определил предельные границы своего будущего расширения на Восток, разделив переходные страны ЦВЕ и Балтии на сферы действия своих программ ФАРЕ и ТАСИС. В пользу такой гипотезы свидетельствует тот факт, что на сегодняшний день практически все страны-получатели помощи по программе ФАРЕ (за исключением нескольких Балканских государств, где в 1990-е гг. были крупные вооруженные конфликты) уже стали членами ЕС, в то время как среди стран, включенных в программу ТАСИС, ни одна еще не получила даже статус официального кандидата на вступление. Однако ЕС долго медлил с началом восточного расширения, уступив инициативу в этом вопросе Североатлантическому альянсу, который уже в 1999 г. провел первый ограниченный раунд расширения на Восток. После этого в политике восточного расширения обеих организаций становятся все более заметны скоординированные действия. Так, обнаружение в 2002 г. решений о грядущем принятии стран Балтии в ЕС и НАТО и само принятие в 2004 г. были осуществлены с интервалами не более 2-3 месяцев. Именно это в наибольшей степени позволяет говорить об интеграции Литвы,

Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО как о едином, целостном процессе, являющемся предметом данного исследования.

Необходимо также остановиться на вопросе периодизации отношений стран Балтии с евроатлантическими структурами в ходе интеграционных процессов. Прежде всего, следует выделить три основных периода, которые в свою очередь делились на более мелкие этапы. Первый из них охватывает временной промежуток от установления Литвой, Латвией и Эстонией официальных отношений с ЕС и НАТО в августе – сентябре 1991 г. до их признания со стороны этих организаций в качестве официальных кандидатов на вступление. В этом периоде можно выделить три этапа. Первый из них охватывает конец 1991 – начало 1994 г. В это время страны Балтии устанавливают первые контакты и формируют правовые основы своих отношений с евроатлантическими структурами. Хотя уже на этом этапе политические лидеры Литвы, Латвии и Эстонии эпизодически высказывали намерение вступить в данные структуры, серьезные шаги в этом направлении еще не предпринимались по причине присутствия на их территории российских войск и неготовности ЕС и НАТО обсуждать эти вопросы. Что касается ЕС, то со странами Балтии заключались рамочные соглашения, повторявшие условия аналогичных документов, подписанных с Польшей и другими странами ЦВЕ 2-3 годами ранее.

Следующий этап охватывает вторую половину 1994 – первую половину 1997 г. Он связан с принятием ЕС и НАТО принципиальных решений о начале подготовки к восточному расширению. Разрабатывается Эссенская стратегия ЕС, определившая критерии членства для переходных стран ЦВЕ и Балтии. Кроме того, происходит такое важное событие, как вступление в ЕС в 1995 г. Швеции и Финляндии, которое заметно усилило его присутствие в Балтийском регионе. С этого времени в отношении Литвы, Латвии и Эстонии общая стратегия восточного расширения ЕС начинает дополняться развитием особого балтийского вектора в его политике. На-

чинается реализация программы НАТО «Партнерство ради мира», предоставившей возможности для более активного взаимодействия заинтересованных стран с Альянсом, в рамках которой стартует целый ряд проектов регионального балтийского сотрудничества в военной сфере. В этот период в обеих организациях идут острые дебаты о порядке и очередности принятия переходных государств региона. В итоге в 1997 г. на саммите НАТО в Мадриде и саммите ЕС в Люксембурге принимаются решения о выделении из общего числа первоочередных кандидатов на вступление.

Эти решения оказались весьма печальными для государств Балтии – лишь Эстония была включена в группу кандидатов «первой волны» на вступление в ЕС. В случае НАТО вообще ни одна из трех стран не попала в число кандидатов первого раунда расширения. Поэтому на следующем этапе (вторая половина 1997–1999 г.) они заметно активизировали (при существенной помощи северных стран) свои усилия как в деле выполнения вступительных критериев ЕС, так и в сфере развития регионального сотрудничества в целях перехода на натовские стандарты в сфере обороны. Кроме того, Литва, Латвия и Эстония начинают постепенно осваивать дипломатические рычаги лоббирования своих интересов в Брюсселе и Вашингтоне. Эти усилия не пропали даром. В 1998 г. ЕС, наконец, удовлетворил поданные тремя годами ранее заявки стран Балтии на предоставление им официального статуса кандидатов на вступление. На юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне, когда в Альянс были приняты первые три государства ЦВЕ, Литва, Латвия и Эстония были включены в «План действий по подготовке к членству». В конце 1999 г. на саммите ЕС в Хельсинки принимается решение, которое фактически отменяло прежнее деление на кандидатов «первой» и «второй» волны и уравнило их шансы на вступление в ходе начавшихся вступительных переговоров. Кроме того, Евросоюз по инициативе Финляндии принял комплексную региональную программу «Северное измерение», которая предоставила дополнительные возмож-

ности для «координации действий» структурных фондов ЕС в Балтийском регионе и, таким образом, усилила его помощь странам Балтии.

С 1999 г. начинается второй период в развитии отношений стран Балтии с евроатлантическими структурами. Это было время активной подготовки к вступлению. В ходе вступительных переговоров, которые ЕС начал с Эстонией еще в 1998 г., а с двумя другими государствами в 2000 г. (в соответствии с хельсинкскими решениями), между странами Балтии развернулось своего рода соревнование, кто быстрее примет все условия Брюсселя по адаптации национального законодательства к нормам европейского права и тем самым продемонстрирует свою готовность к членству. В процессе подготовки к вступлению в НАТО Литва, Латвия и Эстония сосредоточились на переводе своих вооруженных сил на технические стандарты Альянса и развитии региональных военных проектов, целью которых было показать, что, несмотря на свои скромные возможности, страны Балтии готовы быть не только «потребителями» коллективной безопасности, но и вносить посильный вклад в ее укрепление. На этом этапе, как уже отмечалось, наиболее четко проявилась координация действий ЕС и НАТО по интеграции трех государств в свои ряды.

После практически одновременного принятия Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО весной 2004 г. начинается последний третий период. После официального вступления в евроатлантические структуры государства Балтии продолжали интеграцию в их институты, такие, как Шенгенская зона и валютный союз ЕС, военные структуры НАТО. При этом они фактически свернули проекты регионального сотрудничества, которое теперь осуществлялось исключительно в рамках НАТО и ЕС. Хотя мировой финансово-экономический кризис очень сильно ударил по «перегретым» после вступления в Евросоюз экономикам Латвии, Литвы и Эстонии, они смогли успешно преодолеть его последствия с помощью политики жесткой экономии и благодаря этому

уже в 2011–2015 гг. перейти на евро. Правда, кризис усилил и без того высокие показатели эмиграции трудоспособного населения в более богатые страны ЕС, что создает серьезную угрозу дальнейшему развитию и безопасности государств Балтии.

В политическом плане после присоединения к ЕС и НАТО Литва, Латвия и Эстония стремятся выступить в качестве посредников между западным сообществом и странами СНГ и активных распространителей западных ценностей и моделей развития на постсоветском пространстве. Кроме того, они активно участвуют почти во всех военных операциях НАТО и временами пытаются оказывать влияние на общую внешнюю политику ЕС в отношении России и государств СНГ (в том числе и Беларуси).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аймерл, Д. Расширение Европейского союза на Восток: от Копенгагена до Копенгагена / Д. Аймерл. – Минск: ЕГУ, 2003. – 24 с.
2. Александров, М. В. 2011. Прибалтийское дежавю: об участии Литвы, Латвии и Эстонии в военной операции НАТО в Афганистане / М. В. Александров // Портал «Materik.ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=12190>. – Дата доступа: 10.09.2014.
3. Американский дядюшка симпатичен // Эхо Литвы. – 1998. – 10 янв. – С. 13.
4. Амстэрдамскі дагавор, які змяняе дагавор аб Еўрапейскім саюзе, дагаворы, якія ўстанаўліваюць Еўрапейскія супольнасці, а таксама некаторыя адпаведныя акты: складзены ў Амстэрдаме 2 кастрычніка 1997 г. – Мінск: Белфранс, 2002. – 127 с.
5. Аникеев, А. А. Принципы и методы классической историографии / А. А. Аникеев // Исторический портал [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=28>. – Дата доступа: 03.09.2007.
6. Антюшина, Н. Стратегия ЕС и судьбы «Северного измерения» (политико-социальные аспекты) / Н. Антюшина // Совр. Европа / ИЕ РАН. – 2002. – № 1. – С. 71–77.
7. Бакин, А. Беларусь в регионе Балтийского моря: топливно-энергетическое измерение / А. Бакин // Балтийские исследования / Санкт-Петербург. регион. обществ. орг. «Балтийский клуб». – 2000. – № 1. – С. 66–73.
8. Балтия – трансевропейский коридор в XXI век / К. Воронов [и др.] // Власть. – 2001. – № 1. – С. 51–53.
9. Баторшина, И., Воловой, В. Современная внешняя политика Литвы: корректировки традиционного курса / И. Баторшина, В. Воловой // Балтийский регион. – 2011. – № 4. – С. 32–40.
10. В Европу через Польшу – быстрее // Республика. – 1997. – 10 янв. – С. 3.
11. В НАТО собираются принять не менее 5 стран // Республика. – 2002. – 31 янв. – С. 6.

12. В. Адамкус видит Литву в единой Европе // Республика. – 2002. – 3 апр. – С. 1–2.
13. Валдас Адамкус обещает преемственность во внешней и внутренней политике // Эхо Литвы. – 1998. – 9 янв. – С. 1.
14. Валодзькін, А. А. Развіццё беларуска-літоўскіх адносін у 1990-я гг. / А. А. Валодзькін // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2013. – № 2. – С. 42–50.
15. Валодзькін, А. А. Развіццё беларуска-літоўскіх адносін у 2000-я гг. / А. А. Валодзькін // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2013. – № 4. – С. 49–56.
16. Взаимодействие Латвии и НАТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nato.bz/gu/latvia.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.
17. Виетоненко, С. В. Латвия – НАТО: интеграция и сотрудничество (2008) / С. В. Виетоненко // Портал Fact Military [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://factmil.com/publ/strana/latvija/latvija_nato_integracija_i_sotrudnichestvo_2008/10-1-0-495. – Дата доступа: 10.09.2014.
18. Визит в США – еще один шаг в НАТО // Республика. – 2002. – 21 янв. – С. 2.
19. Володин, Д. А. Россия, США и страны Балтии после холодной войны / Д. А. Володин // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2004. – № 1. – С. 51–62.
20. Володькин, А. А. Взаимодействие государств Балтии с НАТО после их вступления в Альянс / А. А. Володькин // Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире: сб. материалов междунар. семинара, Минск, 13–14 дек. 2012 г., Минск, 14 мар. 2013 г. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 32–38.
21. Володькин, А. А. Германия в Балтийском регионе / А. А. Володькин // Беларусь в современном мире: материалы IV респ. науч. конф., Минск, 28 сент. 2005 / редкол.: А. В. Шарапо, Е. А. Достанко, В. М. Руденков [и др.]. – С. 17–18.
22. Володькин, А. А. Государства Балтийского региона и формирование Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) / А. А. Володькин // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социальные аспекты устойчивого развития: материалы междууз. науч.-практ. конф., Минск, 30 марта 2007: в 2 т. – М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – Т. 1. С. 181–182.
23. Володькин, А. А. ЕС и проблемы балтийской интеграции / А. А. Володькин // Беларусь і свет: альманах. – Мінск, 2006. – Т. 7. – С. 24–30.
24. Володькин, А. А. Место НАТО в политике безопасности стран Балтийского региона в 1990-е годы / А. А. Володькин // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социальные аспекты устойчивого развития: материалы междууз. науч.-практ. конф.,

Минск, 30 марта 2007: в 2 т. – М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – Т. 1. С. 179–181.

25. Володькин, А. А. Процесс расширения ЕС в Балтийском регионе / А. А. Володькин // Вес. Ин-та совр. знаний. – 2007. – № 3. – С. 41–45.

26. Володькин, А. А. Региональное сотрудничество в контексте евроатлантической интеграции: пример стран Балтии / А. А. Володькин // Международная безопасность и НАТО в 2014 г.: сб. материалов междунар. семинара, Минск, 4–5 дек. Минск, 2014 г. – С. 38–43.

27. Володькин, А. А. Северное измерение Европейского союза и региональное сотрудничество на Балтике / А. А. Володькин // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 4. – С. 63–68.

28. Володькин, А. А. Совет государств Балтийского моря и процессы европейской интеграции / А. А. Володькин // Беларусь на пути устойчивого инновационного развития: проблемы теории и практики: материалы междунар. науч. конф., Минск, 11 мая 2007 / редкол.: С. Ф. Сокол [и др.]. – Минск: БИП-С Плюс, 2007. – С. 249–250.

29. Володькин, А. А. Становление балтийского регионализма / А. А. Володькин // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 2. – С. 46–51.

30. Володькин, А. А. Страны Балтийского региона и процесс восточного расширения НАТО / А. А. Володькин // Развитие Евро-атлантических ценностей в регионе Восточной Европы и международная безопасность: материалы круглого стола, Минск, 13 дек. 2007 г. – Минск: Посольство Лит. Респ. в Респ. Беларусь, 2008. – С. 59–65.

31. Володькин, А. А. Формирование нового пояса атлантизма в Балтийском регионе / А. А. Володькин // 63-я науч. конф. студентов и аспирантов БГУ, Минск, 23–26 мая 2006: в 3 ч. – Ч. 3. – С. 59–62 [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://nirs.bsu>.

32. Володькин, А. А. Эволюция балтийской политики ЕС в 1990-е – начале XXI в. / А. А. Володькин // Беларусь в современном мире: материалы V междунар. науч. конф., Минск, 3 нояб. 2006 г. / редкол.: А. В. Шарapo, Е. А. Достанко, В. М. Руденков [и др.]. – Минск, 2006. – С. 32–34.

33. Вооружённые силы Эстонии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённые_силы_Эстонии. – Дата доступа: 10.09.2014.

34. Воронов, К. «Северное измерение»: затянувшийся дебют / К. Воронов // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2003. – № 2. – С. 6–86.

35. Воротников, В. В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса / В. В. Воротников // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2013. – № 6. – С. 25–33.

36. Воротников, В. В. Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия / В. В. Воротников // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2014. – № 6. – С. 9–17.

37. Воротников, В. В. Страны Балтии и СНГ: проблемы межгосударственного сотрудничества / В. В. Воротников // Россия – СНГ – Восточная Европа: состояние, проблемы, перспективы: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов – М.: МИЭМП, 2011. – С. 540–544.

38. Воротницкая, Т. В. Основные этапы политики расширения Европейского союза на Восток (конец 1980-х–2002 г.) / Т. В. Воротницкая // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 1. – С. 53–60.

39. Встреча В. Адамкуса с послами Великобритании и Дании // Эхо Литвы. – 1998. – 14 марта. – С. 2.

40. Вуколов, Н. Швеция и вопросы безопасности в балтийском регионе / Н. Вуколов // Компас: вестн. Междунар. информ. ИТАР-ТАСС. – 1996. – № 34. – С. 41–52.

41. Вуколов, Н. Швеция, страны Балтии, НАТО / Н. Вуколов // Компас: вестн. междунар. информ. ИТАР-ТАСС. – 1996. – № 26. – С. 23–31.

42. Вуколов, Н. Швеция: «демарш генералов» и страны Балтии / Н. Вуколов // Компас: вестн. междунар. информ. ИТАР-ТАСС. – 2000. – № 48. – С. 21–33.

43. Вушкарник, А. Балтийская политика Запада и России / А. Вушкарник // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1995. – № 3. – С. 118–122.

44. Газета: будущий центр НАТО в Латвии заинтересовал иностранных шпионов // Новостной портал DELFI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.delfi.lv/news/daily/politics/gazeta-buduschij-centr-nato-v-latvii-zainteresoval-inostrannyh-shpionov.d?id=43788288>. – Дата доступа: 10.09.2014.

45. Германия не отказывается от роли адвоката // Республика. – 1997. – 14 янв. – С. 1.

46. Горбунов, Н. Встреча министров обороны стран Северной Европы и Балтии / Н. Горбунов // Компас: вестн. междунар. информ. ИТАР-ТАСС. – 1998. – № 23. – С. 38–43.

47. Грибелер, М., Капустина, О. Председательство Литвы в ЕС: большая ответственность для маленькой страны // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130701/210557769.html>. – Дата доступа: 05.04.2015.

48. Григорьев, Л. Балтийский опыт выхода из кризиса. На пути к экономическому шторму // Аналитический портал RuBaltic. Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/baltiyskiy-opyt-vykhoda-iz-krizisa-na-puti-k-ekonomicheskomu-shtormu180413/>. – Дата доступа: 05.04.2015.

49. Дагавор аб Еўрапейскім саюзе: складзены ў Маастрыхце, 7 лют. 1992 г. – Мінск: Белфранс, 1998. – 213 с.

50. Дагавор Ніцы, які змяняе дагавор аб Еўрапейскім саюзе, дагаворы, якія ўстанаўліваюць Еўрапейскія супольнасці, а таксама некаторыя адпаведныя акты: складзены ў Ніцы 26 лютага 2001 г. – Мінск: Белфранс, 2002. – 118 с.

51. Демографическая катастрофа: Литва – в лидерах ЕС по сокращению населения // Новостной портал DELFI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/abroad/global/demograficheskaia-katastrofa-litva-v-liderah-es-po-sokrascheniyu-naseleniya.d?id=65276122#ixzz3LjSRTUnj>. – Дата доступа: 10.09.2014.

52. Дерябин, Ю. «Северное измерение» и интересы России / Ю. Дерябин // Современная Европа / ИЕ РАН [Электронный ресурс]. – 2000. – № 2. – Режим доступа: http://isn.rsuh.ru/iu/mag_j2.htm. – Дата доступа: 19.03.2002.

53. Дерябин, Ю. Все ли так спокойно на севере Европы? / Ю. Дерябин // Совр. Европа / ИЕ РАН. – 2003. – № 4. – С. 68–78.

54. Дерябин, Ю. Финляндия и НАТО / Ю. Дерябин // Междунар. жизнь. – 2007. – № 7. – С. 103–115.

55. Достанко, Е. А. Расширение Европейского союза на Восток в 1990-е гг. / Е. А. Достанко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 2. – С. 39–43.

56. Европейские нейтралитеты // Республика. – 2002. – 27 марта. – С. 8.

57. Жеглова, Ю. «Балтийская дилемма» России и Северной Европы / Ю. Жеглова // Независимое военное обозрение. – 1997. – 5–18 дек., № 45. – С. 2.

58. Исследование: НАТО не успеет помочь Балтии в случае агрессии РФ – среда, 29 июня 2011 г. 10:32 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/news/politics/issledovanie-nato-ne-uspeet-pomoch-baltii-v-sluchae-agressii-rf.d?id=47084521>. – Дата доступа: 10.09.2014.

59. Колин Пауэлл удовлетворен подготовкой Литвы // Республика. – 2002. – 31 янв. – С. 6.

60. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно учений НАТО «Стэдфаст Джаз»; М-во иностр. дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mid.ru/brp_4.nsf/newslines/0CFE38AB25CBE0D944257C24003F7560. – Дата доступа: 10.09.2014.

61. Коровенкова, Т. В сейме Литвы собирают подписи за создание рабочей группы «За демократическую Беларусь» // БЕЛАПАН. – 28.03.2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belapan.com/archive/2013/03/28/eu_614328/. – Дата доступа: 10.09.2014.

62. Ланге, П. Х. Страны Балтии в функции моста? / П. Х. Ланге // Internationale Politik. – 2003. – № 1. – С. 32–34.

63. Ландсбергис инструктирует литовских дипломатов // Республика. – 1997. – 31 января. – С. 3.

64. Лиегис, И. Интеграция Латвии в НАТО – мечта или реальность? / И. Лиегис. – Рига: М-во обороны Латвийской Респ., 2000. – 36 с.

65. Литва завоевывает репутацию надежного партнера НАТО // Республика. – 2002. – 11 янв. – С. 7.
66. Литва и Латвия: экономические санкции ЕС в отношении Беларуси не несут пользы // Народная Воля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nv-online.info/by/319/politics/51720/Литва-и-Латвия-экономические-санкции-ЕС-в-отношении-Беларуси-не-несут-пользы.htm>. – Дата доступа: 10.09.2014.
67. Межевич, Н. М. Балтийский регион»: попытка идентификации / Н. М. Межевич // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы ежегод. Междунар. науч. конф., 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rchgi.spb.ru/spb/conference_1/mezhevich.htm. – Дата доступа: 07.09.2007.
68. Мешков, А. Николаев, А. Формирование доктринальных концепций стран Балтийского региона / А. Мешков, А. Николаев // Зарубеж. военное обозрение. – 1994 – № 10. – С. 7–9.
69. Министр транспорта Литвы заговорил о вреде санкций в отношении Беларуси // Инфобазы. ву. – 13.04.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infobaza.by/transport/5645.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.
70. Министры иностранных дел о расширении ЕС и об отношениях с Россией // Европейский обзор. – 1997. – № 47. – С. 10–11.
71. Надежда агитаторов за евроинтеграцию – эксперты // Республика. – 2002. – 23 янв. – С. 6.
72. НАТО: страны Балтии подождут // Республика. – 1997. – 11 февр. – С. 2.
73. Не хотят вводить в заблуждение // Республика. – 1997. – 11 февр. – С. 1.
74. Новая концепция программы Фаре // Европейский обзор. – 1997. – № 40. – С. 10–11.
75. Носович, А. «Восточное партнерство» и евроинтеграция: вместе или вместо? // Аналитический портал RuBaltic. Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/vostochnoe-partnerstvo-i-evrointegratsiya-vmeste-ili-vmesto/#t20%20c>. – Дата доступа: 10.09.2014.
76. Носович, А. Буфер Грибаускайте: старая-новая модель литовской геополитики / А. Носович // Аналитический портал RuBaltic. Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/bufer-gribauskayte-staraya-novaya-model-litovskoy-geopolitiki-/>. – Дата доступа: 10.09.2014.
77. Ознобищев, С. Россия и Балтия: подует ли ветер перемен? / С. Ознобищев // Обозреватель [Электронный ресурс]. – 2001. – № 10 (141). – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N10_01/10_08.htm. – Дата доступа: 24.06.2006.

78. Подопригора, Б. Перспективы и проблемы вступления в НАТО Латвии, Литвы и Эстонии / Б. Подопригора // Зарубеж. военное обозрение [Электронный ресурс]. – 2001. – № 4. – Режим доступа: <http://commi.narod.ru/txt/2001/0401.htm>. – Дата доступа: 03.08.2007.

79. Последствия интеграции стран Балтии в Евросоюз // Newsland World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1351767/>. – Дата доступа: 05.04.2015.

80. Президент Литвы выступил с ежегодным докладом // Республика. – 2002. – 3 апр. – С. 6.

81. Президент отозвал брошенный Брюсселю вызов // Республика. – 2002. – 1 марта. – С. 2.

82. Премьер Грузии завершил визит в Эстонию // REGNUM – 09.09.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1705225.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.

83. Премьер Литвы: Вводить санкции ЕС в отношении бизнеса и предприятий Беларуси неразумно // БелТА. – 22.03.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://n1.by/news/2012/03/22/271500.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.

84. Разма, А. Национальная безопасность Литовской Республики / А. Разма // Европейская интеграция и военно-политические аспекты национальной безопасности новых независимых государств: материалы Междунар. конф., Минск, 10–12 июня 1993 г. – Минск, 1993. – С. 33–34.

85. Рекеда, С. Политолог: председательство Литвы в ЕС запомнилось нервозностью Вильнюса / С. Рекеда // Аналитический портал RuBaltic.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/politolog-predsedatelstvo-litvy-v-es-zapomnilos-nervoznostyu-vilnyusa27122013/>. – Дата доступа: 05.04.2015.

86. Родионов, К. Как страны Балтии смогли преодолеть финансовый кризис? / К. Родионов // Pogram Economics Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sputnikipogram.com/economics/12600/economics-daily-5/#.Vh216G74Ss0>. – Дата доступа: 05.04.2015.

87. Розанов, А. А. Европейская безопасность и НАТО / А. А. Розанов. – Минск: ООО «Завигар», 2002. – 128 с.

88. Руководитель департамента политики представительства ЕС: Среди положительных итогов саммита в Вильнюсе – заявление Беларуси о готовности к началу переговоров в визовой сфере // БЕЛАПАН. – 29.01.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belapan.by/archive/2014/01/29/media_eu_rb_es/. – Дата доступа: 10.09.2014.

89. Руководитель сейма меняет внешнюю политику // Республика. – 1997. – 12 марта. – С. 2.

90. Северное измерение. Совещание министров иностранных дел. Люксембург, 9 апр. 2001 г.: рабочий документ Комиссии Европейских сообществ, SEC(2001) 552. – Брюссель, 2001. – 9 с.

91. Сергунин, А. Восточное и Северное измерения: сравнительный анализ / А. Сергунин // Восточное измерение ЕС и Россия: материалы науч. конф., Новгород, 14 нояб. 2003 г. / Центр междунар. и регион. политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cirp.ru/oldsite/events/eastern%20dimension%20&ruusia/Sergunin%20Alexander_cont.htm. – Дата доступа: 13.04.2006.

92. Симиндей, В., Селькова, М. Страны Балтии и Россия: взгляд на проблемы в отношениях / В. Симиндей, М. Селькова // Балтийские исследования / Санкт-Петерб. регион. обществ. орг. «Балтийский клуб». – 2000. – № 1. – С. 28–35.

93. Симонян, Р. Х. Страны Балтии в годы горбачевской перестройки / Р. Х. Симонян // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2. – С. 44–65.

94. Симонян, Р. Х. Страны Балтии в Евросоюзе / Р. Х. Симонян // Вопр. экономики: ежемесячный журн. – 2006. – № 11. – С. 118–132.

95. Симонян, Р. Х. Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса / Р. Х. Симонян // Горизонты экономики. – 2011. – № 1. – С. 33–43.

96. Симонян, Р. Х. Финансово-экономический кризис в странах Балтии: некоторые политические итоги // Власть. – 2010. – № 11. – С. 44–49.

97. СМИ: Премьер Эстонии едет в Таджикистан укреплять позиции НАТО и ЕС на южных границах РФ // РОСБАЛТ. – 06.05.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/05/06/1125290.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.

98. Сокоп, В. Никаких скидок на безопасность в Прибалтике («The Wall Street Journal», США) / В. Сокоп // ИноСми. Ru [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/208129.html>. – Дата доступа: 24.06.2006.

99. Состоялась встреча послов стран НАТО с В. Адамкусом // Республика. – 2002. – 16 янв. – С. 6.

100. Страны «вильнюсской десятки» – за вступление в НАТО // Республика. – 2002. – 28 марта. – С. 6.

101. Страны Балтии попытались убедить НАТО, что их вступление выгодно // Республика. – 2002. – 2 марта. – С. 6.

102. Страны Балтии: присоединение к НАТО – приоритетная цель / От корреспондентов ИТАР-ТАСС // Компас: вестн. междунар. информ. ИТАР-ТАСС. – 2000. – № 5. – С. 17–24.

103. Стратегия ЕС в отношении стран Балтии // Европейский обзор. – 1997. – № 40. – С. 12–13.

104. Суслов, Д. Регион Балтийского моря как фактор европейской безопасности / Д. Суслов // Балтийские исследования / Санкт-Петерб. регион. обществ. орг. «Балтийский клуб». – 2000. – № 1. – С. 7–27.

105. Сытин, А. Н. Вступление в Евросоюз и новые внешнеполитические приоритеты стран Балтии / А. Н. Сытин // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2009. – № 2. – С. 143–149.

106. Сытин, А. Н. Политика стран Балтии на постсоветском пространстве / А. Н. Сытин // Рос. ин-т стратег. исслед. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/analytics/4627/>. – Дата доступа: 05.04.2015.

107. Сытин, А. Н. Страны Балтии на постсоветском пространстве в контексте их взаимоотношений с Россией / А. Н. Сытин // Проблемы нац. стратегии. – 2010. – № 4 (5). – С. 64–79.

108. Сытин, А. Н., Смирнов, В. А. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит / А. Н. Сытин, В. А. Смирнов // Проблемы нац. стратегии. – 2012. – № 4 (13). – С. 98–118.

109. Ткачев, Г. И., Чуров, В. Е. «Северное измерение» в контексте общего развития Европы: взгляд из Санкт-Петербурга / Г. И. Ткачев, В. Е. Чуров // Рос. нац. субком. программы BSR Interreg IIIВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rnsc.leontief.ru/eng/programs/ndim_doc1_1.htm. – Дата доступа: 26.01.2006.

110. Укрепляются отношения США и стран Балтии // Эхо Литвы. – 1998. – 14 янв. – С. 8.

111. Ультиматум Дали Грибаускайте Украине: Или российский Таможенный союз, или договор с ЕС о свободной торговле // Новостной портал 15min.lt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.15min.lt/ru/article/vesti/prezident-litvy-dela-protiv-politicheskikh-oppo-ponentov-na-ukraine-imeet-sushchestvennoe-znachenie-dlja-es-504-304251>. – Дата доступа: 10.09.2014.

112. Упрощены правила военного транзита для некоторых стран // Республика. – 2002. – 11 янв. – С. 7.

113. Федоров, Ю. Е. Балтийский узел / Ю. Е. Федоров // Европейская безопасность – события, оценки, прогнозы [Электронный ресурс]. – 2002. – № 4. – Режим доступа: <http://www.inion.ru/product/eurosec/st2vp4.htm>. – Дата доступа: 11.01.2007.

114. Фон Штаден, Б. Между Россией и Западом: Прибалтика в опасном положении «между молотом и наковальней» / Б. фон Штаден // Internationale Politik. – 1996. – № 7. – С. 26–30.

115. Член Сейма призывает ЕС конкретизировать обязательства // Республика. – 2002. – 23 янв. – С. 6.

116. Членство Литвы в НАТО зависит от выгоды альянсу // Республика. – 2002. – 9 апр. – С. 2.

117. Швеция и безопасность стран Балтии: по материалам «Даген нюхетер» // Компас: вестн. междунар. информ. ИТАР-ТАСС. – 1996. – № 17. – С. 81–82.

118. Эстония предложит странам «Восточного партнерства» создать единое экономическое пространство с ЕС // РОСБАЛТ–24.06.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/06/24/1144670.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.

119. Юрьев, С. Сотрудничество стран Балтии и НАТО / С. Юрьев // Зарубеж. военное обозрение. – 1997. – № 5. – С. 6–8.
120. (1994–1995) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/3polish/csoannualreport>. – Date of access: 17.03.2006.
121. (1995–1996) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/4swedish/csoannualreport>. – Date of access: 17.03.2006.
122. (1996–1997) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/5latvian/csoannual>. – Date of access: 17.03.2006.
123. (1997–1998) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/6danish/csoannual>. – Date of access: 17.03.2006.
124. (1998–1999) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/7lithuanian/csoannual>. – Date of access: 17.03.2006.
125. (1999–2000) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/8norwegian/reportcso>. – Date of access: 17.03.2006.
126. (2000–2001) Annual Report from the CBSS Committee of Senior Officials (CSO) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/9german/reportcso>. – Date of access: 17.03.2006.
127. «Не стоит ждать, что Балтия станет европейским Сингапуром» // Аналитический портал RuBaltic. Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.tvnet.lv/novosti/kommjentarij/252155-nje_stoit_zhdat_chno_baltija_stanjet_jevropejskim_singapurom. – Дата доступа: 05.04.2015.
128. A Northern dimension for the policies of the union: An inventory of current activities: Working Document of the European Commission Services // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/north_dim/doc/inventory.pdf. – Date of access: 11.02.2004. – 49 p.
129. A Northern dimension for the policies of the union: An inventory of current activities: European Commission, April 2001// The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/conf/formin2/invent_01.pdf. – Date of access: 03.10.2006. – 55 p.

130. A Charter of Partnership Among the United States of America and the Republic Of Estonia, Republic of Latvia, and Republic of Lithuania: Washington D. C. January 16, 1998 // US Embassy in Stockholm [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access: http://stockholm.usembassy.gov/BalticSec/baltic_charter.html. – Date of access: 12.01.2007.

131. Action Plan for the Northern Dimension with external and cross-border policies of the European Union 2000–2003: Council of the European Union Document, 14 June 2000, 9401/00 // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/north_dim/ndap/06_00_en.pdf. – Date of access: 11.02.2004. – 41 p.

132. Ahlin, U. Old Sweden, New NATO and Eternal Russia / U. Ahlin // The 6th Stockholm Conference on Baltic Sea Region Security and Cooperation – Enlargement and Beyond, Stockholm, 24 April 2002; A. Fahraeus, V. A. Sidabras, K. E. Peterson (eds.). – Stockholm, 2002. – P. 49–54.

133. Ambassador Olson Outlines U. S. Initiatives in Baltic Region: 11/19: On Charter of Partnership, N. Europe Initiative (2910) // Conference on Baltic security and cooperation. – Stockholm, 19 November 1998: Federation of American Scientists [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: <http://www.fas.org/man/nato/news/1998/98112308.htm>. – Date of access: 12.01.2007.

134. Archer, C. British pragmatism: Security and environment / C. Archer // The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension / G. Bonvicini, T. Vahtoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki, 2000. – P. 64–79.

135. Archer, C. The EU Foreign Policy in the Context of the Baltic Sea Region / C. Archer // EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 21–40.

136. Arnsvold, S, Jopp, M. The Implications of Baltic States' EU Membership / S. Arnsvold, M. Jopp. – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2001. – 124 p.

137. Austin, D. F. C. NATO expansion and the Baltic States / D. F. C. Austin. – Camberley: Sandherst Military Academy, Conflict Studies Research Center. – 1999. – 15 p.

138. Bailes, A. Towards An Integrated Northern Europe / A. Bailes // The 6th Stockholm Conference on Baltic Sea Region Security and Cooperation – Enlargement and Beyond, Stockholm, 24 April 2002; A. Fahraeus, V. A. Sidabras, K. E. Peterson (eds.). – Stockholm, 2002. – P. 59–62.

139. Baltic Cluster Report. 2014 Cluster Consultation—Staff Report; Press Release; and Statement by the Executive Director for the Baltic Countries // International Monetary Fund – IMF Country Report No. 14/116 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2014/cr14116.pdf>. – Date of access: 05.04.2015.

140. Baltic Defence Co-operation – Main Joint Projects // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia [Electronic resource]. – 2003. –

Mode of access: <http://www.am.gov.lv/en/security/4494/4498/?print=on>. – Date of access: 12.01.2007.

141. Baltic Defence Co-operation: Ministry of Foreign Affairs (Estonia) // Consulate General of Estonia in Minsk [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: http://www.estemb.by/eng/nato/kat_361. – Date of access: 03.12.2006.

142. Baltic University Programme (BUP) official website [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.balticuniv.uu.se/>. – Date of access: 11.01.2007.

143. Bannwart, A. A German View of the Role of the EU and NATO in Baltic Security / A. Bannwart // NATO, the EU and Northern European Security – Young Baltic Perspectives: Conference Report, Helsinki, 8–9 Dec. 2000 / The Atlantic Council of Finland; K. Honkanen, T. Ries (eds.). – Helsinki, 2001. – P. 19–21.

144. Barbe, E. Spanish worries about a North South divide / E. Barbe // The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension / G. Bonvicini, T. Vahtoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2000. – P. 80–94.

145. Basis for Lithuanian Membership in NATO [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.kam.lt/en/international_cooperation_1089/nato_1282/basis_for_lithuanian_membership_in_nato.html. – Date of access: 11.01.2007.

146. Beazley, Ch. An EU Strategy for the Baltic Sea Region / Ch. Beazley // Baltinfo: The Official Newsletter of the Council of the Baltic Sea States. – 2006. – № 78. – P. 1–3.

147. Bingen, J. North-western Europe in the post-Cold War World / J. Bingen // The Baltic Room: Extending the Northern Wing of the European House: Strategic Yearbook 2001 / H. Zettermark, M. Haegg, C. von Euler (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2000. – P. 89–100.

148. Birkavs, V. Baltic Security Beyond Madrid: 14th International Workshop on Global Security, Prague, 21–25 June 1997 / V. Birkavs // Center for Strategic Decision Research [Electronic resource]. – 1997. – Mode of access: <http://www.cedr.org/97Book/birkavs-C.htm>. – Date of access: 02.08.2006.

149. Browning C. Competing or Complementary Policies? Understanding the Relationship between the NEI and NDI / C. Browning // Challenges to International Relations in Post-Cold War Europe / K. Khudoley, S. Tkachenko (eds.). – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Press, 2002. – P. 115–145.

150. Buelow-Hansen, T. Danish Foreign Policy & Perspectives on the Northern Dimension / T. Buelow Hansen // NATO, the EU and Northern European Security – Young Baltic Perspectives: Conference Report, Helsinki, 8–9 Dec. 2000 / The Atlantic Council of Finland; K. Honkanen, T. Ries (eds.). – Helsinki, 2001. – P. 6–12.

151. Butkevicius, A. The Baltik Region in Post-cold War Europe // NATO Review [Electronic resource]. – 1993. – Vol. 41, № 1. – Mode of

access: <http://www.nato.int/docu/review/1993/9301-2.htm>. – Date of access: 14.02.2005.

152. Bynander, F. Poland and Baltic Sea Scurity / F. Bynander // *The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004*; B. Huld, T. Ries etc. (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2003. – P. 253–266.

153. Cameron, F. Principles and Problems of EU Eastern Enlargement / F. Cameron // *EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia* / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 107–124.

154. Carlsen, P. Co-operation in the Baltic Sea Region / P. Carlsen. Report 2002/10 // Danish Institute of International Affairs (DUPI) [Electronic resource]. – Copenhagen, 2002. – Mode of access: http://www.dupi.dk/papers/2002/rapport_#10.pdf. – Date of access: 18.12.2004. – 13 p.

155. CBSS Contribution to the EU First Northern Dimension Action Plan 2000–2003. // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/eund/prioritiesandprojects/?1=1&print=true#_ftnref1#_ftnref1. – Date of access: 17.03.2006.

156. Ceremony to mark the accession to NATO of Bulgaria, Estonia, Latvia, Lithuania, Romania, Slovakia and Slovenia and informal working luncheon of Foreign Ministers. Brussels, 2 April 2004 // NATO Press Releases [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-054e.htm>. – Date of access: 03.09.2007.

157. Commission opinion on Estonia's application for membership of the European Union: Document drawn up on the basis of COM(97) 2006 final // Bulletin of the European Union: Supplement 11/97. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1997. – 93 p.

158. Commission opinion on Latvia's application for membership of the European Union: Document drawn up on the basis of COM(97) 2005 final // Bulletin of the European Union: Supplement 10/97. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1997. – 95 p.

159. Commission opinion on Lithuania's application for membership of the European Union: Document drawn up on the basis of COM(97) 2007 final // Bulletin of the European Union: Supplement 12/97. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1997. – 95 p.

160. Commission opinion on Poland's application for membership of the European Union: Document drawn up on the basis of COM(97) 2002 final // Bulletin of the European Union: Supplement 7/97. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1997. – 104 p.

161. Conclusions on the Implementation of a Northern Dimension for the Policies of the European Union: adopted by European Council on 31 May 1999, 9034/99 DG E III // *The Northern Dimension of the European Commission* [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/north_dim/doc/pres_concl_06_99.htm – Date of access: 14.10.2005.

162. Conley, H. The United States and Northern Europe – A Continuing Commitment / H. Conley // The 6th Stockholm Conference on Baltic Sea Region Security and Cooperation – Enlargement and Beyond, Stockholm, 24 April 2002; A. Fahraeus, V. A. Sidabras, K. E. Peterson (eds.). – Stockholm, 2002. – P. 17–22.

163. Co-operation of the Baltic Countries // Balti Assamblee – Baltijas Asambleja – Baltijos Asambleja 1991–2001: publication of the Presidium of Baltic Assembly dedicated to the 10th anniversary of the Baltic Assembly / A. Luce, A. Ozolins, G. Caune (eds.). – Tallinn: Tallina Raamatutrukikaja Ou, 2001. – P. 1–3, 3–32.

164. Copenhagen Declaration: adopted by the Conference of the Foreign Ministers of the Baltic Sea States, Copenhagen, 5–6 March 1992 // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/foundingdocs/dbaFile751.html>. – Date of access: 05.04.2004.

165. Council Regulation (EC) No 1266/1999 of 21 June 1999 on coordinating aid to the applicant countries in the framework of the pre-accession strategy and amending Regulation (EEC) No 3906/89. – Luxembourg, 21 June 1999 // EUR-Lex [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31999R1266:EN:HTML>. – Date of access: 22.09.2007.

166. Council Regulation (EEC) No 3800/91 of 23 December 1991 amending Regulation (EEC) No 3906/89 in order to extend economic aid to include other countries in central and eastern Europe. – Brussels, 23 December 1991 // EUR-Lex [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31991R3800:EN:HTML>. – Date of access: 22.07.2007.

167. Council Regulation (EEC) No 3906/89 of 18 December 1989 on economic aid to the Republic of Hungary and the Polish People's Republic. – Brussels, 18 December 1989 // EUR-Lex [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31991R3800:EN:HTML>. – Date of access: 22.07.2007.

168. Cunningham, G. EU and NATO enlargement: How public opinion is shaping up in some candidate countries / G. Cunningham // NATO Review [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/review/1997/9703-4.htm>. – Date of access: 05.04.2015.

169. Current State of & Perspectives for Cooperation in the Baltic Sea Region: approved by the European Council in Madrid, 15–16 Dec. 1995. // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/dbaFile588.html. – Date of access: 08.04.2004.

170. D. Grybauskaitės išpūdžiai po susitikimo su JAV vadovais: matome naują geopolitinę trajektoriją // DELFI [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/d-grybauskaites-ispudziai>

posusitikimo-su-jav-vadovais-matome-nauja-geopolitine-trajektorija.d?id=62202141. – Date of access: 10.09.2014.

171. Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN>. – Date of access: 10.09.2014.

172. Declaration on a transformed North Atlantic Alliance: issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council («The London Declaration») – London, 6 July 1990 // NATO Basic texts [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b900706a.htm>. – Date of access: 23.10.2007.

173. Dragomir, E. Lithuanian Public Opinion and the EU Membership / E. Dragomir // Revista Romana pentru Studii Baltice si Nordice. – 2010. – Vol. 2, № 2. – P. 295–312.

174. Egeberg, M. The Nordic Countries and the EU: How European Integration Integrates and Disintegrates States Domestically: ARENA Working Papers WP 11/03 / M. Egeberg. – Oslo: ARENA, University of Oslo, 2003. – 25 p.

175. Ein Meer verschiedener Interessen. Deutschland übernimmt den Vorsitz des Ostseerates und muss Balten, Russen und Südeuropäer zufrieden stellen // Süddeutsche Zeitung. – 2000. – 1 July. – S. 8.

176. Enhanced Partnership in Northern Europe (e-PINE) // U. S. Department of State: United States Baltic Sea Policy [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.state.gov/p/eur/rt/epine/>. – Date of access: 29.05.2007.

177. Estonia and NATO: Chronology // Estonian Ministry of Defence [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access: <http://www.mod.gov.ee/?op=body&id=318>. – Date of access: 10.01.2008.

178. Estonia Pleased with NATO Contingency Planning (SECRET 09 TALLINN 000373) / US Embassy to Tallinn. Publ. 16.12.2009 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://wikileaks.ch/cable/2009/12/09TALLINN373.html>. – Date of access: 10.09.2014.

179. Europe's Strategy for the Baltic Sea Region. // Baltic Sea Region Programme 2007–2013 [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: http://eu.baltic.net/Baltic_issues.3549.html. – Date of access: 10.09.2014.

180. European Parliament Conference on Northern Dimension: Conference Statement, 1 March 2007 // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/euro/jpc/deea/documents/20070301_conference_statement.pdf. – Date of access: 12.04.2007. – 2 p.

181. Expansion Of Eagle Guardian To Include Baltic Allies (SECRET SECTION 01 OF 02 STATE 007810; SECTION 02 OF 02 STATE 00007810) / Secretary of State. Publ. 26.01.2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://wikileaks.ch/cable/2010/01/10STATE7810.html>. – Date of access: 10.09.2014.

182. Facts about the Courses // Baltic Defence College [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.baltdefcol.org/?id=45>. – Date of access: 10.09.2014.

183. Foehrenbach, G. Germany's Policy towards Baltic States / G. Foehrenbach // EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 209–221.

184. Forsberg, T., Ojanen, H. Finland's new policy: Using the EU for stability in the North / T. Forsberg, H. Ojanen // The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension. / G. Bonvicini, T. Vahatoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2000. – P. 115–129.

185. Gaenzle, S., Hubel, H. The Council of the Baltic Sea States and the EU: Dealing with Soft security Risks in an European Subregion / S. Gaenzle, H. Hubel // EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia. / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 393–415.

186. Genschel, D. Building Security and Prosperity in the Baltic Sea Region / D. Genschel // Lithuanian Foreign Policy Review. – 1998. – № 2 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=64>. – Date of access: 17.12.2007.

187. Graeger, N., Larsen, H., Ojanen, H. Fourfold «nuisance power» or four contributors to the ESDP? / N. Graeger, H. Larsen, H. Ojanen // The ESDP and the Nordic Countries / N. Graeger, H. Larsen, H. Ojanen (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2002. – P. 218–236.

188. Grigas, A. Energy Policy: The Achilles Heel of the Baltic States // The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow / A. Grigas, A. Kasekamp etc. – Notre Europe Jacques Delors Institute Studies & Reports – July 2013. – P. 65–86.

189. Guidelines for the Development of a Political Declaration and a Policy Framework Document for the Northern Dimension Policy from 2007: The ND Ministerial Meeting document, 14358/05 ANNEX I DG E VI // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/doc/guidelines05.pdf. – Date of access: 12.04.2007. – 5 p.

190. Heimsoeth, H.-J. Der Ostseeraum im Wandel. EU-Erweiterung, Nördliche Dimension und Zusammenarbeit mit Russland – die Prioritäten der Deutschen Präsidentschaft im Ostsee / H.-J. Heimsoeth // Lithuanian Foreign Policy Review – 2001. – № 2 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=70>. – Date of access: 17.12.2007.

191. Heimsoeth, H.-J. The Role of the Council of Baltic Sea States in Promoting Regional Cooperation / H.-J. Heimsoeth // The 5th Stockholm Conference on Baltic Sea Region Security and Cooperation: Enlargement and Beyond, Stockholm, 19 Oct. 2000; K. E. Peterson, A. W. E. Fahraeus, M. Amper (eds.). – Stockholm, 2000. – P. 33–38.

192. Herolf, G. Attitudes and Policies of Sweden in the Baltic Sea Region / G. Herolf // *EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia* / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 223–239.

193. Herolf, G. The Swedish approach: Constructive competition for a common goal / G. Herolf // *The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension* / G. Bonvicini, T. Vahtoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2000. – P. 141–160.

194. Heurlin, B. Danish hopes: From a fuzzy concept to a model case / B. Heurlin // *The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension*. / G. Bonvicini, T. Vahtoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2000. – P. 161–182.

195. Heurlin, B. NATO, Security and the Baltic States: A new World, a new Security, a new NATO: DUPI Working Paper 1997/10 / B. Heurlin. – Copenhagen: Danish Institute of International Affairs (DUPI), 1997. – 21 p.

196. Heurlin, B., Zepernick, M. Denmark and the EU's Eastern Enlargement / B. Heurlin, M. Zepernick // *EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia* / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 175–196.

197. Hjertonsson, U. Sweden and Security in the Baltic Sea Region / U. Hjertonsson // *The Baltic Sea Region and the New European Security Structure*. – 1996. – US Embassy in Sweden [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.usemb.se/BalticSec/HJERTONS.htm>. – Date of access: 19.11.2007.

198. Hyde-Price, A. NATO and the Baltic Sea Region: Towards Regional Security Governance: NATO Research Fellowship Scheme 1998–2000 / A. Hyde-Price // *NATO Academic Forum* [Electronic resource]. – Birmingham: Institute for German Studies, University of Birmingham, 2000. – Mode of access: <http://www.nato.int/acad/fellow/98-00/hyde.pdf>. – Date of access: 14.05.2007. – 44 p.

199. International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nato.int/isaf/docu/epub/pdf/placemat.pdf> – p.2. – Date of access: 14.05.2015.

200. Isegg, A. NATO in the Baltic / A. Isegg // *NATO, the EU and Northern European Security – Young Baltic Perspectives: Conference Report*, Helsinki, 8–9 Dec. 2000 / *The Atlantic Council of Finland*; K. Honkanen, T. Ries (eds.). – Helsinki, 2001. – P. 3–6.

201. Joenniemi, P. Racing to Regionalise? The EU's Northern Dimension Initiative / P. Joenniemi // *Challenges to International Relations in Post-Cold War Europe* / K. Khudoley, S. Tkachenko (eds.). – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Press, 2002. – P. 62–85.

202. Joenniemi, P. Stalvant C.-E. Baltic Sea Politics. Achievements and Challenges / P. Joenniemi, C.-E. Stalvant (eds.). – Stockholm: Nordic Council, 1995. – 123 p.

203. Johansson, E. EU Foreign Policy and Subregionalisation in North-Eastern Europe / E. Johansson // *EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia* / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 371–392.

204. Joint Declaration of the President of the Republic of Lithuania and the President of the Republic of Poland (June 19, 1997) // *Lithuanian Foreign Policy Review*. – 2001. – № 1 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=69>. – Date of access: 17.12.2007.

205. Joint Declaration of the President of the Republic of Lithuania and the President of the Republic of Poland (September 19, 1996) // *Lithuanian Foreign Policy Review*. – 2001. – № 1 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=69>. – Date of access: 17.12.2007.

206. Joint Press Release on the IV Northern Dimension Ministerial Meeting, held in Brussels on 21 November 2005: Council of the European Union 14701/05 (Presse 305) // *The Northern Dimension of the European Commission* [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/doc/press_release_05.pdf. – Date of access: 12.04.2007. – 2 p.

207. Juknevičienė, R. Parlamentinė narystės NATO dimensija / R. Juknevičienė // *Lietuva ir NATO: 10 metų kartu* / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 53–62.

208. Karpavičiute, I. Evolution of the North-Atlantic Security Community and the Baltic States / I. Karpavičiute // *Newcomers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of «Post-Cold War» Members* / R. Gzulda, M. Madej (eds.). – Warsaw-Prague-Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2015. – P. 89–102.

209. Kasekamp A. Baltic States and the EU: A Rocky Road from «Outside» towards the «Core» // *The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow* / A. Grigas, A. Kasekamp etc. – Notre Europe Jacques Delors Institute Studies & Reports. – July 2013. – P. 16–32.

210. Kasekamp, A., Veebel, V. Overcoming doubts: The Baltic states and the European Security and Defence Policy / A. Kasekamp, V. Veebel // *The Estonian Foreign Policy Yearbook* – Tallinn: Estonian Foreign Policy Institute, 2007. – P. 9–32.

211. Katchanovski, I. EU and NATO Enlargement Puzzles / I. Katchanovski // *Paper for the Annual Meeting of the American Political Science Association in Washington, DC, September 2–5, 2010*. – Washington, DC, 2010. – 26 p.

212. Kirkilas, G. Narystė NaTO – politinio konsensuso pasekmė / G. Kirkilas // *Lietuva ir NATO: 10 metų kartu* / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 13–18.

213. Kivikari, U. The Northern Dimension – the name for the neighborhood policy of the enlarged EU / U. Kivikari // *Russian-European Center for Economic Policy (RECEP): Policy Paper* [Electronic resource]. – 2002. –

Mode of access: <http://www.recep.ru/phase4/en/rp/kivikarie.pdf>. – Date of access: 13.02.2004. – 6 p.

214. Kivikari, U., Antola, E. Baltic Sea Region – A Dynamic Third of Europe / U. Kivikari, E. Antola. – Turku, 2004. – 35 p.

215. Klaiber, K.-P. The Baltic States in NATO's Enlargement Strategy / K.-P. Klaiber // Lithuanian Foreign Policy Review–1998. – № 2 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=64>. – Date of access: 17.12.2007.

216. Krivas, A. Lithuanian-Polish Military Cooperation / A. Krivas // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2001, № 1 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=69>. – Date of access: 17.12.2007.

217. Krohn, A. German Military Cooperation in the Baltic Sea Region: Regional Continuity and Global Change / A. Krohn // The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004; B. Huldt, T. Ries etc. (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2003. – P. 231–252.

218. Landsbergis, V. Lithuania Before an Open Door / V. Landsbergis // Lithuanian Foreign Policy Review–1998. – № 2 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=64>. – Date of access: 17.12.2007.

219. Lanko, D. NATO Enlargement: Reflections on the Russian Domestic Politics / D. Lanko // Challenges to International Relations in Post-Cold War Europe. / K. Khudoley, S. Tkachenko (eds.). – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Press, 2002. – P. 31–44.

220. Larsen, H. Denmark and the EU's defence dimension: Opt-out across the board? / H. Larsen // The ESDP and the Nordic Countries / N. Graeger, H. Larsen, H. Ojanen (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2002. – P. 90–153.

221. Laursen, J., Olesen, T. A Nordic Alternative to Europe / J. Laursen, T. Olesen // Denmark's policy towards Europe after 1945: history, theory and options / H. Branner, M. Kelstrup (eds.). – Odense: Odense University Press, 2000. – P. 223–248.

222. Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU 27-Russia Relations / M. Leonard, N. Popescu // European Council on Foreign Relations [Electronic resource]. – Mode of access: http://ecfr.eu/content/entry/commentary_pr_russia_power_audit/. – Date of access: 10.09.2014.

223. Lie, K. The Changing Role of the Baltic Sea Area in Power Policies / K. Lie // The Baltic Room: Extending the Northern Wing of the European House: Strategic Yearbook 2001 / H. Zettermark, M. Haegg, C. von Euler (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2000. – P. 101–114.

224. Lietuvos Respublikos Vyriausybė. LR Vyriausybių 1990–1999 m. programos (ištraukos, susijusios su užsienio politika) 1990 m. kovo 17 d. – Vilnius, 2000 m. – 235 p.

225. Linkevičius, L. Kelias į NATO ir narystės pradžia / L. Linkevičius // Lietuva ir NATO: 10 metų kartu / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 41–44.

226. List of Priorities and Projects as contribution to the Northern dimension Action Plan (NDAP) for 2000–2003 // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/cbsspresidencies/9german/prioritiesandprojects>. – Date of access: 17.03.2006.

227. Lithuania's Security and Foreign Policy Strategy / CSIS Eastern Europe Project, Institute of International Relations and Political Science. – Vilnius: CSIS Eastern Europe Project, Institute of International Relations and Political Science, 2002. – 99 p.

228. Luik, J. The Right Step in the Right Direction at the Right Time / J. Luik // Estonia's View of PFP. – 1994. – Vol. 39, № 2. – P. 17–19.

229. Lundin, L.-E. An EU Perspective on Regional Cooperation in Northern Europe / L.-E. Lundin // The 5th Stockholm Conference on Baltic Sea Region Security and Cooperation: Enlargement and Beyond, Stockholm, 19 Oct. 2000; K. E. Peterson, A. W. E. Fahraeus, M. Amper (eds.). – Stockholm, 2000. – P. 47–52.

230. Madrid Declaration on Euro-Atlantic Security and Cooperation: Issued by the Heads of State and Government, 8 July 1997 // NATO Press Releases [Electronic resource]. – 1997. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/pr/1997/p97-081e.htm>. – Date of access: 15.07.2007.

231. Mannik, E. Development of the Estonian Defence: Finish Assistance / E. Mannik // Baltic Defense Review. – 2002. – Vol. 1, № 7. – P. 34–42.

232. Maslauskaitė, K., Zorgenfreija, L. Economic Miracle in the Baltic States: An Exemplary Way to Growth? // The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow / A. Grigas, A. Kasekamp etc. – Notre Europe Jacques Delors Institute Studies & Reports. – July 2013. – P. 33–64.

233. Melnikas, B. Probleme der Integration der baltischen Staaten in westliche Strukturen / B. Melnikas / Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien № 40. – Köln, 1999. – 40 s.

234. Michałowski, S. Baltic Co-operation / S. Michałowski // The Yearbook of Polish Foreign policy [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: http://www.sprawymiedzynarodowe.pl/yearbook/2000/stanislaw_michalowski_baltic_cooperation.html. – Date of access: 11.01.2007.

235. Miniotaite, G. Lithuania and NATO Enlargement / G. Miniotaite // Baltic Defence Review. – 2001. – № 6. – P. 30–34.

236. Molis, A., Jakštaite, G. NATO's Transformation and Energy Security: The Perception and Role of a «Newcomer» / A. Molis, G. Jakštaite // Newcomers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of «Post-Cold War» Members / R. Gzulda, M. Madej (eds.). – Warsaw-Prague-Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2015. – P. 169–182.

237. Mottola, K. Nordic Security Policy Co-operation: A New Regional Role in the Making / K. Mottola // Small States and the Security Challenge in the New Europe: Brassey's Atlantic Commentaries No. 8 / W. Bauens,

A. Clesse, O. F. Knudsen (eds.). – London–Washington: Brassey's, 1996. – P. 150–170.

238. Mouritzen, H. Denmark / H. Mouritzen // European integration and national adaptations: a theoretical inquiry / H. Mouritzen, O. Waever, H. Wi-berg (eds). – Commack, New York: Nova Science Publishers Inc., 1996. – P. 65–100.

239. Muižnieks, N. Latvian-Russian Relations: Dynamics Since Latvia's Accession to the EU and NATO. – Riga: University of Latvia Academic Press, 2011. – 88 p.

240. National Security Concept of the Republic of Estonia. – Tallinn, 2001. – Estonian Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.vm.ee/static/failid/432/NSC_RK6-041.pdf. – Date of access: 19.12.2007.

241. NATO begins accession talks with invitees // NATO official web site [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/update/2003/01-january/e0129a.htm>. – Date of access: 11.08.2007.

242. Nato states create new multilateral force // The Financial Times. – 29.08.2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ft.com/cms/s/0/5335d904-2f98-11e4-87d9-00144feabdc0.html#axzz3DwRNt5LZ>. – Date of access: 10.09.2014.

243. NATO Summit in Washington D. C. // Lithuanian Foreign Policy Review–1999. – № 3 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=65>. – Date of access: 17.12.2007.

244. NATO's Baltic Allies punching above their weight: speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen in Tallinn, Estonia on 19 January 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_83482.htm. – Date of access: 10.09.2014.

245. Nielsen, K. L. Opportunities and Limitations for the Baltic States of the EU-Russia Strategic Partnership / K. L. Nielsen // Baltic Security & Defence Review. – 2007. – Vol. 6. – P. 109–130.

246. Northern Dimension Policy Framework Document: adopted at the Northern Dimension Summit, 24 November 2006, Helsinki // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/doc/frame_pol_1106.pdf. – Date of access: 12.04.2007. – 8 p.

247. Ojanen, H. Attitudes and Policies of Finland concerning EU Enlargement in the Baltic Sea Region / H. Ojanen // EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 197–207.

248. Ojanen, H. Hopes, Expectations and Worries – the Changing Task of Heading the development of the CFSP/ESDP in a Diversifying Union / H. Ojanen // The Baltic Room: Extending the Northern Wing of the European House: Strategic Yearbook 2001 / H. Zettermark, M. Haegg, C. von Euler (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2000. – P. 21–36.

249. Ojanen, H. How to Customise Your Union: Finland and the Northern Dimension of the EU / H. Ojanen // Northern Dimension Yearbook. – Helsinki, 1999. – P. 13–26.

250. Oovel, A. Baltic and Northern European Security: «History Does Not Have Holidays»: 14th International Workshop on Global Security, Prague, 21–25 June 1997 / A. Oovel // Center for Strategic Decision Research [Electronic resource]. – 1997. – Mode of access: <http://www.csd.r.org/97Book/oovel-C.htm#>. – Date of access: 02.08.2006.

251. Orientation for a Union approach towards the Baltic Sea region: Communication from the Commission to the Council. Brussels, 25 Oct. 1994 // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/dbaFile590.html. – Date of access: 07.04.2007.

252. Ostseerat etabliert sich als Ergänzung zur EU // Der Tagesspiegel. – 2000. – 14 April. – S. 7.

253. Overview of TACIS Programme // European Commission External Relations [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/ceeca/tacis/. – Date of access: 22.09.2006.

254. Overview of the Northern Europe Initiative: Fact Sheet released by the Bureau of European Affairs, U. S. Department of State, Washington, DC, May 1, 2000 // United States Department of State, Bureau of European Affairs [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: http://www.state.gov/www/regions/eur/nei/fs_000501_nei.html. – Date of access: 12.01.2007.

255. Partnership for Peace: Framework Document issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council – Brussels, 10 January 1994 // NATO Basic texts [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/basictxt/b940110b.htm>. – Date of access: 03.09.2006.

256. Partnership for Peace: Invitation Document issued by the Heads of State and government participating in the Meeting of the North Atlantic Council – Brussels, 10 January 1994 // NATO Basic texts [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/basictxt/b940110a.htm>. – Date of access: 03.09.2006.

257. Partnership with the countries of Central and Eastern Europe: statement issued by the North Atlantic Council meeting in Ministerial Session in Copenhagen, 7 June 1991 // NATO Basic texts [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/basictxt/b910607a.htm>. – Date of access: 23.10.2007.

258. Patten, C., Lindh, A. The Northern Dimension of EU Foreign Policy: From Words to Action / C. Patten, A. Lindh // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: http://europa.eu.int/comm/external_relations/news/patten/north_dim.htm. – Date of access: 04.05.2005.

259. Paulauskas, K. The Baltics: from nation states to member states / K. Paulauskas. – Paris: EU Institute for Security Studies, 2006. – Occasional Paper № 62. – 43 p.

260. Polish road to the NATO (chronology of major events). // Poland Embassy in Bucharest [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20041014225625/http://ampolbuk.kappa.ro/nato2.html>. – Date of access: 30.04.2007.

261. Political Declaration on the Northern Dimension Policy: agreed by The European Union, the Republic of Iceland, the Kingdom of Norway, and the Russian Federation at the Northern Dimension Summit, 24 November 2006, Helsinki // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/doc/pol_dec_1106.pdf. – Date of access: 12.04.2007. – 2 p.

262. Poselsky, V. The frontiers of Europe in the light of the Wider Europe's strategy / V. Poselsky // European Political Economy Review. – 2004. – Vol. 2, № 1. – P. 51–74.

263. Prague Summit: The Road to NATO membership // NATO official web site [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: http://www.nato.int/docu/comm/2002/0211-prague/more_info/membership.htm. – Date of access: 03.09.2007.

264. Praks, H. Estonia and NATO: Back to Basics After a Decade of Membership // Newcomers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of «Post-Cold War» Members / R. Gzulda, M. Madej (eds.). – Warsaw-Prague-Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2015. – P. 189–206.

265. President Bush Speaks to Faculty and Students of Warsaw University: Remarks by the President in Address to Faculty and Students of Warsaw University, 15 June 2001 // The White House, President George W. Bush [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/06/20010615-1.html>. – Date of access: 03.09.2007.

266. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Estonia. – Brussels, 26 March 2003. // NATO Basic texts [Electronic resource]. – Mode of access: <http://152.152.94.201/docu/basictxt/b030326b.pdf>. – Date of access: 23.10.2007.

267. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Latvia. – Brussels, 26 March 2003. // NATO Basic texts [Electronic resource]. – Mode of access: <http://152.152.94.201/docu/basictxt/b030326c.pdf>. – Date of access: 23.10.2007.

268. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Lithuania. – Brussels, 26 March 2003. // NATO Basic texts [Electronic resource]. – Mode of access: <http://152.152.94.201/docu/basictxt/b030326d.pdf>. – Date of access: 23.10.2007.

269. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Poland. – Brussels, 16 December 1997 // NATO Basic texts

[Electronic resource]. – Mode of access: <http://152.152.94.201/docu/basicxt/b971216c.htm>. – Date of access: 23.10.2007.

270. Public Opinion and the Level of Awareness on Security Issues in Baltic Countries // FAS Military Analysis Network [Electronic resource]. – Mode of access: <http://fas.org/man/nato/national/980300-opinion.htm>. – Date of access: 05.04.2015.

271. Public opinion on enlargement in the EU Member States and applicant countries // European Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/enlargement/briefings/41a3_en.htm. – Date of access: 05.04.2015.

272. Regular report 1998 from the Commission on Latvia's progress towards accession: Document drawn up on the basis of COM(1998) 704 final // Bulletin of the European Union: Supplement 9/98. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1998. – 46 p.

273. Regular report 1998 from the Commission on Lithuania's progress towards accession: Document drawn up on the basis of COM(1998) 706 final // Bulletin of the European Union: Supplement 11/98. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1998. – 46 p.

274. Regular report 1998 from the Commission on Poland's progress towards accession: Document drawn up on the basis of COM(1998) 701 final // Bulletin of the European Union: Supplement 6/98. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 1998. – 46 p.

275. Repečkaitė, D. Why are Baltic States posing as anti-Greece? / D. Repečkaitė // New Internationalist [Electronic resource]. – Mode of access: <http://newint.org/features/web-exclusive/2015/07/01/baltic-states-anti-greece/>. – Date of access: 05.04.2015.

276. Rhodes, E. America, the Baltic States and Russia: The US Northern Europe Initiative and Hanseatic Models of Security / E. Rhodes // Challenges to International Relations in Post-Cold War Europe. / K. Khudoley, S. Tkachenko (eds.). – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Press, 2002. – P. 86–114.

277. Ries, T. The New Nordic Security Agenda / T. Ries // The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004; B. Hultdt, T. Ries etc. (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2003. – P. 21–58.

278. Robertson, G. Lithuania and NATO / G. Robertson // Lithuanian Foreign Policy Review–2000. – № 1 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=67>. – Date of access: 17.12.2007.

279. Ronge, F. Die baltischen Staaten auf dem Weg in die Europäische Union / F. Ronge (Hrsg.). – Bonn, 1998. – 60 p.

280. Rupp, M. A. Negotiating Accession to the EU: The Case of the Baltic States / M. A. Rupp // EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia / H. Hubel (ed.). – Berlin: Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 125–143.

281. Russia scolds OSCE for equating Hitler and Stalin // REUTERS [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2009/>

07/04/us-russia-osce-stalinism-idUSTRE5632JI20090704#hhX2b6t2Jz1m7e
Ob.99. – Date of access: 10.09.2014.

282. Ryden, L. The Baltic Sea Region and the relevance of regional approaches / L. Ryden // *The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies* / W. Maciejewski, L. Ryden (eds.). – Uppsala: The Baltic University Press, 2002. – P. 7–29.

283. Šapronas, R. Baltijos karinis bendradarbiavimas: kelio į NATO pradžia / R. Šapronas // *Lietuva ir NATO: 10 metų kartu* / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 19–26.

284. Saudargas, A. The Case for Lithuanian Membership in NATO»: 14th International Workshop on Global Security, Prague, 21–25 June 1997 / A. Saudargas // *Center for Strategic Decision Research* [Electronic resource]. – 1997. – Mode of access: <http://www.csd.org/97Book/saudargas-C.htm>. – Date of access: 02.08.2006.

285. Schmalz, U. German ambitions and ambiguities: EU initiatives as a useful framework / U. Schmalz // *The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension*. / G. Bonvicini, T. Vahtoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2000. – P. 216–236.

286. Schröder: Ostseeraum wichtiger als die USA // *Süddeutsche Zeitung*–2000. – 14 April. – S. 8.

287. Schuppius, E. NATO Enlargement and Security in the Baltic Sea Region / E. Schuppius // *Swedish Atlantic Council* [Electronic resource]. – 1998. – Mode of access: http://www.svenska-atlant.org/index.php?page=view_article&id=4. – Date of access: 04.05.2007.

288. Simon, J. NATO Enlargement and Central Europe: A Study in Civil-Military Relations / J. Simon – Washington, D. C.: Institute for National Strategic Studies, National Defense University, 1996. – 317 p.

289. Sloan, S. R. NATO Enlargement and the Former European Neutrals: CRS Report 97–249F / S. R. Sloan. – Washington: Congressional Research Service, Library of Congress, February 18, 1997. – 6 p.

290. Smith, K. C. Baltic-Russian Relations. Implications for European Security / K. C. Smith. – Washington D. C.: Center for Strategic & International Studies. – 2002. – 61 p.

291. Stalvant, C.-E. Interests, Loyalties and the Lures of Power: The Baltic Sea States in Future European Governance / C.-E. Stalvant // *The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004*; B. Hultdt, T. Ries etc. (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2003. – P. 83–102.

292. State Defence Concept. Approved by the Latvian Cabinet of Ministers on 30 September 2003, accepted by the Latvian Saeima (Parliament) on 13 November 2003 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.am.gov.lv/en/security/basic/4537/>. – Date of access: 19.12.2007.

293. Stenlund, P., Nissinen, M. The Northern Dimension on the eve of the Feira European Council / P. Stenlund, M. Nissinen // *Virtual Finland*

[Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: <http://virtual.finland.fi/finfo/english/northdim2.html>. – Date of access: 13.02.2004.

294. Study on NATO Enlargement: Sept. 1995 // NATO Basic Texts [Electronic resource]. – 1995. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/basicxt/enl-9501.htm>. – Date of access: 15.07.2007.

295. Tables Summarising the Allocation of TACIS Resources, 1991–1999 // European Commission External Relations [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/ceeca/tacis/. – Date of access: 18.10.2006.

296. Terms of Reference for the Council of the Baltic Sea States: adopted by the Conference of the Foreign Ministers of the Baltic Sea States, Copenhagen, 5–6 March 1992 // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cbss.st/documents/foundingdocs/dbaFile752.html>. – Date of access: 05.04.2004.

297. Terpan, F. French concern: Northern Europe as a key point in the European debate on power and security / F. Terpan // The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension. / G. Bonvicini, T. Vahantoranta, W. Wessels (eds.). – Helsinki: Ulkopoliittinen instituutti, 2000. – P. 245–258.

298. The Alliance's Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Rome, 8 November 1991 // NATO Basic texts [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b911108a.htm>. – Date of access: 03.09.2006.

299. The Alliance's Strategic Concept: Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D. C., 24 Apr. 1999, NAC-S(99)65 // NATO Press Releases [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-065e.htm>. – Date of access: 03.09.2006.

300. The Baltic Sea Regional Initiative: adopted by the European Council in Florence, 22 June 1996. // CBSS–2003. – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource] – Mode of access: http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/balticseainitiative. – Date of access: 10.04.2004.

301. The Expansion of NATO into the Baltic Sea Region. Prague 2002 and Beyond: CRM D0006161. A2/Final, May 2002 / D. Gorenburg [etc.]. – Alexandria, Virginia: Center for Strategic Research, 2002. – 47 p.

302. The Membership Action Plan // NATO Enlargement [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: <http://www.nato.int/issues/map/index.html>. – Date of access: 10.01.2008.

303. The Northern Dimension Environmental Partnership // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/north_dim/ndep/index.htm. – Date of access: 19.06.2007.

304. The Northern eDimension Action Plan (2005–2006) // CBSS – Council of the Baltic Sea States [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access: <http://www.cbss.st/summits/laulasmaa2004/annualreports/nedap.doc>. – Date of access: 22.07.2006. – 8 p.

305. The Second Northern Dimension Action Plan, 2004–2006: Commission of the European Communities document, 10 June 2003, COM(2003) 343 final // The Northern Dimension of the European Commission [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: http://www.cbss.st/documents/euand_baltic_region/eund/northerndimensionactionplan2004–2006.pdf. – Date of access: 11.02.2004. – 45 p.

306. The Security and Defensibility of the Baltic States [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.aff.a.se/balticum.pdf>. – Date of access: 11.02.2014.

307. The United States and Northern Europe: Selected Quotes // United States Department of State, Bureau of European Affairs [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: www.state.gov/www/regions/eur/nei/index.html. – Date of access: 12.01.2007.

308. Tiido, H. The Impossibility of a «Baltic Sea Region Security» / H. Tiido // The 5th Stockholm Conference on Baltic Sea Region Security and Cooperation: Enlargement and Beyond, Stockholm, 19 Oct. 2000; K. E. Peterson, A. W. E. Fahraeus, M. Amper (eds.). – Stockholm, 2000. – P. 19–23.

309. Tiilikainen, T. A Finish Perspective on European Security / T. Tiilikainen // The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004; B. Hultdt, T. Ries etc. (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2003. – P. 307–318.

310. Trenin, D., van Ham, P. Russia and the United States in Northern European Security / D. Trenin, P. van Ham. – Helsinki, 2000. – 96 p.

311. Urbelis V. Mažųjų valstybių reikšmė NATO / V. Urbelis // Lietuva ir NATO: 10 metų kartu / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 113–120.

312. Urbelis, V. Lithuanian Strategic Culture / V. Urbelis // Lithuanian Annual Strategic Review 2006 / General Jonas Žemaitis Lithuanian Military Acad.; Inst. of Intern. Relations and Political Science of the Univ. of Vilnius; Strategic Research Center. – Vilnius, 2007. – P. – 193–208.

313. Vahl, M. The Northern Dimension as a Model for Relations between the European Union and its «Near Abroad»/ M. Vahl // Centre for European Policy Studies (CEPS) [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: http://www.ceps.be/Pubs/Pubsrecord.htm#Marius_Vahl.pdf. – Date of access: 18.12.2004. – 12 p.

314. Varvuolis, G. Narystės veiksmų planas – paskutinis laiptelis į NATO / G. Varvuolis // Lietuva ir NATO: 10 metų kartu / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 71–78.

315. Vike-Freiberga, V. Security Aspects of Integrating Latvia into Euro-Atlantic Institutions / V. Vike-Freiberga // The 5th Stockholm Conference on

Baltic Sea Region Security and Cooperation: Enlargement and Beyond, Stockholm, 19 Oct. 2000; K. E. Peterson, A. W. E. Fahraeus, M. Amper (eds.). – Stockholm, 2000. – P. 11–18.

316. Vilpišauskas, R. Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results / R. Vilpišauskas // Lithuanian Political Science Yearbook 2002 / ed. A. Jankauskas; Inst. of International Relations and Political Science. – Vilnius: Vilnius Univ., 2003. – P. 119–141.

317. Vilpišauskas, R. Integracija Europoje: Baltijos šalys ir Europos Sąjunga / R. Vilpišauskas. – Vilnius: Artila, 2001. – 161 p.

318. Vilpišauskas, R. The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / R. Vilpišauskas // A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union Studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. – Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, 2003. – 22 p.

319. Vilpišauskas, R. The Political Economy of Transatlantic Relations: the Implications of EU Enlargement / R. Vilpišauskas // Lithuanian Political Science Yearbook 2003 / ed. A. Jankauskas; Inst. of International Relations and Political Science. – Vilnius: Vilnius Univ., 2004. – P. 141–160.

320. Vitkus, G. Changing Security Regime in the Baltic Sea Region: NATO Euro-Atlantic Council Individual Research Fellowship 2000–2002 Programme / G. Vitkus // NATO Academic Forum [Electronic resource]. – Vilnius, 2002. – Mode of access: <http://www.nato.int/acad/fellow/99–01/Vitkus.pdf>. – Date of access: 14.05.2007. – 46 p.

321. Waever, O., Joenniemi, P. Region in the Making – A Blueprint for Baltic Sea Politics / O. Waever, P. Joenniemi // The Baltic Sea Region: Conflict or Co-operation? Region-Making, Security, Disarmament and Conversion. / Kieler Schriften zur Friedenswissenschaft; Ch. Wellmann (ed.). – Kiel, 1991. – P. 13–60.

322. Waltz, K. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – New York: McGraw-Hill, 1979. – 126–127 p.

323. Wedin, L. Sweden in European Security / L. Wedin // The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004; B. Hultdt, T. Ries etc. (eds.). – Stockholm: Swedish National Defence College, 2003. – P. 319–336.

324. What is NEI? // United States Department of State, Bureau of European Affairs [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: http://www.state.gov/www/regions/eur/nei/nei_intro.html. – Date of access: 12.01.2007.

325. WikiLeaks cables reveal secret NATO plans to defend Baltics from Russia // The Guardian. – 06.12.2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2010/dec/06/wikileaks-cables-nato-russia-baltics>. – Date of access: 10.09.2014.

326. WikiLeaks cables reveal secret Nato plans to defend Baltics from Russia [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/dec/06/wikileaks-cables-nato-russia-baltics>. – Date of access: 17.09.2012.

327. WikiLeaks: Избранные материалы / сост. В. Апанасик. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 280 с.
328. Williams, L.-K. The Baltic Sea Region: Forms and Functions of Regional Co-operation / L.-K. Williams // BaltSeaNet Publications [Electronic resource]. – Berlin, 2001. – Mode of access: <http://www2.rz.hu-berlin.de/BaltSeaNet/Publications/williams.html>. – Date of access: 28.01.2006.
329. World Economic Outlook Database, October 2009 // International Monetary Fund [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx>. – Date of access: 05.04.2015.
330. Zeff, E. E. Enlargement, Spending Policies and the EU Budget / E. E. Zeff. – Nashville: European Union Studies Association, 2003. – 44 p.
331. Zilberman A., Webber S. Public Attitudes toward NATO Membership in Aspirant Countries / A. Zilberman, S. Webber // The Public Image of Defence and the Military in Central and Eastern Europe / M. Vlachova (ed.). – Geneva: DCAF and CCMR, 2003. – P. 47–68.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перечень условных обозначений и сокращений	3
Введение	5
Обзор источников и историографии	11
<i>Глава 1. Страны Балтии на пути к признанию своего евроатлантического выбора</i>	26
1.1. Внутренние условия формирования курса на евроатлантическую интеграцию.....	26
1.2. Региональный контекст начала реализации курса на евроатлантическую интеграцию	45
1.3. Развитие отношений ЕС и НАТО со странами Балтии до получения ими статуса кандидатов на вступление	59
<i>Глава 2. Подготовка к вступлению в ЕС и НАТО</i>	81
2.1. Региональная специфика подготовки стран Балтии к вступлению в ЕС. Программа «Северного измерения»	81
2.2. Особенности подготовки стран Балтии к вступлению в НАТО. Региональные инициативы в рамках программы «Партнерство ради мира»	100
2.3. Процесс определения конкретных условий и сроков принятия государств Балтии в ЕС и НАТО.....	115
<i>Глава 3. Первое десятилетие в статусе полноправных членов</i> ...	124
3.1. Развитие отношений стран Балтии с НАТО после вступления в Альянс	124
3.2. Влияние вступления в ЕС на дальнейшее развитие стран Балтии и их участие в углублении европейской интеграции ...	140
3.3. Изменения международной обстановки в регионе и внешней политики стран Балтии после вступления в ЕС и НАТО....	157
Заключение	176
Список использованной литературы	183

Научное издание

Володькин Андрей Александрович

**ИНТЕГРАЦИЯ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ
В ЕС И НАТО (1991–2014 гг.)**

Редактор *М. С. Макрицкая*

Художественный редактор *И. Т. Мохнач*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

В художественном оформлении использован дизайн-проект обложки
В. А. Володькина

Подписано в печать 25.01.2016. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,24. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 120 экз.
Заказ 22.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18
от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.